

ИС Р17-619-0728

Вместо эпиграфа

— А я не верю в Бога, — сказал мне один человек.

— А я одним ухом не слышу, — вздохнув, признался я в ответ. — Совсем.

Вместо предисловия

Тут всё просто. Стоило бы, наверное, закончить книгу прямо сейчас, поскольку попом я не мог не стать. Слишком уж естественно складывались обстоятельства. А всё началось с того, что меня укусил бурый медведь.

Медведь

Медведя звали Дашей, и он был медведицей. А меня никто никуда не звал, и я сам пришёл покормить Дашу. Покормил. А затем полез по клетке куда-то наверх. Сейчас сложно говорить о смысле того неясного действия, но мне было шесть, и ещё у меня были сандалии, которые и заинтересовали медведицу Дашу. То ли потому, что их жёлтый цвет вызывал какие-то медовые ассоциации. Или же это было в силу того, что медведица была ещё медвежонком, хоть и весила она раз в десять больше меня.

Так или иначе, Даша задумчиво подошла к решётке и ухватила меня зубами за сандалию. На всё это одобрительно смотрел её брат Паша. Тут я понял, что мне больше не хочется лезть вверх по клетке, к тому же человеческих свидетелей моей необычайной ловкости не нашлось ни одного. Все обитатели междуреченской турбазы «Восход» были в столовой. Выдернув правую ногу из Дашиной пасти, я решил, что сейчас самое время заняться чем-нибудь другим, например порисовать на асфальте разноцветными мелками.

Поп

Кому как, а мне слово «поп» нравится. Хоть даже его и произносили большевики с презрительной интонацией. Пусть оно и значит сегодня в словарях как устаревшее или просторечное. Меня это слово из произведений русских классиков и дореволюционного церковного официоза подкупает своей этимологией и простотой. Поп Захария, протопоп Савелий.

Поп — он и есть поп. Без всяких там «пастырь овец православных» и прочих ложностыдливых аббревиатур. Поп всегда на виду. Его легко узнать, даже если он наденет бейсболку, чёрные очки, кожаную куртку и попытается мимикрировать под ВИА «ZZ-Тор». Именно про попа, а не про градоначальника или судью ходят от уха к уху захватывающие дух истории:

«А наш-то отец Петр отсидел за убийство двадцать лет как один день! И служит в перчатках, потому как все руки у него в наколках, да. Мне давеча соседка рассказывала, а уж она-то знает».

От попа зависит духовно-нравственное состояние прихожан, но и сам он находится в определённой зависимости от них:

«Поп сидя обедню служит, а миряне лёжа Богу молятся».

Про попов-мракобесов, пьяниц и хапуг рассказывали мне советские книги и советские учителя в единой надежде отвратить юный ум от Бога. Учительница пения во втором классе даже рассказывала нам, как она, будучи в качестве экскурсантки в Троице-Сергиевой Лавре, своими глазами видела нечто возмутительное: под церковным одеянием одного попа виднелись... джинсы! Представляете, дети? Так-то вот! Служители культа, оказывается, не лишены желания пощеголять в модной одежде. Однако получилось так, что где-то система дала сбой, и теперь я сам поп. Ну, или, если быть последовательным, протопоп.

Детство

Оно могло бы уместиться в один день целиком. А может, оно и длилось один длинный, но короткий день. Ещё до рассвета я уже играл с кубиками, оловянными солдатами Советской Армии и мягкими игрушками — красно-белым зайцем Степашкой, медведем Мишуткой, у которого не было одного уха (зачем-то я отрезал его хирургическими ножницами, загнутыми по плоскости, а пришить назад не смог), собакой Филей и голубым слонёнком по прозвищу Слонёнок. Все они были вовлечены в военные действия на развалинах воображаемого города. Едва восход касался наших окон, начинался тот самый чудесный день детства. Он был полон самых разных захватывающих вещей, которые только могли случиться.

Во дворе и далеко за его пределами было всё: игры в банку, в ножички, прятки, брызгалки, костры с кусками шифера (бабахает так, что полкостра взлетает на первой космической, а другая половина норовит попасть в тебя), опасная для жизни семнадцатилетняя шестиэтажная стройка, рогатки, свежевырытые траншеи с драгоценной глиной (насаживаешь на прут комочек, лёгкий взмах руки, и глина летит через весь двор, прямо в окно пятого этажа), расплавленный в консервной жестянке свинец, нечаянно подожжённый соседний подъезд (пожарная машина с лестницей, по которой из окна второго этажа вылезла старушка-соседка), побег от милиционеров в штатском (а зачем шифер лежал штабелями без всякой охраны? Не для того ли, чтоб его били дети?), затем полтора часа в читальном зале детской библиотеки с Урфином Джюсом и его деревянными солдатами, промоченные в луже ноги (ничего, высохнут), найденные на земле три копейки (ура! газировка!), деревянный ящик из-под мороженого (на спор я смог уместиться в нём целиком, но запаниковал, когда за мной закрыли крышку и сели на неё), перегоревшие лампочки (ба-бах!), куски пластмассы (подожжённые, они роняли на землю горящие капли, вызывая в воображении ассоциации со смертоносным оружием будущего), новые друзья («Какие ты знаешь приёмы?» — спросили они меня. «Приём стеклопосуды», — ответил я, покосившись на старую дворовую вывеску), подвалы, крыши и чердаки, секретники из фантиков и бутылочных стёкол (девчонки были довольны), съедобные «корешки» осоки, соседский шпиц Федя, который боялся только одного — когда я зловеще произносил его имя (признаюсь, я бы и сам испугался, произнеси Федя таким же голосом моё), дымовуха из гитарных плектров, завёрнутых в бумагу (бросалась в подсобку продуктового магазина «Колос», к неудовольствию продавщиц овощного отдела), бочка с квасом, которая вечером была закрыта на верёвочку (открывалась на раз-два осколком стекла)... Предложению давно бы уже пора закончиться, а я только начал перечислять, что приносил мне каждый рассвет. Впрочем, и так понятно, что моё детство было самым счастливым в мире.

Конфликт разума и веры

Он случился, когда я, увидев, друга моего отца с сигаретой, разволновался и спросил, зачем он курит, ведь это вредно. Тот недоверчиво посмотрел на четырёхлетнего пацана, затем глубоко затянулся, выдохнул в небо большое облако дыма, на мгновение прислушался к своим ощущениям и констатировал:

— Не больно.

У меня не было оснований не доверять его личному опыту, но разумом я понимал, что книги врать не могут. Или могут? А вдруг в книжках написали неправду? Кому же верить?

Вот, скажем, в моей книжке по астрономии говорилось, что наша планета вокруг солнца летает. Но мои глаза (да и глаза всех, кого я опросил позднее) уверяли, что это солнце вращается вокруг Земли, ведь оно встаёт из-за горизонта на востоке, затем весь день катится по небу, а потом садится на западе. Незадача... Эксперимента, доступного всем и каждому, не поставит. Остаётся лишь довериться науке, которая... Что? Развивается? Как это?

Впоследствии оказалось, что та или иная непреложная научная истина в одночасье может измениться в связи с новым открытием. Вчера, скажем, человеческий аппендикс считался бесполезным атавизмом, который рекомендовалось при любом удобном случае удалять, а уже сегодня выясняется, что эта колыбель нормальной кишечной микрофлоры — важный иммунный орган. Вчера разум верил в один научный факт, а сегодня с той же силой — в противоположный.

В кемеровских трамваях на застеклённых дверях была одна и та же надпись: «Не прислоняться!» Лет до четырёх, наверное, я был уверен, что запрещалось притворяться слоном. Ну, к примеру, как слово «придуряться» означало прикидываться дураком. Потом оказалось, что смысл у слова совершенно другой. Я даже пару раз делал взрослым людям замечания, указывая на эту надпись. Однако никто из них не выпал из трамвая (и ни один курильщик при мне не жаловался на боль от курения), и я в конце концов стал относиться к написанному в книгах и трамваях (а также и к словам посторонних взрослых) с некоторой долей осторожности, по возможности переспрашивая всё у папы с мамой. Это, кстати, оказалось более надёжным способом познания мира — доверять тем, кто тебя любит и заботится о тебе, кому ты обязан своей жизнью.

Как я чуть было не вырос злодеем

Как на Тихом океане

Тонет баржа с чуваками.

Чуваки не унывают,

Рок на палубе ломают.

Это я пою Деду Морозу песенку в туристском клубе «Абрис» от кемеровского производственного объединения «Азот». Мне четыре года, и я люблю это подвальное помещение за гигантскую (она мне правда казалась гигантской) деревянную ложку, подвешенную к потолку на цепи (кажется, это были именно цепи). Черпало ложки служило хранилищем для каких-то важных бумаг. Дед Мороз ошеломлён, ведь он ожидал песенку про маленькую ёлочку, которой холодно зимой. Коллеги моего отца в полном восторге, ведь все они любят эту песню про знаменитый дрейф самоходной баржи Т-36 в 1960 году. Мой папа в шоке, думаю, всем понятно, почему. А я самозабвенно продолжаю петь:

Зиганшин-буги, Поплавский-рок,

Крючковский съел один сапог...

Но это, конечно же, не единственный раз, когда я ставил папу в неудобное положение. Чуть позже, ранним зимним утром, путешествуя с ним на красном трамвае из дома до бабушки, я начал громко декламировать стихи. Понятно, что не Пушкина. Эти рифмованные строки я прочитал на стене семейного общежития, что на улице Дзержинского, где мы с родителями когда-то жили до переезда в Междуреченск:

Пейте пиво пенное —

Будет морда здоровенная!

Догадавшись, что грядёт окончание стиха, отец поспешил выйти со мной из разом проснувшегося трамвая, и от швейной фабрики до «Трикотажа» на Искитимке мы шли пешком. А дальше в стихотворении была, само собой, наглая клевета на советские органы правопорядка:

Вот почему милиция

Такая круглолица!

Вообще-то из меня должен был получиться бродяга или рецидивист. Так считала мамина подруга. Потому что я умудрился за своё короткое детство совершить четыре варварских поступка:

1. Плевался с крыши автобусной остановки в её сына (это было действительно глупо).
2. Нарочно сломал у неё дома две игрушки (зря, в общем-то, ну, подумаешь, сломали мою игрушку, мог бы и не мстить).
3. Укусил за палец другую мамину подругу (не знаю, зачем).
4. Укусил за палец стоматолога-хирурга (понятно, зачем).

Все эти мои выходки явно указывали на то, что ничего хорошего из меня не получится.

А ещё я бегал по школьным коридорам, хотя по ним положено было ходить. За это в пионеры меня приняли не в первый заход, а через полгода. Мне было очень стыдно, но я всё равно продолжал играть в «птичку на дереве» на переменах. Регулярно нарушая родительский запрет, я уходил за пределы двора во время прогулок. Зимой я прицеплялся к заднему бамперу того или иного грузовика, чтобы проехаться за ним, как на водных лыжах, хотя бы по двору.

Школьную уборщицу бабу Лену я придумал доводить особо изощрённым способом: на большой перемене мы выпрыгивали из класса через окно второго этажа (он был расположен не так уж высоко) и с безумными воплями врывались в школу, пробегая мимо вахты. Так мы делали три раза. Пока у бабу Лены не сдали нервы. Дверь в школу была единственной, а мы ни разу не выходили. Только входили и входили. Раз за разом. Когда мы в четвёртый раз пробежали мимо неё, она с криком кинулась на нас со шваброй, и я был наказан ударом по запястью.

В общем, как вы уже успели понять, моим родителям нужно было очень постараться, чтобы я не попал в тюрьму или на лесоповал в качестве каторжника.

Бог

Я не верил в Него, когда мне было четыре года. Хотя был уже полгода, как крещён. Помню, как с важным видом возразил бабушке, что космонавты в космос летали, а Бога там не видали. Конечно, расстроил её этим. Не расстроился только, как мне кажется, Сам Бог, поскольку спустя два года я стоял в дверном проёме, глядя на маму, которая чуть не рассталась с жизнью от аллергической реакции, и молился, чтоб она не умерла. Осенял себя крестным знаменем при этом. Вот только не припомню, чтобы между двумя этими событиями был хоть один религиозный выбор.

С того дня (хотя, может быть и раньше) в существовании Божиим я как-то естественно и непринуждённо не сомневался. Правда, в церковных Таинствах я почти не участвовал до подросткового возраста.

Первая исповедь состоялась в тринадцать лет, и священник, взглянув на меня, назвал все грехи, которые я сотворил, не ошибившись ни разу. В тот день я решил больше не материться. Хотя потом и изменял иногда своему же собственному намерению. Так, уже чуть более явным образом, продолжилась моя духовная жизнь. Раз-другой в месяц в храме были воскресная литургия и Закон Божий, дома были детская Библия и молитвослов с Псалтирью.

А до этого в четвёртом классе учили «Бородино». На вопрос учительницы, знает ли кто-нибудь, что означает выражение «не будь на то Господня воля» (слово «Господня» было написано с маленькой буквы, в соответствии с советской цензурой), я ответил, что это Божья воля. На что учительница возразила, что речь идет о воле господ. Через пару минут мне пришло в голову, что тогда воля была бы господской, но поезд уже ушёл.

Случается, что люди воспринимают Бога как некий свод законов и правил, придуманных древними. Как некую коллективную идею. Кто-то отказывает Творцу неба и земли в праве быть Личностью, отводя Ему роль некой энергии, которая исполняет желания, если всё сделать правильно. Ну как если бы Бог был электричеством. Для того чтобы вскипятить чайник, нужна исправная розетка. Воткнул штепсель и — вуаля! Кипяток!

А если желания не исполняются, тогда Бога принято обвинять, мол, Он несправедлив. Как по мне — если уж сравнивать Господа с электричеством, то обижаться на Него глупо. Не вскипел чайник — проверь исправность самого прибора и наличие в нём воды. И не выбило ли пробки. А вот ещё — не просрочил ли ты коммунальные платежи? А то ведь электричество не виновато в том, что суровые дяденьки решат отключить твою квартиру от городской электросети.

— Почему Бог не дал мне то-то и то-то? Почему Он забрал у меня то, что у меня было? Почему Он не стоит на моём крыльце в непрестанном ожидании приоткрытия двери на цепочке, чтоб положить мне на вытянутую ладонь то, что я попрошу? — спрашивают у священника.

— Не знаю, — иной раз ответит он, — ведь Бог не отчитывается передо мной. Этот мир сотворён Богом по Его законам. Он тут полный хозяин. Что хочет, то и делает. Я всего-то служитель Его алтаря. Знаю лишь, что однажды Бог стал человеком и умер за меня на

Кресте. Он предложил мне дружбу, и я с радостью принял её. А больше мне и не нужно ничего, по большому счёту. Главное, чтобы Он не дал мне потеряться из Его вида. Если хотите, я могу рассказать о своём опыте дружбы с Ним. Или о том, какими друзьями Ему были Иуда Искариот и пророк Елисей...

Не все желают дружбы с Богом, ведь это означает не только соблюдение заповедей, которые очень трудны. Что может быть сложнее требования любить врагов? Родных-то любить тяжело, а уж врагов... Кстати, а ведь я знаю, кого легко любить! Тех, кого я в глаза не видывал, кто обо мне ничего не знает и не говорит. Ничего не имею против новозеландцев, к примеру. Зачтётся ли мне это в добродетель?

Дружить с Богом — значит, разделить с Ним всё Его Царство. Унаследовать вселенную. Здорово, правда? «Возьмите иго Моё на себя», — добавляет Господь. А можно без этого? Не распинаться вместе с Христом, не быть битым вместе с Ним во дворе у Понтия Пилата, не быть оклеветанным вместе с Ним, не оказаться преданным? Можно ли разделить с Богом только радости, а невзгоды оставить только Ему?

Что до меня, могу сказать, что часто я пытался строить отношения с Богом как-то отдельно от моих отношений с миром, но плохие поступки по отношению не только к людям, но и к живой природе всегда удаляли меня от Самого Творца, и всякий раз приходилось к Нему возвращаться. Сложным и трудным путём.

О моём друге

Я шёл в гости к своему другу. Друг был самый что ни на есть настоящий. Однажды он спас мне жизнь и выплатил мои долги. Я обращался к нему в важных вопросах и по любой мелочи. Он был готов выслушать мои жалобы в любое время дня и ночи. А всё своё имущество он завещал мне.

И вот сегодня мой друг ждал меня, накрыв праздничный стол по поводу... по какому-то поводу... ну ведь точно был повод, какое-то событие в его жизни.

«Приходи ко мне, подели со мной мою радость», — сказал он. В общем, я, конечно же, откликнулся и теперь направлялся к нему.

Во дворе дома, где жил мой друг, меня ожидал неприятный сюрприз. Даже два. Во-первых, ну кто так разбивает клумбы, вот скажите мне! Безвкусица полная. Так я прямо в лицо дворничихе и сказал. Без лицемерия, не лукавя. Потому что я правду люблю. А она правду не любила. Оно и понятно. Понабрали в дворники кого попало, выдали им метлы кривые. Об этом я тоже ей сказал. Будь у неё метла прямая, она бы чисто мела, а не так, как сейчас, — грязными полосами на асфальте. Вот за правду я и пострадал. Дворничиха назвала меня несколькими матерными словами. И даже предприняла попытку огреть меня этой метлой по спине. Это было во-вторых. Едва успел в подъезд забежать и захлопнуть дверь. Безобразия!

Подъезд был так себе. Видал я подъезды и получше. Лестничные пролеты, откровенно говоря, были узковаты. Ни гроб вынести, ни мотоцикл закатить. Ни, как оказалось, разойтись со злобной псиной. Я вообще не подозревал, что бассеты могут быть такими агрессивными. Прицепленный за другой конец поводка к пожилой хозяйке, бассет-хаунд важно шествовал по ступенькам вниз, не глядя на меня. Решив исправить положение, я прочистил горло.

Конечно, кто ни разу не слышал, как это делаю я, мог бы подумать, что мимо промчался трактор с ревушим медведем за рулём. Конечно, это было очень громко. Но я не виноват. В конце концов, собака охотничьей породы обязана была стоически перенести мой рык. Но, как я подозревал, эта собака была неправильной.

Подпрыгнув на месте всеми четырьмя лапами, к тому же слегка ошалев от визга хозяйки (чего было визжать-то?), бассет молча вцепился в мои брюки. Мой справедливый протест был пропущен мимо ушей, зато оказалось, что я ещё и дурак. Надо ли говорить, что моему возмущению не было предела? Не умеешь держать собаку, надевай на неё намордник, — вот что мне думается!

Кое-как успокоившись, я стал подниматься на третий этаж, но на площадке второго этажа меня ожидал раздражённый усатый дядька. Высунувшись из-за двери, он громким голосом обвинил меня в том, что я выкручиваю в подъезде лампочки. Обещал повыдёрживать мне ноги. Дядька был здоровенный, злой и совершенно меня не слушал. Я-

то тут первый раз вообще, в этом подъезде. Обычно мой друг сам приходил ко мне. Обидевшись, я развернулся и пошёл домой.

И больше я к своему другу не хожу. Нет, я от дружбы нисколько не отказываюсь, но терпеть такое я не в силах. Дружить можно и на расстоянии. Мой друг всегда будет в моём сердце. Если что, он всегда может ко мне прийти сам. А вообще, он всегда меня поймёт и простит. Потому что обязан.

А иначе какой он тогда друг? Ведь, правда?

Собственность

Брать чужое — нехорошо. Это я усвоил ещё в детстве. От родителей и других взрослых, из книжек, мультфильмов и кино. Как-то всегда было понятно, почему. Чужое — оно и есть чужое. Ты взял, кто-то лишился. Тебе вроде как хорошо, а истинному владельцу — плохо.

Несколько позже, уже в подростковом возрасте, к этим рассуждениям добавилось библейское запрещение красть. Это существенно облегчило возникавшие в детстве сомнения по поводу справедливости факта, что предметом вожделения владеет другой человек. Ну что ж? Раз Бог сказал: «Не укради», значит, уже потому присваивать чужое нельзя. Ошибаться Бог не может, иначе не был бы Богом. Примерно так же я верил в уместность черепа с костями на трансформаторных будках, хотя о физике имел самые смутные представления. Однако полагал, что тот, кто оставил знак смертельной опасности на гудящем невысоком строении, скорее всего, лучше меня разобрался во всём этом. Убедительности добавляло и то, что череп изображался не мелом, а при помощи фабрично изготовленного трафарета.

В общем, воруя вишню из чужого сада, я отдавал себе отчёт, что совершаю ошибку, правда, рассуждая чисто юридически. Кража же со стройки листа шифера в целях демонстрации на нём увиденных в кино приёмов карате казалась меньшим грехом, поскольку стройматериалы вообще никак не охранялись. Да и сама стройка забором обнесена не была. Понятие государственной собственности сильно размывалось в моём сознании дурным примером взрослых, то и дело что-нибудь да приносящих с работы в свои дома.

Понимание того, что грех — явление не столько юридическое, сколько медицинское, пришло позднее. Из христианской духовной литературы. Божья заповедь, как оказалось, является ориентиром пути человека к Создателю. Нарушил заповедь — сбился с пути. Прошёл мимо Бога. Промаяхнул мимо источника жизни. То есть сам у себя украл. Нарушил право личной собственности — обидел человека и нанёс ущерб своей душе. Отмотал назад электрический счётчик — расшатал свою совесть и опять же себе навредил.

Отрочество

Удивительная пора. Она захватывает кусок детства, а также весь период переходного возраста, который приносит родителям столько забот!

В это время переоцениваются отношения, разделяя людей на знакомых и друзей. Ведь быть другом очень трудно. Если ты не готов за друга в огонь и воду, то получается, как в песне у Земфиры: «Я тебе друг, а ты мне не то чтобы...»; если не умеешь приносить в жертву дружбе свои мимолётные обиды и недовольства, она может и умереть.

«И я тебе друг, а ты мне... ну кто мне ты?»

Великое множество душевных терзаний приходится на этот важный период становления человека как личности, а тебе предстоит стать целостным человеком — научиться целомудрию, то есть вырастить в себе крепкий хребет убеждений и ценностей. Чуть не забыл! И позволить Богу воцариться в твоей голове. Без Царя в голове никак нельзя, вспомните пословицу.

Моё отрочество проходило в Междуреченске — молодом шахтёрском городе, насчитывающем около ста тысяч населения. Красивом, с чистым воздухом, окружённом невысокими горами с трёх сторон. Он вытянулся между двух рек — Томи и впадающей в неё Усы.

— USA — не что иное как американизированное «Уса» — заявлял я друзьям. Они, довольные, соглашались.

Наш двор оказался, наверное, единственной территорией во всём городе, которая не входила в сферу влияния ни одной из полупреступных группировок. «Неподелённый двор» — так я его называл. Мы не принадлежали ни к «фашистам», ни к «лазовцам» (улица Лазо) или «рыбо-мясовцам» (магазин «Рыба — мясо»), ни к «голубым дворам» (ничего такого, просто дома тех дворов были окрашены в голубой цвет) или к кому бы то ни было ещё. В нашем дворе не жили никакие авторитеты или просто преступные элементы. Ни Профессор с Доцентом, ни Батистон, ни Крыса или Игорян-таксист не жили в наших трёх домах по улице Космонавтов и проспекту Коммунистическому. Слава Богу, ни я, ни мои друзья не были вовлечены ни в какие передраги. Нас не коснулись ни наркомания, ни алкоголизм, ни хулиганство.

Мы играли в мяч, катались на великах и скейтборде, купались в Усе, ходили в парк на брусья или сидели на лавочках с девчонками — синеглазой Иринкой Молодых с лучезарной улыбкой, которую мой лучший друг Артём из озорства звал не иначе, как Молодая, и её подружкой Алёнкой. Мы болтали с ними обо всём на свете, шутили и веселились, даже не пытаюсь ухаживать. Казалось, весь мир принадлежал нам — Артёму, его младшему брату Антону, двум Андреям и мне. Ещё был Василий, ещё один мой лучший друг, который затем переехал в другой двор. Я всё пытался подружить его с Артёмом, но мальчишки никак не хотели сходитья характерами, а я сильно переживал по этому поводу. Лишь позднее, когда я уже был кемеровским студентом, они стали большими друзьями и дружили до самой смерти Артёма.

Его застрелил киллер, когда Артём, окончив новосибирский вуз по специальности городского кадастра, занялся предпринимательством и сумел накопить нужную сумму денег, чтобы приобрести автомобильную заправочную станцию. Вместе со своим напарником он ехал оформлять сделку, имея при себе дипломат с деньгами. Кто-то сдал его, и злоумышленник подсел к ним в «Волгу» назад. Выпустив в моего друга через спинку переднего сиденья три боевых пули из расточенного газового «макарыча», убийца держал какое-то время на прицеле Александра, заставляя бедного парнишку продолжать движение, затем застрелил и его. После чего скрылся с места преступления, прихватив с собой злополучные деньги.

Василий, будучи судмедэкспертом, приехал на вызов вместе со своим шефом. Привычный рутинный вызов обернулся для него небывалым потрясением. Васины руки тряслись. Заикаясь, он попросил шефа, чтоб тот сам производил вскрытие...

Чтобы не разбираться, милиция окрестила происшествие бандитской разборкой, а две городские газеты с готовностью окрестили Артёма бандитом. Между тем как мой друг даже в детской комнате милиции никогда не был и ни разу не привлекался даже к административной ответственности. Это мой друг, и я знал его всю свою жизнь начиная с шести лет. Когда я, прокопьевский поп, примчался на похороны, моё сердце разрывалось на части. Артёмка лежал в гробу посреди зала родительской квартиры, где мы с ним провели в играх и разговорах лучшие дни нашей жизни. Его дорогая мне простреленная голова была забинтована, а его не менее дорогие мне руки покоились связанные бинтом на груди. Я помогал нести гроб, а затем отпевал Артёма в храме Всех святых, куда я в юности ходил молиться, исповедоваться и причащаться, где я посещал занятия воскресной школы.

Это было наихудшее отпевание в моей жизни, могу сказать я вам, братья и сёстры мои. Голос, непослушный, срывался то и дело, а возгласить «Вечную память» я попросил небольшой церковный хор. Проводить друга на кладбище я, к сожалению, не смог, потому что к 17.00 я должен был успеть в Прокопьевск на службу Благовещения Пресвятой Богородицы.

Вскоре моя небольшая ещё семья уехала сажать картошку в Верх-Чебулу, посёлок городского типа, где жили родители моей жены Юлии. Я остался один и смог выплакаться. Обнимая гитару, вглядываясь в ясное звёздное небо, я написал на балконе песню, посвятив её убитому другу:

Мне бы увидеть, как радуга с громом играет, — но слеп я.

Мне бы услышать, как солнце лучи испускает, — но глух я.

К небу взлететь бы, чтоб с ветром умчаться, — но сломаны крылья.

К жизни б вернуться — потерянной, прежней, — но не уходил я.

*Руку сожми мою крепче, не уходи —
Меня душит горечь утраты.
Что рассказать тебе о любви
В двух словах — она свята.*

*Очи тяжелые видят лишь смутные тени — прозреть бы.
Суетны мысли, лукавы и быстры движенья — успеть бы
Вслед за мечтою сорваться в момент вдохновенья — к спасенью.
Птицею — к солнцу, и мигом оставить без лени сомненья.*

*Руку сожми мою крепче, не уходи —
Меня душит горечь утраты.
Что рассказать тебе о любви
В двух словах — она свята.*

Строки наивные, спору нет, но они до сих пор связывают меня с Артёмом. Воспоминания, эта песня и мои недостойные за него молитвы к Богу. Помяни, Господи, раба Твоего Артемия!

Деньги

Деньги всегда привлекали внимание. В детстве монета, прежде всего, являлась красивым таинственным предметом, ценным самим по себе. А уж юбилейную или выпущенную до 1961 года я считал гордостью коллекции. А ещё на неё можно было купить мороженое, лимонад или урюк. Монетка запросто могла валяться на земле или на полу магазина. И, будучи найденной, украсить уличную прогулку купленным лакомством. Взрослые же добывали деньги своими способами. Зарабатывали их, к примеру. Соответственно, им не приходилось ложиться на траву, чтобы выудить монетку-другую из-под киоска. Те дети, чьи родители зарабатывали много денег, голову себе не забивали, поскольку последние покупали им всё необходимое. Впрочем, и обходимое тоже. В юности носить в кармане подаренную родителями некую денежную сумму стало опасно. Ибо её запросто могли изъять хулиганы или наркоманы.

Потом началась взрослая жизнь. С первой зарплаты. Изменилось отношение к деньгам. Они стали символизировать человеческий труд. Тратить самостоятельно заработанное вдруг стало трудно. Однако самыми привлекательными для меня до сих пор остаются деньги, которые я не смогу потратить, — те, что лежат в нумизматическом альбоме.

Книги

Родители стали запрещать мне читать книги примерно лет с шести. Или с пяти. За провинность, конечно, не просто так. В качестве наказания за плевки из форточки на прохожих и тому подобные деяния. Худшим вариантом расправы надо мной было лишить меня возможности погружаться в сказочные миры на целую неделю. Правда, пока родители были на работе, я находил спрятанные от меня детские книги или выбирал что-нибудь с книжной полки родителей и тайком читал. Главное, вовремя убрать книгу и стереть с лица довольную улыбку.

Когда, выйдя на прогулку во двор, я не обнаруживал там никого из друзей, то шёл напрямик в детскую библиотеку, благо она находилась в одной минуте ходьбы от дома. Случалось, что из читального зала меня выуживал кто-нибудь из родителей, поскольку чувство меры в чтении было мне не очень знакомо.

В общем, чтение всегда много значило для меня, открывая жизнь во всем её увлекательном многообразии. Книга всегда хранит внутри себя отпечаток души писателя, поскольку творчество сходно с вынашиванием, рождением и воспитанием ребенка. Душа каким-то непостижимым образом отпечатывается на страницах. Если читать внимательно, можно узнать об авторе то, чего не знают даже его соседи. Но книга — это не внутренний мир писателя, как принято считать. Скорее, это его око. Вы задумывались когда-нибудь о том, что все мы видим мир по-разному? Все дело в наших глазах. Око — это не просто

шаровидное тело, состоящее из трёх оболочек. Это не просто некая оптическая система. Это — анализатор жизни и проекция нашей души. Вспомните евангельское: «Светильник тела есть око; итак, если око твоё будет чисто, то и всё тело твоё будет светло». Так же и с книгой.

Пока я вырослел, мои требования к содержанию переплетённых листов бумаги с текстом тоже выросли. Хотя, может быть, это просто привередливость. В любом случае, достоверность сюжета имеет до сих пор для меня главное значение. Видите ли, читатель должен поверить в то, что происходит в книге. Я всегда верил Рэю Брэдбери, даже если его герой находился на Марсе или держал в руке косу смерти. Потому что это был живой, настоящий герой. Реальный человек со своей психологией, чья реакция на происходящее вокруг была правдивой, мотивированной, осмысленной. И я мог узнать в персонажах книги знакомых, соседей, самого себя. Но когда у очередного автора персонаж, одетый в джинсы, разгуливает по средневековому, магическому, не технологическому миру, находящемуся на грани гибели из-за тёмных сил, а местная чернь воспринимает его спокойно и не тащит на костер, я закрываю книгу, оскорблённый в лучших чувствах. Потому что неправда. В нашем Средневековье какой-нибудь волшебник в островерхой шляпе не прошел бы и сотни шагов по улице в своем одеянии, пуская весёлые фейерверки из своего посоха. Он разом оказался бы виновен в чуме, войнах и даже гибели быков у местного воеводы. Костёр как развязка сюжета, очевиден.

Художественная книга может быть злая. Если даже сами страницы, кажется, ненавидят своего читателя. Глупая, если автор не разбирается в том, о чём пишет. Плохо, если она неинтересная (зачем она тогда вообще?). А бывает и книга-обман. Тут вообще отдельный разговор. Думаю, это, наверное, самое страшное, что может случиться с читателем.

Книга-обман

Возьму-ка я «Иуду Искарюта» Леонида Андреева. Так, на мой взгляд, это хрестоматия обмана. Гимн на тему, как правильно объегорить читателя, пошатнув его дар различения, что такое хорошо, и что такое плохо. Образ главного героя вырисовывается эдаким юродивым, чьи действия — реакция на лживость и безумие мира. А ученики Христовы предстают в довольно неприглядном свете, в то время как автор описывает предателя жертвой обстоятельств. Не успел я оглянуться, перелистывая страницы, как вот уже Иуда — несчастный, обманутый и оболганный душевнобольной человек! И больным его сделало общество. И даже апостолы оказываются трусливыми склочниками и фарисеями. И все-то они ненавидят Иуду и боятся его пронизательного ума и честного суждения.

Всё как у нас: стоит человеку преступить закон, как он оказывается вовсе не виноватым в своих злодеяниях. Преступник ни при чём, а виновато общество, его породившее. Живи Иуда сегодня, он уже был бы богат (от проданных книг о нем) и популярен. Предатель не только не стыдится своего преступления — он считает, что не сделал ничего плохого. И вот глядит читатель — Иуду обманывал весь мир, и он имел полное право на предательство. Я бы сказал, что это один из важнейших принципов нашего общества — оправдать преступника с помощью рассуждений о дурном влиянии окружения, трудном детстве и т. д., и т. п. Чувство личной ответственности за свои поступки просто перестаёт существовать, и далее происходит полная потеря человеческого облика и совести. Предатель не виноват: у него плохие родители, плохая семья, плохая судьба — всё плохо, кроме него самого. А сам он всего лишь невинная жертва дурных обстоятельств. Книга учит жалеть и «понимать» преступников.

Но, может быть, автор не виноват? Вдруг всё дело в первоисточнике? Открываю Евангелия. Перечитываю. Но никто не называет Иуду зверем, злодеем, врагом Божиим. Не похожи апостолы на тот образ, что запечатлел Леонид Андреев. Лишь упоминают о предательстве Иудой Иисуса Христа. Без злобы и ненависти. Вообще об Иуде говорится мало, но ненамеренно, так как повествование ведётся о Христе. Об остальных апостолах также сказано немного.

Андреев ведёт свое повествование от обычного писательского воображения, свободно играя евангельскими событиями и произвольно меняя их по своему усмотрению. Евангелисту Иоанну известен отец Иуды — Симон Искарюта, тогда как Андрееву — нет. И он влагает в уста своего героя сказку о том, что тот не знает своего отца, а мать его —

блудница. Раскаялся (сожалел о содеянном, чувствовал свою вину, но не изменился) в содеянном евангельский Иуда, а андреевский Иуда лезет в петлю, уверенный в своей правоте. Сумма, заплаченная за предательство, огромна, ведь на неё была куплена в столице земля под большое кладбище. У Андреева тридцать сребреников — жалкие гроши. И он как будто забывает обо всех чудесах, совершённых Иисусом: бесчисленных исцелениях, изгнаниях злых духов, воскрешениях. Намеренно забыто в книге и то, что поставили Иисусу в вину, — сыновство Богу. И это делает из Иисуса доброго бродягу. А из Иуды, предателя Сына Божьего, — предателя простого человека. Но даже здесь автор оправдывает своего героя-предателя и нисколько не симпатизирует распятому человеку Иисусу.

И вот мой дерзкий вывод: американский (а ведь принято думать почему-то, что американцы — народ приземлённый в отличие от нас) режиссёр Мел Гибсон превзошёл русского писателя Леонида Андреева в гуманизме, когда снял картину «Страсти Христовы». Ведь даже у неверующего в Бога человека при просмотре фильма появится чувство сострадания ко Христу. Но нет этого у Андреева. Он не сострадает Иисусу, описывая Его муки. Но зато сострадает предателю. Вот вам и книга-обман...

Ах, вот ведь ещё что. Чуть не забыл. Самой лучшей книгой считаю ту, которая была написана под редакцией Святого Духа.

Политика

В детстве политика делилась на правильную советскую и на неправильную зарубежную. Всё было крайне просто. А потом постепенно усложнялось. Количество получаемых знаний к чёрному и белому добавило гораздо больше, чем пятьдесят оттенков серого. Оказалось, злые люди могут проводить злую политику из благих побуждений, а добрые, проводя добрую политику, — пользоваться злыми методами. И многое другое. Дальше — больше. Можно вообще не преследовать ни добрых целей, ни злых, занимаясь политикой. Это может быть просто профессией. Средством зарабатывания денег. Затем открылось, что политика не является ни злой, ни доброй. Она бывает лишь в чьих-то интересах. Если в «наших», то вроде как это хорошо. Если в «чужих» — то всяко бывает...

Хорошо вот дворнику золотой осенью. Метёшь себе, метёшь разноцветные листья метлою из орешника, и не приходится хитрить и притворяться радеющим за интересы мирового сообщества. Только за свой двор. Только вот платят мало...

Школа

К ней я относился весьма трепетно, пока был отличником. Но это продлилось недолго, и ко второму классу я резко съехал по успеваемости, получив за год две четвёрки. Поэтому со мной перестала дружить Лена — круглая отличница. Немного попереживав по этому поводу, я вскоре выяснил, что четвёрки не так уж и портят жизнь.

После третьего класса меня перевели в другую школу. Уже и не помню зачем. Вроде бы я был с другого микрорайона. Правда, два моих товарища, с которыми мы совместно прогуливали уроки и любознательно изучали окрестности всего Междуреченска, возвращаясь домой после занятий, продолжали учиться в моей прежней школе. А жили мы все в одном дворе. Путь, который у всех нормальных детей занимал десять минут, мы проделывали часа за два-три. И нас то и дело встречали бабушки Димы и Славы с прутиками. Поочерёдно. Как-то договаривались друг с другом.

Мои же бабушки продолжали жить в Кемерове, откуда родители увезли меня, когда мне было почти шесть. Считалось, что влажный воздух молодого шахтёрского города для бронхиальной астмы лучше, чем сухой, но загазованный кемеровский. Как я выяснил впоследствии, для астматика нет ничего лучше сухого чистого воздуха десятого микрорайона города Прокопьевска. Отсутствие рек, сосновый бор и вершина горы Тырган, обдуваемая ветрами и недосыгаемая для угольной пыли, приучают лёгкие и бронхи дышать свободно даже без кортикостероидов и адреномиметиков.

В новой школе я проучился четыре года, познал, что такое тройки и даже двойки. Алгебра с её функциями вселяла в меня панику и полное уныние. Радовал я в основном учителей гуманитарных предметов. А вот математичку, напротив, вгонял в гроб своей никчёмностью. Зато в школе было весело. В том случае, если речь шла о нарушении правил

и всяческом хулиганстве. Пугачи, беготня по коридорам, прыжки из окон второго этажа в сугробы — всё это у нас даже за шалость не считалось. Другое дело — заменить после уроков второй смены все целые лампочки в коридоре на разбитые, со скрученными усами. Предварительно выключив свет, конечно. Когда завуч, обнаружив беспорядок, включала свет, её поражали гром и синие молнии. Поражали, само собой, не физически, а морально.

— Седьмой «А»! — разносился тогда её возмущённый голос по всей школе. А мы, гнусно хихикая, сидели в это время в соседнем с учительской кабинете, прячась в шкафу за доской.

В девятый класс я ушёл учиться в только что открывшийся лицей. В гуманитарный класс, где оказался единственным мальчишкой, к неудовольствию одних девчонок и безразличию других. Спустя месяц гуманитарный класс по какой-то, ведомой лишь руководству лицея, причине расформировали, и мне пришлось пойти в химико-биологический. Ну не в физико-математический же было идти! Правда, с химией я совсем не дружил, пропустив по болезни в восьмом классе все её основы. И, само собой, оставшиеся годы просидел на этом замечательном предмете пень пнём. Лишь в последнем, одиннадцатом классе я начал понемногу догадываться о происходящем в протонно-электронном мире, посещая репетитора.

Девятый класс пролетел в погоне за знаниями, беготне и умеренном хулиганстве. Весь год я злил классную руководительницу, учительницу биологии. Во-первых, я сильно выпендривался на её уроках (учителем она была, к сожалению, посредственным, зачитывая нам учебник вслух), во-вторых, я проявлял себя бунтарём против системы.

«Какой такой системы?» — думаю я сейчас. Но тогда мне казалось весьма остроумным отказываться от ОПТ (помните такой «предмет»?), апеллируя к самой сути понятия «отработка».

— В школе мы отработывали бесплатное образование, — умничал я, пока учительница наверняка мечтала меня придушить (я бы мечтал), — а тут мы за обучение деньги платим. Неужели мы что-то недоплатили и теперь должны отработать долг?

В результате я был единственным из всего класса, кто на общественно полезный труд не ходил, и ничего мне за это не было. До поры до времени, конечно. Экзамен по алгебре я, само собой, завалил, и завуч лицея, а по совместительству муж нашей классной (блестящий биолог, между прочим, его единственный урок во время болезни супруги был захватывающим образчиком педагогики), сделал мне предложение, от которого я не смог отказаться. Он рисовал мне вместо двойки тройку, а я уходил из лицея.

Итак, за несколько дней до начала учебного года я попытался вернуться в почти родную школу. Но математичка сказала, что это совсем не та жертва, которую она способна принести школьному образованию. И я попал в другую школу, которая находилась в двадцати минутах быстрой ходьбы от дома. Пришлось воспользоваться блатом. Нет, я не имею в виду «болото» на церковнославянском (мир обещает злато, а дарует блато). Речь о том, что когда-то великую ценность в обществе имело знакомство, которое было даже ценнее денег. Сейчас уже не так. А блат был у моих родителей не где попало, а у завхоза той школы. Что было равноценно благу у директора. Не всякий поймёт, но кто помнит те времена, ностальгически вздохнёт.

Первого сентября я пришёл в десятый класс этой замечательной школы номер двадцать три, о которой имею самые тёплые воспоминания. Одноклассники были просто чудо — образец порядочности и взаимовыручки. Учителя не знали, что такое хамство, а кто знал, скрывал, как некогда тамплиеры французское золото. Некоторые, правда, ненавидели презренную скрытность и всякое двоедушие, но этот дёготь измерялся для меня в микролитрах. В цистерне школьного мёда он растворялся без следа.

«Школа общения» — вот как нарекли экспериментальную программу, согласно которой учителя обращались с учениками уважительно, разрешали им во время уроков задавать любые вопросы и, что совсем необычно, интересовались их мнением. Даже с Людмилой Степановной, директором, можно было шутить как во время урока, так и вне его. В пределах разумного, конечно. Два года пролетели как один яркий миг, полный приятных на вкус и привлекательно сервированных знаний. Хулиганство было совсем уж минимальным и принимало безобидные формы. Ну почти безобидные.

— Адодин, Батулин! Почему вчера не остались после уроков вешать гардины?!

— Ну как же, Анна Владимировна, помните, когда Вы говорили, что их нужно повесить, мы с Серёгой спросили, мол, зачем их вешать, давайте забьём?

— Ну помню.

— Ну вот. А Вы ещё немного задумались, посмотрели на них и сказали: «Ну да, давайте забьём». Помните?

— Помню.

— Ну вот мы с Серёгой и забили.

И я с бессовестным выражением лица закивал в подтверждение слов друга:

— Поэтому мы с Пашкой и не пришли.

А розги к тому моменту в школах уже давным-давно отменили...

Так что могу с полной уверенностью засвидетельствовать, что школа — это прекрасная часть детства. Если, конечно, не делать трагедии из того, что ты не медалист.

Динозавры

Ной построил огромный по вместительности ковчег. Неказистый с виду, но зато непотопляемый.

— Да он больше футбольного поля! — говорили одни динозавры.

— Да куда там, — отзывались другие. — Да и откуда бы вам знать, какие бывают футбольные поля, ведь их ещё не придумали!

— А динозаврам вообще говорить не положено! — парировали первые.

Пришло время, и Ной стал приглашать всех внутрь.

— Ещё пара дней, и случится Великий потоп! — уверял он. — Придите и унаследуйте жизнь!

Люди смотрели на всё это и посмеивались:

— Выжил из ума от старости. Потоп какой-то придумал...

Животные, напротив, ничего такого не говорили и молча занимали свои места в ковчеге.

Среди прочих пришли и динозавры. Огляделись, посмотрели друг на друга.

— Подстилки тут откровенно жёсткие, — заметили одни.

— Нам в одних апартаментах с быками и козлами как-то не комильфо, — смущались другие.

— Что за дурацкие правила — во время поездки не есть мяса! Жуйте свои пресные овощи сами! — роптали третьи.

— Вообще-то, конструкция ковчега должна быть куда более конструктивной, — мудро переговаривались четвёртые. — Что за ретроградство — поперечные балки!

— К этому Ною надо бы присмотреться, — осторожничали пятые, — что за резон ему всех спасти? Уж не хочет ли он ободрать нас как липки? И откуда, скажите на милость, у него на поясе эти новенькие песочные часы?

— Думается нам, что всё это не более чем хитрая афёра. И вне ковчега возможно спасение. Не стоит ущемлять свою свободу, — сделали вывод шестые.

— А куда Ной хочет нас завести? Какие гарантии, что с ним говорил именно Бог? С нами тоже говорит Бог, — возвышали глас седьмые, — и ничего о предстоящем Потопе Он нам не сообщал!

Динозавров было много, все они были очень рассудительны. До вечера продолжались прения. Затем, проголосовав, динозавры гордо разошлись. Одни — жевать траву, вторые — строить плоты, третьи — поохотиться на четвёртых. Когда начался Потоп, все они были вне ковчега, и один за другим утонули, каждый в своё время.

После школы

Кем только я не хотел стать в жизни! Космонавтом (пока не узнал о требованиях к здоровью), астрофизиком (тут дружно смеются все мои учителя физики и математики), дипломатом («С ручкой или без ручки?» — смеялись девчонки), переводчиком (смеются лично Уильям Блейк и Поль Элюар), хирургом (поэтому, когда в десятом классе всех нас по понедельникам отправляли в центр профориентации, я выбрал профессию младшей медицинской сестры по уходу за больными), рок-музыкантом (смеюсь сам до сих пор: на гитаре играю кое-как, а вокалом только Градского пугать), оториноларингологом (тут имел

место гомерический хохот моей преподавательницы пропедевтики внутренних болезней в присутствии всех моих одноклассников). Вот только стать попом мне в голову не приходило. Поэтому-то я им и стал впоследствии.

Получив школьный аттестат, я отправился с ним в медицинский институт, который уже превращался в академию.

Было страшно, ведь говорили, что туда поступают блатные и дети богатых родителей. Их-то я и увидел у дверей приёмной комиссии. Детей, которые держались за руки родителей. От страха все они показались мне ужасно богатыми и очень блатными.

«Лучше синица в руках», — решил я и отправился поступать в медколледж.

Там на меня строго посмотрели и сообщили, что с двумя тройками в аттестате можно даже и не пытаться к ним поступать, поскольку у них учатся исключительно медалисты. Чаще всего золотые, но иногда удаётся поступить и серебряным. А принимают они только оригинал аттестата.

Я понял, что мои шансы получить хоть какое-то образование стремятся к нулю, подобно бесконечно малой функции.

«Лучше синица в руках и два журавля в небе, чем полное бесптичье», — решил я и, оставив аттестат в медколледже, понёс одну ксерокопию в госуниверситет на биофак, а вторую, скрепя сердце, в медакадемию.

«Гулять так гулять!» — разошёлся я и подал заявления сразу на три факультета: лечебный, педиатрический и медико-профилактический. Боялся я лишь одного экзамена из трёх — химии, где выше тройки мне не светило.

Лечфак. Первый экзамен по биологии у победителя городской олимпиады проблем не вызвал. Вопросы были лёгкими, на каждый из них я, как мне казалось, разразился как минимум докторскими диссертациями и, когда пришёл узнавать результаты, справедливо ожидал фанфар и плачущего от умиления ректора с хлебом и солью. В общем, как вы поняли, к тройке я оказался не готов. Расстроившись, на химию я даже не пошёл.

Медпроф. Осознав, что меня подвела гордыня, перед экзаменом по биологии я медленно нарезал круги вокруг главного корпуса. И молился. Помимо молитвы «Отче наш» я обращался к Богу своими словами и просил Его зачислить меня на этот факультет, если есть на то Его воля. Так вышло, что во время экзамена со мной случилось три беды: очень хотелось в туалет, я был голоден и у меня болела кисть правой руки. А в туалет во время экзамена ходили только правильные абитуриенты.

В результате я как кура лапой троечно накалякал на каждый вопрос по паре строчек и буквально пулей вылетел из аудитории уже через час. Получил пятёрку и понял, что, если не Господь построит дом, все трудишася зиждуции. Как выяснилось позже, Бог определил меня поучиться на медпрофе не только для того, чтобы получить массу полезных знаний, но и затем, чтобы жениться.

Больница

Это особенное место. Поэтому я с детства старался не упустить ни одной возможности с пользой провести там время. Пациентом я был противным. Вырывался при любой болезненной манипуляции, прятался от врачей в палате под кроватью, ни за что не пил таблетку, пока не выяснял её название и принцип действия. А ещё я не спал во время сончаса днём и прятался в девчачьей палате после отбоя вечером.

Я знал всё о каждом докторе и каждой медсестре. Каждый закоулок в подвальных переходах больничного комплекса был мне знаком. А поскольку детской библиотеки в больнице не было, приходилось выклянчивать медицинскую литературу в ординаторской и на посту. Сверстники, глядя на меня, крутили пальцем у виска.

— Что интересного в том, что ринофарингит на фоне евстахиита чреват средним отитом? — недоумевали они.

Я же находил всё это весьма занятным.

Больница — это место боли, выздоровления или умирания. Тут кроме твоей боли есть ещё и чужая, в силу собственного опыта понятная и близкая. В больнице вообще сложно быть чёрствым. Да и некогда черствовать. С утра ожидаешь боли на перевязке, потом, когда всё позади, живёшь особенной жизнью, вглядываясь в своих соседей по палате, вникая в их судьбы. Разговоры. Много разговоров. Ведь в больнице у тебя всегда много времени,

которого катастрофически не хватало до госпитализации. А когда все вокруг спят — думаешь, переоцениваешь свою жизнь.

На доктора всегда смотришь с надеждой: вдруг выпишет. Любое его доброе слово воспринимаешь с радостью. Иногда можно поговорить с медсёстрами, когда они почти не заняты. А уж с санитарками и вовсе болтаешь часами. Это если добрые. Бывало, помогаешь полы мыть вечером, и длится разговор долго. Сам я тоже был санитаром, кстати. Недолго, правда, около месяца всего лишь. Не тем, который с белой шапочкой на макушке, коренастый, со смирительной рубашкой наготове. А тем, который полы моет в больнице.

В десятом классе я научился ставить уколы, обрабатывать раны и безболезненно снимать послеоперационные швы. Находиться в больнице не в качестве пациента оказалось тоже неплохим занятием. А последние десять лет я являюсь больничным попом и хожу по знакомым с детства коридорам почти каждый день.

Смерть

Смерть в детстве находилась где-то далеко от меня. Другие дети умирали лишь от неосторожного обращения с пиротехникой. Да и то в других школах. По рассказам строгих взрослых. Но пересказывали, как правило, одни и те же случаи. Иногда с улицы доносились неприятные, но манящие похоронные марши, и очень медленно подавленная процессия несла гроб с мертвецом. Слово «мертвец» было страшное. Возможно, из-за русских народных сказок. Там он никогда не лежал спокойно в своей могиле, но обязательно вставал и чинил живым различные пакости. Причём даже своим близким.

Однако смерть всегда оставалась явлением загадочным, и потому поглазеть на мертвеца считалось просто необходимым. Правда, это гарантировало беспокойный сон недели на две. Но всё равно не верилось, что смерть может случиться со мной. Отсюда — отсутствие боязни, что жизнь прекратится.

С юностью пришла бравада перед смертью. А она могла появиться откуда угодно. Из-под колёс автобуса. Из ножа грабителя. Из оголённых проводов в электрощитке неосвещённого подъезда. Конечно, боязнь боли была всегда. Но не было страха перед смертью. Потому что, как следовало из Библии, это лишь временное явление разлучения души — носителя разума — от тела. Ну а раз временное, то, значит, и паниковать незачем.

Однажды смерть произошла на моих глазах. В отделении гемодиализа, где я работал техником искусственной почки уже целый месяц. С утра я, первокурсник, был на занятиях в медицинской академии, а после обеда, сбежав с последней лекции, уже заступал на дежурство. Подготовив все аппараты к диализу, я дождался подключения каждого пациента второй смены и, убедившись в стабильной работе всех «Бакстеров», «Гамбро» и «Фрезениусов», ушёл заниматься «одноразовыми» почками. Каждый пластиковый цилиндр стоил от десяти до двадцати долларов США, а это было немало. По этой причине после использования искусственная почка на сутки заполнялась гипохлоритом натрия, затем промывалась сильным напором воды до полной очистки от остатков свернувшейся крови и в завершение ещё на сутки заливалась формалином. Чтобы непосредственно перед самым вторичным, третичным и шестеричным использованием быть промытой физраствором начисто.

Во время самого диализа в боксе помимо людей, страдающих хронической почечной недостаточностью, находится медицинская сестра. В течение пяти часов она следит, чтобы ничего плохого не случилось. А если что-то всё-таки происходит, она бежит за техником. То есть за мной. Обычно аппарат для гемодиализа останавливает насос, нагнетающий кровь по магистрали, и подаёт звуковой сигнал.

Но в этот раз детектор пены оказался нерабочим. Воздух, понемногу проникавший в контур крови через венозный катетер, стал попадать в кровеносное русло женщины, и она начала заходиться в кашле из-за воздушной эмболии. Едва увидев большое количество пены в магистрали, я тут же остановил насос и помчался за дежурным врачом в ординаторскую. Тот бежал по коридору так быстро, как мог. Но воздуха успело попасть в кровь слишком много. Ни медикаменты, ни непрямой массаж сердца уже не могли спасти женщину, которая судорожно дышала, но сердце тщетно сокращалось, заполненное воздухом, и мозг уже умирал от кислородного голодания. Растерянный и бесполезный, я

стоял и смотрел, как, несмотря на усилия доктора и медсестёр, уходит женщина, которую ждала дома семилетняя дочка.

Через пять или шесть часов, сдав смену дежурному врачу, я вышел из здания областной больницы и купил в металлическом торговом ларьке свою первую пачку сигарет. Потом бросил, правда, познакомившись со своей будущей женой, так как у неё была аллергия на табачный дым.

А спустя полгода мне удалось спасти жизнь мужчине без геройства, всего лишь одним резким ударом ладони по кнопке выключения насоса, вовремя заметив, что в его вену на полной скорости вот-вот нырнёт воздух. Кубиков шестьдесят, судя по длине прозрачной полосы внутри магистрали. Мне кажется, что именно ради этой полусекунды я был определён Господом почти год потрудиться техником гемодиализа и искусственной почки.

Дальнейшее взросление принесло осознание важности и торжественности смерти как таинства перехода из жизни земной в жизнь вечную. Туда, где нет ни болезни, ни печали. Это как роды. Главное — сохранить в целости и успеть выносить душу. Чтобы развилась в полную меру совершенства. Иначе не воспринять Царствие Божие. Как неразвившимися в материнской утробе лёгкими не вдохнуть на земле воздуха, так и неразвившейся в жертвенной любви душой не почувствовать Бога за чертой времени. То есть оказаться слепым и глухим там, где праздник и ликование. Следовательно, о смерти нужно думать заранее, чтобы быть готовым увидеть Христа в любой момент своей жизни.

Медакадемия

Когда все отдохали, мы учили и зубрили.

Как оказалось, на одной только бедренной кости более двадцати образований — бороздок, ямок, бугорков, которые нужно знать на двух языках, русском и латинском, да ещё и суметь найти. Первым шоком было то, что рисунки в учебниках и анатомических атласах не очень-то соответствуют тому, как выглядит настоящая человеческая кость. Вторым шоком было то, что бедренная кость оказалась самым лёгким из того, что нужно было знать. Потом уже ничто нас не удивляло. Ну, меня точно.

Мы научились по срезу ткани под микроскопом определять по внешнему виду клеток, что это за орган и какая именно часть.

Мы научились рассчитывать должное освещение в помещении и брать пробы воздуха.

Мы научились различать микроорганизмы.

Мы научились крепко ругаться на латыни.

Мы узнали, что уважительной причиной пропуска занятий является смерть студента. Потому что иначе придётся отрабатывать каждый пропуск, а это было совсем не легко.

Мы узнали, что заформалиненный труп человека очень тяжёл даже для двоих студентов, которым нужно поднять его из подвала в учебную аудиторию на носилках.

Мы узнали, как выглядят лёгкие курильщика в разрезе. Пылесосный фильтр чище, скажу я вам.

Мы узнали, что бледная спирохета способна проникнуть в организм даже через трещинки на коже ладони. Подержался неудачно в автобусе за поручни и — здравствуй, сифилис! Один лишь Бог знает, почему мы ещё не вымерли.

Я узнал, что быть старостой нелегко и что защитить честь и человеческое достоинство студента перед лицом преподавателя — важнее, чем возможные проблемы на зачёте.

Мы узнали, что злые преподаватели не всегда были такими. Один раньше трепетно относился к беременным студенткам. Сразу проставлял им зачёты и даже пятёрки на экзаменах. Пока однажды у одной из них не выпала подушка из-под одежды. Вернувшись в преподавательскую, он горько изрёк, что у студента, куда его ни поцелуй, всюду задница.

Мы узнали, что красть препараты из анатомки не стоит, иначе можно влипнуть в неприятную историю, как тот студент, который ехал в автобусе с фиксированным формалином человеческим мозгом в пакете. Решив по дороге закрепить заученный материал, он развернул пакет и раскрыл учебник. В итоге — перепуганные пассажиры, милиция и отчисление.

Мы узнали, что череп можно купить на кафедре вполне легально. Аккуратный, чистый, полированный. Но многих останавливала большая цена в 80 рублей (стипендия равнялась 92 рублям). В защиту тех, кто купил, могу сказать, что это делалось не для кощунств или

сатанинских обрядов, но исключительно с целью выучить строение черепа наизусть. Ах, как это было непросто!

Мы узнали, что можно окончить академию со средним баллом меньше 4,6. Можно, конечно. Только на бюджетную интернатуру не попадёшь. А не бюджетная стоила неприлично много. Для большинства из нас — и вовсе астрономически.

Мы узнали, что можно окончить академию успешно, с интернатурой и ординатурой, заведовать целым отделением, но потерять родную дочь, порезавшую оконным стеклом подмышку, из-за неумения отличить артериальное кровотечение от венозного (родители не помнили, где и что пережимать).

Мы узнали, что в Томи (и не только там) из-за сброса отходов имеется ядовитое вещество под названием диоксин, накапливающееся в организме, вызывающее онкологические и эндокринные заболевания, а также бесплодие и так называемый химический СПИД. А также и то, что от СПИДа вирусного происхождения презервативы защиты не гарантируют...

Вторжение

Я продвигался не спеша. Впереди — отлаженная система перехвата. Чем больше вторжений — тем эффективнее она действует. Чужаку пройти очень сложно. Напрором лезть бессмысленно. Убьют. Остается скрытное передвижение, маскировка. До меня на эту территорию вторгались многократно, но всегда безуспешно. Дилетанты. Меня не задержал даже внешний защитный барьер, оказавшийся всего лишь занимательной разновидностью сети. Только ячейки для меня были слишком велики.

Я мал.

Мой козырь был в том, что я вошёл один. И я не форсировал событий. Некоторые ошибочно полагали, что успешное вторжение — половина победы. Они сразу активизировали все ресурсы и начинали войну. Но систему насильственным путем сломать нельзя. Я это прекрасно понимал. Диверсия — вот верная тактика.

Временная остановка. На территории отлично развита сеть транспортных каналов. Но внутри — химическая система слежения. Правда, кто-то уже изрядно попортил её морфином, но ещё недостаточно. Сигнализация действует практически мгновенно. Не успеешь оглянуться — и ты блокирован. В плен тут не берут. Уничтожают на месте. Даже малые размеры не помогут — чужака система определит безошибочно. Нужно ждать и наблюдать. Время для меня — ничто.

Я терпелив.

Итак, в системе есть брешь. В каналах данной территории преспокойно разбойничали какие-то низшие существа. По сравнению со мной они были просто гигантских размеров. Каким-то образом им удавалось маскироваться под грузовой транспорт. Система на них никак не реагировала. Большого вреда они не наносили — питались тем, что удавалось похитить. Конкуренты? Вряд ли. В отличие от меня, они проникли на территорию случайно и просто выживали, как могли.

Я — стратег.

Теперь задача упрощается. Достаточно будет внедриться в одно из этих существ. Вреда никому из них я не причиню. У меня будет достаточно времени, чтобы считать и проанализировать информацию, занести данные в свой реестр, воспроизвести достаточное количество своих копий и ждать ослабления системы защиты. Грязную работу за меня сделают менее удачливые конкуренты. Им будет достаточно только внедриться и атаковать. Система охраны сработает. Территория будет переведена на экстренный режим. Остальное сделает прогресс. Антибиотики, бесконтрольно попадающие на территорию организма извне, не только уничтожают моих конкурентов, но и серьёзно ослабляют систему защиты. Выбрав самый удачный момент, я покину трихомонаду и начну настоящее вторжение. Система обрушится. Территория будет моей.

Я — вирус иммунодефицита.

Кыч — это вам не гыч!

Надпись гордо красовалась на столе лекционного зала.

Собственно говоря, эта надпись в незначительных вариациях украшала почти все аудитории медицинской академии — моей первой альма-матер. Лаконичная, информативная и загадочная, эта фраза стала своеобразным девизом запутанных ситуаций для всех моих однокашников.

Конечно же, надпись не была одинокой. Не один десяток несостоявшихся поэтов и писателей увековечили на партах свои пламенные мысли, зачастую вооружая их рифмами.

«Бросайте учебник — он скучный товарищ», — зывали строки к разуму первокурсника, впервые отвлекшегося от бодрого голоса лектора. Далее они напоминали юному Ломоносову о прочих радостях жизни, оставшихся за стенами вуза. Те, кто уже постиг все прелести латыни, могли в полной мере оценить находчивость неизвестного филолога, обнаружившего, что если из крылатого выражения «*Cogito ergo sum*» выбросить одну букву, то оно обретёт абсолютно новый смысл. Более близкий студенческому менталитету.

Вниманию второкурсников, уставших за год от лекций, предлагалась суровая заповедь, вырезанная острым ножом на веки вечные: «Не восхрани на лекции, дабы не разбудить соседа твоего!»

Очень гуманно, между прочим. Помнится, Макс Кузнецов, грубо нарушив эту заповедь, разбудил сам себя. Причём внезапно. От испуга (всхрапнул он децибел на миллион, не меньше) парень свалился со скамейки на пол, к большому неудовольствию тех, кто и сам пытался заснуть под громкую речь старшей преподавательницы кафедры анатомии. Что тут скажешь? Форменное безобразие. У меня в тот момент даже амбушюр от плеера из уха выпал.

А одна надпись вообще свидетельствовала о глубоком конфликте интересов некоторых асоциальных индивидуумов с обществом. Она скромно и непринуждённо призывала: «Гопников — на кактус!» Чуть пониже синим маркером был изящно изображён пресловутый кактус — гроза гопников. Однако некоторые особенно заинтересованные лица были крайне недовольны недостаточным количеством колючек.

Но, несмотря на колоссальное изобилие цитат и афоризмов, только одно мучило меня изо дня в день. Что же такое «кыч» и почему ему ни в коей мере не тождествен пресловутый «гыч»?

К сожалению, даже знакомые старшекурсники затруднялись разрешить эту дилемму. Сочувственно морща лоб, они старались ретироваться под любым предлогом. Спрашивать у преподавателей я не решался.

Не знал ответа на мой вопрос и мой приятель Эдик, староста соседней группы. А уж ему в сообразительности было трудно отказать. Как-то его угораздило пропустить все занятия по физкультуре. Уже в самом конце семестра он решительно противопоставил проблеме свою находчивость. Найдя подход к терапевту из межвузовской поликлиники, студент медико-профилактического факультета принёс на кафедру физподготовки убедительную справку о критическом состоянии своего здоровья. Поворчав для приличия, заведующий кафедрой милостиво разрешил Эдику написать реферат о пользе зимних видов спорта для физического здоровья организма.

Накануне дня сдачи реферата Эдик честно раздобыл в библиотеке пару соответствующих брошюрок. Ближе к ночи он приступил к работе. Когда кончилась первая книжица, студент-медик понял, что он не укладывается в минимальный объём. Поддаваться панике было не в его характере. Рассудив, что бежать в библиотеку за третьей брошюроккой во втором часу ночи будет неразумно, он хладнокровно вытащил с родительской полки первую попавшуюся книгу, раскрыв ее наугад. В эту ночь он много узнал о картине «Грачи прилетели», переписывая в свой реферат содержание критической статьи. Затем в ход вновь были пущены нормативы лыжных забегов из второй брошюрки. Наутро Эдик с чувством исполненного долга сдал готовый реферат самому зав. кафедры, устало глядя на него воспалёнными от недосыпания глазами. Между прочим, получил пятёрку, поскольку Анастасов проверил лишь план, начало и конец письменной работы.

Женька, которого я называл в глаза (и за глаза) не иначе как Джонни, вообще не стал разговаривать со мной на эту тему.

— Ты не гони! — возмутился он. — Где вот, например, обещанный текст песни?

Я вновь пообещал ему не расслабляться и в качестве залога быстро придумал название для нашей новообразованной рок-группы.

— А почему именно Razorfield? — вполне обоснованно поинтересовался Джонни.

Тогда я вдохновенно обрисовал ему образ огромного бескрайнего field, где, словно спелые колосья, трепещут на ветру, тоскуя по человеческой плоти, стальные, никогда не ржавеющие razors. В тот момент я сильно вырос в глазах друга. Он с большим уважением посмотрел на меня и отстал до конца лекции. Мне же не оставалось ничего другого, как только взяться за работу. Наверное, я сильно увлёкся, записывая рифмованные строки нашего с ним будущего шедевра. Видимо, поэтому Измestьев, старший преподаватель кафедры нормальной физиологии, стал меня подозревать.

Ну представьте себе, что из почти шестидесяти студентов только один что-то старательно пишет, не разгибая спины. Причём продолжает это делать даже тогда, когда лектор, сбитый с толку, молчит. Закончилось всё тем, что он, не выдержав такого надругательства над собой и своим предметом, подкрался сзади и выхватил у меня листок буквально из-под пера. Ну положим, не пера, а шариковой авторучки. Или гелевой? Неважно. Объявив во всеуслышание, что «а вот Адодин у нас на лекции пишет стихи», он попытался их продекламировать. Безуспешно, конечно, я и по-русски пишу малоразборчиво, коряво, а уж по-английски и подавно. Но Измestьев утешил себя тем, что нарисовал вокруг моей фамилии в лекционном журнале гроб. Это означало, что на экзамене лучше попасться другому преподавателю. Но листок он вернул. Наш музыкальный шедевр удался.

Как-то раз я, зайдя к другу Денису с бутылкой «Монастырской избы», попытался выяснить, что он сам думает по поводу того, что же такое «кыч» и «гыч». Денис прилежно учил фармакологию и пил крепкий крупнолистовой «Майский» чай из трёхлитрового китайского термоса. Отложив чаепитие по поводу принесённой бутылки вина, он распечатал пачку просто убийственных сигарет «Пётр I», закурил и философски заметил:

— Не в этом суть, Сергеич.

Уже через минуту мы предавались обсуждению вокала Оззи Осборна, гадая, каждое ли утро он был с похмелья или просто прикидывался. Причём Денис настаивал на первом варианте. Меня же беспокоил «кыч».

В течение ещё двух месяцев меня мучила всё та же загадка. «Кыч» и «гыч» не выходили у меня из головы даже на работе, когда я подготавливал боксы к гемодиализу, проверяя аппараты и подключая к ним искусственные почки с системами. Девчонки-медсёстры весело шутили с больными, ни «кыч», ни тем более «гыч» их нисколько не волновали.

Но вот однажды заболела наша преподавательница общей гигиены. Нас взяла под свою временную опеку унылая женщина лет сорока. Её настроение быстро передалось всей группе, и мы грустили, рассчитывая потребную величину воздухообмена в учебной аудитории. Я удручённо наблюдал за слюной, стекающей из уголков рта нашей временной преподавательницы, автоматически констатируя, что у неё, скорее всего, изжога.

Но вдруг мой взгляд совершенно случайно поднялся к полке с демонстрационными приборами времён русско-японской войны. Раньше я ничего такого себе, конечно, не позволял, дорожа спокойным сном. Приборы эти вид имели крайне нелепый и потрясли способностью приводить в недоумение любого, кто попробовал бы выяснить их предназначение. И тут я остолбенел. Какое-то время я не слышал и не замечал ничего вокруг. На самом верху полки недалеко друг от друга стояло два стеклянных воздухозаборника. Оба сосуда выглядели достаточно гадко. Всякие там трубки, стеклянные и резиновые, безобразно торчали в разные стороны, иногда соединяясь. Они были почти идентичны, но имели явно разное предназначение.

И вот тут самое главное.

На левой штуковине сердобольной студенческой рукой была сделана надпись, выполненная синим восковым мелком.

«Кыч».

На правой же надпись была красная:

«Гыч».

Время снова потекло как положено. Я, окрылённый неожиданной удачей, даже приступил к выполнению лабораторной работы. Правда, производить расчёты мне всё равно было лень, и я списал решение у прилежной Лены Вагановой.

Теперь-то смысл величайшего студенческого афоризма был для меня совершенно ясен.

Razorfield

Однажды Джонни заявил, что нужно прекратить издеваться над слушателями, ведь английский язык мало кто знает. Да, Factory Of Dreams была красива, но судьба Искателя приключений, так и не нашедшего пристанища, оставалась непонятной для большинства. Knight Of A War была лиричной, а текст о позабытом всеми герое войны, которому даже памятника не поставили, был весьма трагичным, но опять-таки — языковой барьер. «Пора переходить на русский», — решили мы. И перешли.

*Я зелёный крокодил,
Я летаю в облаках,
Собираю я в корзину
Боль людскую, зло и страх...*

Нам нравился этот крокодил. Ты мог бы кинуть в него камнем, разбив всю голову и тело в кровь, но никогда бы не узнал ты, не узнал бы, что значит любовь. А он, объект насмешек, всё летал и летал в облаках, презираемый всеми, не прекращая своего дела. Спустя четырнадцать лет, в 2010 году, американский рэпер Nelly записал песню Just A Dream, в которой гитара аккорд в аккорд, нота в ноту исполнила нашего «Крокодила». Без преувеличений. Видимо, идея была настолько хороша, что, не найдя реализации в Кемерове, самостоятельно отправилась искать своё рождение за океан. И вот сейчас я пишу эти строки, а сам слушаю ту самую крокодилскую Just A Dream.

*Снилось мне, что я был влюблён
В бесконечно мудрую ночь,
В лунный бледно-палевый луч...*

Экскурсами в символизм мы ни в коем случае не пренебрегали. А неповторяющийся рифф соло-гитары, вплетающийся в перебор гитары акустической, был просто бесподобен.

*Пропитались мы злобой,
Лютой злобой до сердца...*

Герои этой песни много воевали и много страдали. Из поколения в поколение. Жили, рождались, выросли, старели, умирали, летали, а может, горели. Электрогитара на фоне создавала сочный вибрирующий звук, который не прекращался, не затухал. Процессоров у нас никаких не было, поэтому я настроил четыре струны в унисон, чтобы добиться нужного эффекта.

*...Все ушли на небо,
А мы жили и жили...*

И да — это была грустная и действительно глубокая песня.

*Эй, друг, подожди, не беги,
А то правда ударит по зубам...*

Текст этой энергичной композиции тем не менее призывал не унывать, а, стратегически выждав необходимое время, упорно двигаться к цели, пусть даже и по горам, по долам, по лесам.

*Я больной пегий пёс,
Я бегу краем лет...*

Пёс, путешествуя между мирами, ищет своего хозяина, которого не успел спасти, и погиб пес от того же ножа. Так попал он в собачий рай, но сбежал через пару минут, его лапы искали путь, но боюсь, что они не найдут...

*Прокатилась боль по сердцу,
Как телега без колёс...*

Нужно сказать, что слушателей у нас было мало, ведь концертов мы не давали. Играть было практически не на чем. Однажды нам поступило предложение сыграть на студвесне в актовом зале медакадемии. Джонни страшно разволновался, поскольку тысяча человек могла стать свидетелями нашего позора.

— У нас ни аппаратуры нет, ни инструментов нормальных! — справедливо заметил он.

Я пообещал попросить у знакомых пару рабочих гитар и советский гитарный процессор, но сначала нужно было ознакомиться с техническими возможностями сцены.

Оказалось, что их не было. Начисто отсутствовали как явление. Пульт не работал. Колонки не годились даже на то, чтобы разбить о них гитару (нет, конечно, ничего подобного мы бы себе не позволили, ведь это очень дорого), они выглядели так, что могли бы развалиться от одного только взгляда.

— Скажи нам, дорогой председатель студкомитета, или как там тебя, — сурово спросил я, — как нам донести звук до студенческих и преподавательских ушей?

В ответ нам было предложено позаимствовать всю необходимую акустику в соседнем институте культуры.

— А может, нам ещё и сыграть там? — возмутились мы и бесплодно разошлись по домам.

Наш вокально-гитарный дуэт распался, когда я женился и перестал уделять должное время музыкальному творчеству. Мне часто хочется снова попасть в то время, когда мы сочиняли, репетировали, записывали свои песни на японский двухкассетный магнитофон, используя старую, еле живую акустическую гитару (производства спичечно-стружечной фабрики, как я её обзывал) и электрогитару «Аэлита», выведенную на девяностоваттные колонки через громоздкий транзисторный катушечник. Это был особенный период, оставивший след на моём сердце.

Диалог

— За что ты меня любишь? — спросила она как-то на рассвете. Он отложил в сторону карандаш и тетрадь и повернулся к ней. Прочитав в её глазах настоящий вопрос, он задумался.

Действительно, за что? Спешить с ответом не стоило, и он продолжал молчать, пока солнце мчалось к зениту. Всё в мире склонно меняться: люди и звёзды, события и обстоятельства. На их любовь ничто временное не влияло.

Она продолжала смотреть на него тихим, непроницательным взглядом.

— Если бы я знал! — ответил он.

Любовь

Любовь всегда была трудноизмеримой. Что в детстве, что во взрослой жизни. Она — то яркая, захватывающая дух и воображение, то тихая и незаметная, спокойная и взвешенная. Когда счастливая — превращает пасмурный день в солнечный. Когда неразделённая — на сердце горько даже в день рождения. Она может возникнуть из ничего, внезапно, а может долго и постепенно вызревать, как какой-нибудь фрукт. Любовь многогранна и таинственна, ей приходится учиться всю жизнь. Досадно, что нет такого предмета в школьной программе.

Я всегда с жалостью относился к тем людям, которые не верили в любовь, кому она оказалась ненужной. Кто-то так и не дорос до любви, ожидая её извне, даже не подозревая о том, что она рождается внутри.

Любовь, обращённая к человеку, исключает эгоизм, и включает в себя понятие жертвенности. Это когда ты готов и переделать себя ради любимого человека, и жизнь отдать за него. А вот стоит только попытаться переделать любимого человека под свои

личные критерии, любви наступает конец. Что же касается любви к Богу, то она может родиться только после рождения любви к другому человеку.

Как рассказать о любви? Мне кажется, что возможно лишь засвидетельствовать о своём понимании любви, о личном опыте, но это так интимно... Да и как описать любовь словами? Мы ведь давно говорим на разных языках. Одно и то же слово каждый понимает по-своему. Обогащается ли этим сам язык? Не знаю, вряд ли. Уверен в одном: без любви мир и не существовал бы вовсе, ведь Сам Бог — Любовь.

Семья

Признаюсь, мои познания о семье довольно ограничены. Потому как семьи у меня было всего лишь две. Первая — где я родился, вторую уже создал сам. На виду были многие семьи, но то не в счёт. Внешнее видно глазами со стороны, внутреннее иной раз не всегда понятно даже самим членам семьи.

Самое главное семейное правило, на мой взгляд, — это любить отдавать, а не брать. А иначе что за сомнительное удовольствие — использовать близкого человека в своих целях? Реализованная возможность дарить себя, угождать любимым людям — мужу, жене, папе, маме, детям, братьям и сёстрам во благо на пользу им, — вот то, что делает человека счастливым. В семье не должно быть места эгоизму, иначе счастья никому не видать.

— Сказано же в Библии, что жена должна повиноваться мужу как Господу, — сказал мне один православный муж, оправдывая свои самовлюблённость и гордыню.

— Точно так, — согласился я, — там ещё чуть дальше написано, что муж должен любить свою жену, как Христос возлюбил Церковь Свою и предал Себя за неё. Любите ли Вы жену так?

Мужчина заколебался, не зная, что ответить.

— Или, может, любите её, как своё тело? Зуб заболел — таблетку выпил и бегом к врачу. Рука устала работу выполнять — дал ей отдых. Есть захотел — поел. Скучно стало — развлёкся. Так же реагируете на нужды своей жены, как на нужды своего тела?

Муж молча покачал головой.

— Да если б жён так любили, как написано у апостола Павла, они были бы рады таким идеальным мужьям повиноваться как Богу, — добавил я.

А православной жене пришлось напомнить, что тело её мужу принадлежит (как и тело мужа — жене), и уклоняться от общения можно лишь по взаимному согласию, а не в качестве наказания за какие-то обиды.

А можно ли вступать в брак с нелюбимым человеком? Конечно, можно. Но ни себе, ни друзьям (тут бы сказать ещё «ни врагам», но врагов среди людей у меня никогда не было) я бы такого не пожелал. Как терпеть от человека огорчения, если не любишь его? Я бы не смог.

Когда-то я знал одного молодого мужчину, который, возвращаясь с работы, часа по два сидел в своём подъезде и курил, чтобы отсрочить своё появление дома. В семье его держала лишь дочка. Вскоре мне пришлось его отпевать.

Разлука

Она стояла, обнимая шершавый ствол липы. В её длинных волосах запутался жёлтый лист. Прохладный ветерок осторожно перебирал их, стараясь не дать листу упасть на осенний двухцветный ковёр. На бледных щеках алели дорожки, оставленные слезами, но глаза были давно сухи. Они смотрели куда-то вдаль, на другой берег реки, как будто там было что-то, кроме следов заката и запаха костров. Потрескавшиеся губы слабо шевелились. Они шептали имя. Словно это могло помочь вернуть его. Сюда, в мир живых. Телефон в кармане, казалось, злился сам на себя в тщетных попытках быть услышанным. Но сейчас из всех звуков побеждали лишь шелест пряной травы да тихий шёпот воды. Ничто на всей земле уже не имело никакого значения.

Пустота медленно входила в неё, ослабляя дыхание. Свет, некогда рождавшийся в её взоре, утекал последними струйками за горизонт, вслед за солнцем. Марево вечернего тумана подобралось поближе, чтоб лучше рассмотреть испаряющиеся следы её жизни. Огонь внутри, тот, что всегда питался запахом его волос и звуками его голоса, угасал.

Руки соскользнули вниз и теперь обнимали землю. Юную душу больше ничего не держало, потому что остывшее сердце теряло способность биться без него. Вот оно сделало последний, едва слышный удар в груди. Губы приоткрылись и ещё раз произнесли родное имя. Ветер подхватил его и понёс вдоль берега, мимо закрытых дверей и извиняющихся вывесок, от всей этой бессмыслицы туда, куда пять часов назад ушёл любимый.

А знаете, забудьте-ка этот мой лирический пафос. Любой из нас способен смертельно ранить всех, кто его любит, всего-навсего отсутствуя в их жизни. Причём неважно, какой срок.

Сторож

В отделении гемодиализа областной больницы я проработал около года. Быть техником, конечно, здорово, но студенту всегда нужны деньги. А их-то становилось всё меньше и меньше (зарплату в связи с кризисом стали задерживать на месяц, а выдавать по половине). Уволившись из больницы, я стал искать другую работу. Поскольку в тот период времени во всех лечебных учреждениях творилось одно и то же, я думал о том, чтобы устроиться ночным сторожем. Но такие вакансии вовсе не сыпались на меня подобно осенним листьям ветренным днём. И вот однажды мой однокурсник Кирилл уволился из ночных сторожей Знаменского собора. Всего штатных единиц было шесть: трое сторожей внутренних (они посменно дежурили в самом храмовом здании) и столько же уличных (они охраняли всю территорию, включая строительную площадку). Настоятель отец Владимир Курлюта посмотрел на меня, послушал речавшуюся за меня семейную пару — сотрудников собора, знавших меня ещё маленьким, да и скрепя сердце решил взять на серьёзную должность девятнадцатилетнего мальчишку, в котором не было даже шестидесяти килограммов веса.

Собаки — вот что было самым сложным. В вольерах за стройплощадкой днём сидели три собаки. А вечером, когда заканчивалась служба и расходились последние прихожане и сотрудники, мохнатых сторожей нужно было расставлять по местам их нелёгкой службы.

Немецкую овчарку по кличке Барс (его все звали исключительно Барсиком за чрезвычайную доброту и игривость) прицепляли рядом со сторожкой, так чтобы под контролем были ворота и площадка перед храмовым крыльцом.

Пушистую азиатскую овчарку звали Дрейком, как пирата. Он весил больше меня (говорили, почти восемьдесят килограммов), был похож на жёлтого льва, а его морду я не мог обхватить двумя руками (пальцы не смыкались). Характер Дрейк имел уравновешенный, но нарушителей охраняемого им пространства не любил. Впрочем, он всегда молча лежал под досками у котлована под несостоявшуюся колокольню, надеясь, что расхититель церковной собственности подойдёт поближе. Когда надежда испарялась, кончалось и собачье терпение, после чего огромная баскервильская тень выскакивала, натягивала цепь так, что большая кипа сосновых плах опасно колыхалась, и делала одно короткое «гав». Могу с большой долей уверенности предположить, что это самое «гав» успешно исцеляло запоры любой степени тяжести.

Кличка Лапа никак не отражала опасного характера косматой кавказской овчарки. Она была не просто злой, она была ещё и умной. Вдобавок ко всему на её счету было несколько порванных цепей толщиной с палец. Если грабитель подбирался незамеченным к церковным автомобилям, приходилось его спасать самым натуральным образом. Даже перцовые баллончики выдавались сторожам не против воров, а против Лапы — чтобы она никого не загрызла.

Мне предстояло «взять» этих собак. То есть сперва я должен был прийти к вольерам в одиночку (вдвоём идти было нельзя, поскольку за хозяина считался лишь тот сторож, чья смена) с бачком еды, увидеть, как собаки меня ненавидят (Лапа, к примеру, от злости кидалась на сетку-рабицу и грызла низкоуглеродистую стальную проволоку, представляя себе, что грызёт меня), затем по очереди войти внутрь к каждой из них и наполнить миски. Это было на самом деле нетрудно, ведь собаки переключали своё внимание на еду. Самое трудное было впереди.

Когда наступило «время правды», я пришёл к вольерам без еды, зато с поводками из цепей. Нужно было открыть дверцу, взять ненавидящую меня собаку за ошейник, прицепить поводок и отвести её «на работу». Я знал, что если дам слабину, покажу свой

страх, то в лучшем случае эти собаки будут воспринимать меня существом низшего порядка. В худшем случае... Я посмотрел на Лапу и Дрейка, которые были в силах сожрать меня целиком, и выдохнул:

— Господи, благослови!

После чего осенил себя крестным знаменем и, с Божьей помощью, сделал всё, что было необходимо. Собаки восприняли меня как хозяина и слушались, слава Богу. Не думаю, что сегодня я, тридцатидевятилетний, решился бы повторить тот подвиг.

Перед самым своим трудоустройством в Знаменский собор я попал в академический отпуск. Нет, я не собирался прерывать обучение, но отказать себе в удовольствии полежать в родном лор-отделении областной больницы был просто не в силах. Особенно в разгар обострения. Пока я наслаждался лечением, занятия в медакадемии продолжались. Без меня, конечно. Но если проблем с отработкой пропусков других дисциплин не было, то с микробиологией и вирусологией эти самые проблемы ещё как были. То есть, когда я прибыл на кафедру с больничной справкой, в отработке лабораторных занятий мне было отказано. Внезапно оказалось, что абсолютно все культуры и препараты куда-то бесследно исчезли. В моём воображении пронеслась яркая картина, в которой американские диверсанты под покровом ночи проникают в лаборантскую и похищают стратегические запасы стафилококка, клостридии и аспергилл. На мой вопрос, как мне отработать пропуски, старшая преподавательница отвечать отказалась и проводила в кабинет заведующего кафедрой, который, пожевав губами, промолвил одно слово:

— Академ.

И вот тогда я решил поступить в госуниверситет на факультет романо-германской филологии. Причём не ради знаний (хотя мне всегда были интересны языки), а ради стипендии. С тем чтобы на занятия не ходить, а деньги получать целых полгода.

— Господи, помоги! — кощунственно сказал я, отправляясь на письменный экзамен.

А испытания были воистину смехотворны. К тому же мои знания были абсолютно свежими (в медакадемии преподавали не только латинский язык, но и английский). Уверенно выполнив все задания, я заранее праздновал успех.

В списках же почему-то значилось, что Адодин сдал английский на двойку. Потрясённый, я даже не потребовал свою работу на руки. Что тут говорить? Мои гордость и самомнение, равно как и дерзость впутывания Господа в предприятие весьма сомнительного свойства, были размазаны по мокрому от дождя асфальту, когда я возвращался домой.

Через несколько лет я повторил попытку поступить на РГФ уже в Прокопьевске, в филиал Кемеровского госуниверситета. На этот раз Богу я молился, зная, что поступаю для того, чтобы получать знания. Учиться оказалось не всегда легко: преподавательница вела урок английского языка на... английском языке. Какая неожиданность, не правда ли? К этому я оказался не вполне готов, напрягаясь изо всех сил, чтобы уследить за смыслом того, о чём шла речь на занятиях. А вот мои одноклассники, похоже, проблем с восприятием устной речи не испытывали.

Все предметы были интересными, учебный процесс приносил сплошное удовольствие, но его пришлось прекратить в связи с наступившей беременностью жены. Она вынашивала дочку очень тяжело, с непрекращающейся угрозой выкидыша из-за хронической невынашиваемости. Ходить могла лишь кое-как, не более десяти метров в день. В этих условиях, конечно же, ни о каких развлечениях не было и речи. А учёбу я считаю наилучшим из всех развлечений.

Кстати, после провала моей аферы с поступлением и надеждой на стипендию Господь решил, что со мной нужно что-то делать, и вложил в голову настоятеля собора мысль о том, что из меня мог бы выйти алтарник. Отец Владимир, само собой, противиться Богу не стал и сказал, что поскольку я исправно посещаю полиелейные и воскресные службы, то почему бы мне не стать пономарём? Причём дал время подумать. На сменах, чтоб не спать, я читал много духовной литературы, которую брал в церковной библиотеке. Но о пономарстве там ничего не говорилось. В ту ночь дежурства я держал совет с внутренним сторожем, который как раз был по совместительству пономарём. Саня (а теперь уже протоиерей Александр), рассказав об этом всё, что мог, твёрдо советовал соглашаться:

— Просись у отца Владимира сразу в штат.

— А что это значит? — недоумевал я.

— Зарплата будет, — отвечал друг.

За честь помогать в алтаре ещё и зарплату платят? Чудеса!

На радостях я попросил Саню, чтоб он показал мне, как трогаться и переключать передачи на новенькой церковной «Волге-3110», которую оставил у сторожки водитель, чтобы я высушил коврики. Зря, в общем-то. На третьей скорости мы носились по территории вокруг собора, лавируя в узких проходах. За рулём был я. А Саня сидел рядом с круглыми глазами и быстро повторял:

— Двадцать миллионов, двадцать миллионов, двадцать миллионов!

Сегодня, когда я вспоминаю то ночное ралли, чудом закончившееся благополучно, меня прошибает испарина.

А наутро я огорошил настоятеля, попросившись в пономарский штат. Впервые столкнувшись с подобной наглостью, он, поразмыслив несколько мгновений, дал добро.

Пономарство

Первый день моего пономарства ознаменовался тем, что я на требование служащего священника сунул ему в руку кадило. Как выяснилось после каждения — оно было даже без углей. На лице батюшке читалось намного больше, чем он мог сказать.

— Кто дал мне пустое кадило? — с громом и молниями в голосе спросил отец Борис Опарин, ныне настоятельствующий в Бруклине.

Пономари втянули головы в плечи. Я робко поднял руку вверх, понимая, что только что все церковные бабушки гадали, почему от каждения нет ни дыма, ни запаха, и нет ли здесь какого-то подвоха в виде обновленчества и грядущего апокалипсиса. Ещё я представил, как багровел священник от стыда, пока шествовал по периметру всего собора. За это, думалось мне, точно снимут стихарь и укажут пальцем на дверь.

Взглянул на меня отец Борис, вздохнул и махнул рукой: мол, что с него взять.

Дивная пора — пономарство. Вроде бы первая ступень на пути к священству, а тут тебе и хулиганство всякое, и смех сплошной.

— Болящие! — вздыхал иной батюшка, глядя на наши пономарские выходки.

— Юродство ваше да помянет Господь Бог во Царствии Своем, — вполголоса возгласил как-то диакон Виталий, покадив нас на Херувимской из Царских врат.

— Скажи-ка, брат, — опрашивал как-то раз я одного пономаря за другим, — бесы тебе друзья или враги?

Никто не желал признаваться в дружбе с бесами, как один исповедуя заклятую с ними вражду.

— А ты молишься ли за бесов? — не отставал я.

Как выяснилось, такого ни за кем из обитателей пономарки сроду не водилось. Как так — молиться за бесов? Дикость какая! Искушение!

Тогда я заявлял, что в Писании сказано, что за врагов нужно молиться. Это многих приводило в тупик. Кроме одного, который в послушниках ходил давно и был умудрён годами.

— Нельзя молиться за тех, кто согрешает к смерти, — терпеливо сказал он.

— Вряд ли есть грехи, приводящие к жизни, — парировал я, ужасно довольный собой.

Тут моё внимание привлек ворвавшийся в пономарку священник, который любил задавать мне каверзные околобогословские вопросы и наблюдать, как я пытаюсь выкрутиться. «Вот уж я ему заплачу за всё», — радостно подумал я и кинулся ему наперерез:

— А вот скажите, батюшка, вам бесы друзья или враги?

— Они мне никто! — отрезал отец Владимир, даже не снизив скорости своего движения в алтарь.

Мой растерянный вид, конечно же, никого равнодушным в ту минуту не оставил.

Много забот у пономаря во время службы. Бывает, что нет ни минутки, чтобы присесть или даже задуматься о своём.

Вовремя подавать диакону кадило, для которого сначала нужно разжечь на спиральной плитке древесный уголь, да не забыть и о ладане, чтобы был густой ароматный дым. Сам же уголь раз в неделю добывался из дров или упавших тополиных веток.

Всякий раз, когда отверзаются Царские врата, включать храмовое и алтарное паникадило. И выключать по закрытии. Одним глазом читая записки, другим глядя на диакона и священника — вдруг что-то понадобится.

Ходить со свечой на входы. Тут следует помнить порядок, кто за кем идёт, где повернуться, куда поклониться, когда перекреститься. И ещё следить, чтоб у тебя и твоего собрата-пономаря подсвечники были на одинаковой высоте, иначе будет ругаться настоятель. Не дай Бог под стихарём окажется не застёгнутым воротник рубашки!

Читать Апостол. Целая наука! Каждому дню в церковном календаре соответствует своё апостольское чтение, прокимен и аллилуарий. Читать надо громко, чинно, красиво, да так, чтоб прихожанам было понятно каждое слово. Если сам не понимаешь, что написано, то и прочитаешь так, что не поймёт никто. А за такое можно получить земных поклонов. Пятьдесят, сотню. Никакие отжимания даже не идут с этим в сравнение.

Нарезать антидор, приготовить запивку, блюсти, чтобы все лампадки горели ровно, поправляя их фитили, подливая вовремя масло. Вынести на молебен столик для записок, требник, водосвятную чашу и кропило. Держать с диаконом плат во время причастия на амвоне. Кстати, это дело было особенно трудным, если служил диакон Сергей — обладатель мощного голоса.

После службы — уборка. Облачения развешиваются, всё раскладывается по местам. Пол в алтаре и пономарке очищается от восковых пятен и моется со стиральным порошком. После уборки пономари идут в трапезную, где их ждёт вкусный обед и обсуждение прошедшей службы.

Помимо Апостола пономарь должен уметь читать на церковнославянском языке Шестопсалмие, канон на утрени и Часы, чтобы выручать певчих, когда у тех проблемы с голосом. Или даже если проблем нет, а просто хочется постоять среди девчонок, перекинувшись с ними парой шуток. Чаще всего будущие семейные пары образуются именно тут, на клиросе, во время чтения Часов.

А ещё обязательно нужно знать и понимать состав и последовательность богослужения. Тут уж то священник подскажет, то диакон даст нагоняй, то сердобольные псаломщицы возьмут над тобой шефство.

Чудное место — пономарка. Здесь тебе и школа дисциплины, и ускоренные курсы богословия, когда, раскрыв рот, слушаешь разговоры и дискуссии священнослужителей. В этом месте завязывается настоящая дружба на всю жизнь, тут учишься любить всё, что связано с Церковью. Будучи преддверием алтаря, пономарка подготавливает будущих диаконов, пресвитеров и епископов. Являясь преддверием Царствия Небесного, словно сад при Эдеме, пономарка даёт навык возделывать своё сердце, хранить и умножать православную веру.

Степень веры

Молодой парень, зайдя в собор, поинтересовался у церковной работницы, как следует готовиться к Причастию. Та стала объяснять:

— Это вам нужно будет попоститься дня три, накануне выбранного дня посетить вечернюю службу. После службы, уже дома, по молитвослову вычитаете три канона и молитвы ко Святому Причащению. После полуночи нужно будет воздержаться от еды и питья. Утром придёте на службу к половине девятого, исповедуетесь, ну и, собственно, причаститесь.

Парень несколько озадачился.

— А что значит — попоститься? Это что, ничего не есть, что ли? — спросил он.

— Нет, достаточно будет исключить из своего рациона мясные, молочные продукты и яйца, — терпеливо объясняла женщина.

— Это как? Три дня мяса не есть?

— Ну да. Это же нетрудно. Всего три дня ведь. Небольшой подвиг ради Христа.

— А если я забуду и нечаянно съем кусок колбасы? Что тогда?

Теперь озадачилась женщина.

— Ну... а вы не забываете...

— Ну знаете, я не настолько верующий, чтобы прямо вот так взять и отказаться от всего! — возмутился парень и вышел из храма.

Монахиня

Примерно года за полтора до посвящения в сан диакона случилось мне как-то зайти в приходскую бухгалтерию собора за справкой с места работы. В кабинете стоял новенький копировальный аппарат — тогда большая редкость. Сын бухгалтера, исполнявший обязанности её помощника, дружески подмигнул мне, кивнув на ксерокс:

— Видал, какая у нас теперь техника стоит? То-то.

— Ну всё, Валера, теперь не отмажешься. Буду к тебе постоянно ходить, документы всякие по блату копировать, — заулыбался я.

Внимательно слушавшая наш с Валерой разговор монахиня осуждающе покачала головой:

— Сразу видно — мирской человек!

Я смутился. Слово «мирской» было бранным, означая в среде людей «духовных» абсолютно безнадёжного, с точки зрения спасения души, человека. А себя-то я всячески причислял к духовным, но то как бы вслух. А про себя я знал, что всегда был мирским и, скорее всего, таким и останусь до самой своей кончины.

— Ну почему мирской? Пономарь! — улыбаясь, спас меня ещё один посетитель бухгалтерии — церковный слесарь-сантехник.

— Понома-арь? — с большим сомнением протянула матушка монахиня, смерив меня взглядом с головы до ног. По всему выходило, что я был взвешен и найден очень лёгким.

Я смутился ещё больше и решил зайти за справкой в другой раз, пока царство моё не отдали мидянам и персам.

Спустя несколько дней мы с женой, гуляя по городу, снова повстречали эту монахиню. Она строго-настрого запретила нам держаться за руки, сказав, что это очень плохо.

Алтарный журнал

Чтение соборного алтарного журнала было в своё время самым увлекательным занятием. Каких там только не было записей!

Вот почерком отца Бориса написано:

«Отец Борис после литургии сказал проникновенную проповедь. Все прихожане плакали и говорили, что если останется один отец Борис и певчая Наталья, то Церковь выстоит».

А вот запись после престольного праздника в крестильном храме Святого Георгия Победоносца:

«Болящая Вера отказалась целовать икону св. вмч. Георгия, мотивируя тем, что не желает целовать лошадь».

Или вот ещё:

«Отец настоятель ездил в Москву на три дня. Пока его не было, все в алтаре переругались. Вернулся отец Владимир в Кемерово поздно ночью, но утром был уже в курсе всех разборок. Наверное, у него есть волшебный телевизор».

Также в этот журнал записывали особенности служения, которые требовал от клириков ныне покойный архиепископ Софроний. Как-то раз владыка, предварительно сделав всем выволочку, потребовал, чтобы на Пасху священники с самого начала были облачены в рясы. Почесав бороды, те сделали запись жирными буквами, чтоб не забыть. Через год, сверившись с журналом, все надели рясы, ожидая архиерея. Но почему-то владыка остался крайне недовольным и стал ругаться по этому поводу:

— Вы чего на себя надели? Почему все в рясах?

Все втянули головы, ожидая египетских казней. Ссылаться на слова самого архиерея годичной давности было бы не лучшей идеей. Ситуацию спас балагур диакон Сергей:

— Владыка, да просто они на панихиду собрались.

Посмеявшись, архиерей не стал никого казнить, и все облегчённо выдохнули, после чего, как следует, вычеркнули запись о рясах за неактуальностью.

Потом писательская традиция прекратилась, и журнал превратился в бездушный перечень служб с количеством исповедников и причастников.

Рукоположение

До пономарства я никогда не думал о священстве как о возможной стезе. Но, погрузившись в церковный мир, постепенно не смог представлять себя где-то ещё. Медицина, при всей её привлекательности, затмилась богослужениями и приходскими делами. И вот один почтенный настоятель предлагает мне быть у него попом на приходе:

— Ну, сперва диаконом побудешь с полгодика, а потом и священником. Так-то ты мне подходишь.

— А владыка благословит? — засомневался я.

— Владыка Софроний — мой кум, — улыбнулся отец Алексей Курлюта, — благословит, конечно. Ты сейчас где учишься?

— В медакадемии, — ответил я, волнуясь (академический отпуск давно закончился, и я снова приближался к окончанию второго курса).

— Бросай её, изучай строй богослужения, будь на всех службах, а я завтра пойду к владыке и потом дам тебе знать. — Отец Алексей встал, дав понять, что мне пора.

Прошёл месяц. Он был очень длинным, поскольку я каждый день ожидал известий, но не получал их. «Меня испытывают», — догадался я. Испытание на терпение я провалил, подойдя наконец к секретарю епархии с вопросом, благословил ли владыка меня к отцу Алексию священником. Оказалось, что никакого испытания не было.

— Что? А, нет, владыка не благословил, — ответил отец Димитрий на ходу.

— А почему? — огорошенно спросил я.

— Ну, ты же одним ухом не слышишь, — был ответ.

— Так мне же это не мешает на службе, — пробормотал я вслед ему.

Итак, путь в священство был мне заказан самим архиереем, а причину я устранить не мог: всё, чем можно было слышать, включая слуховые косточки, было вырезано в правом ухе ещё в возрасте четырёх лет. Месяц пропусков в академии означал только одно — отчисление по неуспеваемости.

«Фиаско?» — рассуждал я. Да, пожалуй, что так. Тогда я решил, что время упования на князей и кумовьёв человеческих прошло. Ежедневно я стал просить у Христа рукоположения.

Вспомнив, как Лаврентий, старший пономарь (а теперь уже протоиерей в Горно-Алтайске), готовился к вступительным экзаменам в Православный Свято-Тихоновский богословский институт (вскоре ставший университетом), не расставаясь с «Законом Божиим» редакции протоиерея Слободского, я решил, что это как раз по мне. Богословские дисциплины оказались такими же интересными, как и медицинские. Чтение конспектов лекций, учебников, написание контрольных и сочинений полностью захватили меня.

Из сторожей я был изгнан, поскольку нарушил главное правило собора: всё, что происходит, должно быть только с благословения настоятеля. А я пропустил бригаду строителей к их вагончику за личными вещами, не спросив об этом отца Владимира. Но оставлять девятнадцатилетнего женатого пономаря без средств к существованию было не в его характере, и я был определён продавцом церковной лавки. Работа моя оказалась в большей мере связанной с вынужденной катехизацией. Приходилось разговаривать с людьми о православной вере, различных суевериях, оккультизме и многом-многом другом. Так прошёл год. Мой настоятель к тому времени понял, что толку с меня уже не будет никакого, вслух недоумевая, зачем я бросил медицинскую академию (а я стеснялся говорить отцу Владимиру, что это было решение его отца — протоиерея Алексея). Я же не оставлял молитву и продолжал выпрашивать у Бога священный сан, обещая Ему с три короба взамен.

Наступил праздник Входа Господня в Иерусалим. Точнее, началось субботнее всенощное бдение. Я закончил свою работу продавца на «точке» пораньше, но всё равно опоздал на десять минут. По-тихому облачившись в подрясник, я очень аккуратно скользнул в алтарь, будучи незамеченным даже настоятелем, который всегда видел всё, что происходит в его соборе. Все сосредоточенно молились, архиепископ Софроний сидел на своём обычном месте справа от Царских врат. Прижавшись к стене, я сделал вид, что нахожусь здесь с самого начала.

И тут владыка повернул голову в мою сторону и кивнул мне головой, одновременно сделав приглашающий жест рукой. Я страшно перепугался и замешкался. Отец Владимир, для которого каждая архиерейская служба была как Страшный Суд, тут же нетерпеливо

махнул рукой, мол, давай бегом, не медли. Те пятнадцать шагов, которые я шёл через горнее место к управляющему Кемеровской и Новокузнецкой епархией, длились очень долго. Я успел предположить наилучший исход для себя.

— Скажи мне, Сергей, — спросил владыка, глядя на меня подслеповатыми глазами (и как он меня узнал издали?), — вот ты священные одежды носишь зря или не зря?

— Простите, владыка? — пробормотал я.

— Подрясник ты носишь просто так или нет? — пояснил он свой вопрос.

Правда, яснее мне от этого не стало, и я в тот момент, наверное, был похож на бессловесную овцу.

— Рукополагаться думаешь или как? — всё ещё терпеливо спрашивал архиерей.

«Да, да и сто раз да!» — крикнуло моё сердце, а голосовой аппарат выдавил что-то вроде:

— Как благословите, владыка...

Впрочем, этот ответ его совсем не устроил, а даже немного рассердил:

— Что значит — как благословите? Я тут никого против воли не рукополагаю! Отвечай: хочешь быть диаконом?

— Хочу, — быстро ответил я, боясь, что архиерей меня сейчас прогонит взащей.

Выяснив, что ни жена, ни мои родители не против моего служения в священном сане, он сообщил мне, что хиротония состоится в Великий Четверг. Казалось, что разговор исчерпан, но владыка колебался.

— А ты знал, что я хочу тебя рукоположить? — задал он неожиданный вопрос.

— Нет, владыка, не знал, — почему-то сильно озадачил я его.

Наблюдая крайнее замешательство владыки, я добавил:

— Но я молился и просил Бога о хиротонии.

Тут всегда строгий архиерей облегчённо улыбнулся и сказал:

— Ну, тогда понятно. А то, понимаешь, я сижу, молюсь, а тут мне сверху приходит, что тебя надо брать и рукополагать.

Надо ли говорить, что под впечатлением от того разговора я нахожусь до сих пор?

Исповедь

Всякий православный знает, что такое исповедь. Но всякий ли умеет исповедоваться?

Взять, к примеру, музыку. Каждому понятно это слово. Все любят слушать звуки, когда они красиво чередуются, образуя уникальный... то ли невещественный предмет, то ли целый мир со своими законами. А вот попробуй-ка музыку сочинить! Сложно. Нет, плохую-то сочинить легко, а вот хорошую — трудно. Для этого требуется и теория, и практика, и богатый опыт знакомства с музыкой, и любовь к ней...

Так вот, приготовиться к исповеди — это как написать симфонию. Думаете, нет? Но ведь это тоже творческий процесс — выносить в сердце покаяние и воплотить его в жизнь, испросив у Бога прощения. Как же всё это непросто — верить в Бога, любить Его всем сердцем и всей душой, слышать, когда Он обращается лично к тебе, а затем сравнить то, что Господь просит, и то, что ты дал Ему в ответ!

Итак, человек пришёл на исповедь. Перед ним видимым образом — Евангелие, Крест, рядом стоит священник. А невидимо присутствует Сам Христос, внимательно слушая, что говорит кающийся, и сравнивая это с тем, что произошло на самом деле. А что же говорит человек?

— Каюсь во всех грехах.

Священник же... кстати, а для чего тут священник? А он, оказывается, обязан быть свидетелем. Нет, не тем, который увидел из окна, как один человек украл у другого кошелек. И даже не тем, который вызвал на откровенность собеседника и, узнав нечто крамольное, побежал доносить в вышестоящую инстанцию. вспомните, для чего нужны свидетели на свадьбе. Вот таким свидетелем и является священник. Христос — Жених, вся Церковь — Его невеста. А на исповеди тот, кто своими грехами отпал от Церкви, воссоединяется и примиряется с ней. Разлучаясь со своими грехами, разумеется. Пастырь выступает защитником интересов кающегося человека, который желает снова быть со Христом. А ещё он представляет интересы Самого Христа, Который Своей смертью и Воскресением выкупил этого человека от рабства дьяволу.

И вот священник слышит, что пришедший человек кается во всех грехах. Как так? Прямо-таки во всех? Душил людей на улице? Нет? Грабил банки? Опять нет? Значит, не во всех. А в каких? И вот ответ:

— Да нет у меня особо-то никаких грехов.

Ну вот... только что были все, и вот уже нет ни одного.

Иногда приходит человек и зачитывает длинный список грехов, позаимствованный из какой-нибудь брошюры. С мшелоимством, скверноприбытчеством и нарушением всех крещальных и монашеских обетов. Некоторые духовники уже наизусть выучили такие списки. Список длинный, но чужой. Не вынашивался он в сердце человека. Ну кто так мирится с другом после ссоры? Разве не говорим мы дорогому человеку:

— Прости, я был груб с тобой, невнимателен, не пришёл, когда тебе было плохо! Простишь ли ты меня?

Разве для примирения необходимо пособие под названием «Перечень предполагаемых обид, которые можно нанести другу»? Глупо, правда?

Или вот, кается пожилой человек на исповеди в грехах юности. Заподозрить его в том, что всё это было недавно, очень трудно.

— Ну хорошо. А когда вы исповедовались в последний раз?

— В мае прошлого года.

— Так, а вот с того самого мая до сегодняшнего дня в чём каетесь? За что хотите у Бога прощения попросить?

— Да ни в чём. Я никуда не хожу, никого не вижу, никого не трогаю.

Приходится попу изощряться, чтобы натолкнуть человека на покаяние. Но покаяние — это процесс духовного возрождения, который не может возникнуть ниоткуда, по принуждению или в результате уговоров. Помните евангельскую притчу о блудном сыне? Он внезапно опомнился. Пришёл в себя. То есть, пока согрешал, он был не в себе. Затем этот взрослый человек очнулся, прозрел и увидел, что его деяния — мерзость. Ещё вчера он полагал, что всё делает правильно, что его действиям есть оправдание. Но после покаяния (по-гречески метанойя, перемена сознания) вдруг понял, что оправданий никаких нет. Совсем никаких, понимаете? И тогда заблудившийся сын, осознав свою неправоту, предпринимает особенные действия: «Пойду, — говорит, — попрошусь в наёмные работники к своему отцу, поскольку я недостоин больше называться его сыном».

Вот оно — самое важное! Он не пошёл наниматься к постороннему человеку, потому что его гордость была сокрушена покаянием. Вот лакмусовая бумажка, индикатор того, каюсь ли я. Пока жива гордыня — никакого покаяния не произошло. И он не пошёл к отцу в качестве: «Вот я — твой родной и законный сын, ты обязан меня принять таким, какой я есть». Он понял, что отец не обязан. Отец ничего не задолжал ему. И сын идёт к отцу в смиренности. Смирненными ли мы идём на исповедь или в качестве большого подарка? Подарка кому? Богу? Церкви? Или, может быть, попу, который принимает исповедь? Ну не смешно ли?

— Каково это — видеть человеческую нечистоту каждый день? — спросила как-то Оксана, моя хорошая знакомая. — Я не представляю, как это можно выдержать. Как сказал мой муж, я бы не смог относиться к людям так же, как раньше, зная о них ТАКОЕ...

— Ерунда, — ответил я. — Собственная нечистота позволяет воспринимать всех как своих собутыльников по гаражу.

То есть, как если бы мы вместе пили, потом валялись пьяные, вместе творили что попало. Глупо же осудить всех, а о себе помышлять как о чистеньком. Все ведь предстанем перед Богом на Суде, все будем сидеть на одной скамье подсудимых и надеяться на снисхождение Судии. Но и слышать от собутыльников (далось же мне это слово!), что они все как один трезвенники и язвенники, бывает весьма странно.

Имеют место случаи как курьёзные, так и грустные. Но всякий раз оказывается, что проблемы с исповедью возникают, когда человек упускает из виду, что Господь Бог — это не свод законов и даже не какая-то сверхъестественная сила, а Личность. И отношения у человека с Богом — межличностные. Мы очень многое знаем о тонкостях такого рода отношений. Каждому известно, на чём строятся любовь и дружба. Каждому ведомо, что такое вежливость, чувство такта, жертвенность, и что есть хамство, наплевательство, эгоизм, равнодушие, и как всё это влияет на человеческую привязанность. Стоит только

перенести умение дружить и любить в духовную жизнь, как сразу открываются глаза и человек начинает понимать, чем именно он опечалил Бога.

И вот тогда в душе может родиться покаяние — искренний ответ сердца на Божий призыв. И это уже будет не заученное «делом, словом, помышлением», не автоматическое переписывание церковной книжицы. Тогда-то и начинает понимать человек, что несоблюдение среды и пятницы — это вовсе не мелочь, которую можно прикрыть фразой «мне поститься нельзя, я болею». Это буквально означает следующее: «Когда у Христа был день скорби и страданий, когда Он был предан, подвергнут бичеванию и умер на Кресте, в тот день я решил, что лично мне на это наплевать и траур соблюдать в этот день я не стану. Не поесть мяса, не попить молока в течение целого дня — это слишком тяжёлое испытание для моей верности Христу». Страшные слова? Ведь они означают отречение от дружбы с Христом. Если Его скорбь мы не разделим, то разделим ли Его радость?

Бог в мои двери

Стук-стук!

Что такое? Гостей не звал, за всё уплачено, веду себя тихо...

Наверное, торговые агенты. Или иеговисты. А может, мошенники или бандиты. Тогда лучше не открывать! С другой стороны, вдруг телеграмма? Наводнение и всеобщая эвакуация? Участковый пришёл расспросить, что я знаю о соседях? Так я много что могу сказать. Надо пойти, глянуть в глазок.

На площадке стоял Иисус Христос, держа что-то в руках. Только вот что? Возможности дверного глазка были ограничены. Прочитав большое количество замечательных духовных книг, не считая Библии, выслушав много церковных проповедников, я знал Богочеловека очень хорошо. Он никогда не приходит с пустыми руками, но в них может быть всё что угодно. От новой печени до раковой опухоли. От рек воды живой до огня с небес. От трёх узельцов золота до канистры бензина. И нечего тут удивлённо брови поднимать! Помню, помню я цветаевское «Значит Бог в мои двери — раз дом сгорел». Никогда не угадаешь.

А не открыть дверь нельзя. Всё-таки Господь. Он же не только в веянии тихого ветра. Творец неба и земли как-никак. Может и обидеться. Тогда пеняй на себя. Да и не уйдёт ведь: «Се, стою у двери и стучу. Если кто услышит Мой голос и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною».

Войду!

То есть, когда я открою дверь, Иисус войдёт в мой дом, чтобы потрапезничать со мной. И тут либо я накрываю на стол, либо у Него всё с собой есть. Вышли рыбаки-апостолы на берег, желая накормить своего Господа свежепойманной рыбой, а их уже ждал костёр с рыбой печёной. Но то апостолы. Другим же приходилось самим накрывать на стол. Но и тут не всё так просто. Вечеря со Христом — это ещё и образ пира из притчи Луки и Матфея. А те, в свою очередь, имеют в виду Царствие Небесное.

Царствие.

Небесное.

А я только-только начал копить на зимнюю резину. Финскую, со специальным узором. Всё, отъездился. А машина достанется, конечно же, племяннику. Квартира, в конечном счёте, тоже ему отойдёт...

И попробуй не открой дверь! Я же не атеист какой, не иноверец. И в храм хожу, и подаю. Соборовался вот недавно только, Великим постом. Надо открывать. Да и не факт ведь, что умру. Бог милостив. Знает же, что я не готов пока. Открою. Зайдёт Господь, со всеми Своими заповедями зайдёт. Может и надолго задержаться. Тогда уже ни хоккей посмотреть, ни с товарищами выпить, ни соседку в гости позвать...

Что ж, пора! Цепочка и два замка. На площадке никого, у двери стоят четыре новенькие покрышки. Ну-ка, ну-ка? Точно, она, «Хаккапелиитта», как я и хотел! И ещё звук шагов вниз по ступенькам.

— Спасибо Тебе, Господи!

Уж каким-каким, а неблагодарным я никогда не был.

Английский язык

Предмет моих вожелений находился у баптистов.

Так вышло, что летом 1998 года в Кемерове издание Нового Завета на английском языке было только в магазине «Библия Кузбассу», принадлежавшем евангельским христианам-баптистам. Я хотел это издание. Но продавец наотрез отказался мне его продать:

— Оно не на продажу, а на подарок. Но я вам его не отдам, потому что вы православный. И вообще этот Новый Завет для иностранцев, — резюмировал парень.

Любви ко мне, продавцу православных книг, икон и свечек, он не питал. Иконная лавка от Знаменского собора, расположенная через дорогу, мозолила глаза, воплощая в себе всё то, что протестантам не нравилось в православных. Я даже надевал на своём рабочем месте серый поношенный подрясник, ранее принадлежавший отцу Дионисию — бывшему секретарю епархии.

— Если бы Христос пришёл сегодня, то носил бы пиджак, — выговаривал он мне как-то, не одобряя мой внешний вид. Хорошо ещё, что я бороды не носил, а то получил бы выговор и за это.

Мы часто спорили о вере — двое горячих молодых юношей. Моим защитником был диакон Андрей Кураев, чьи книги я проглатывал в два счёта. Его подход к полемике полностью импонировал мне, а умение оперировать залежами знаний и вовсе приводило в восторг.

Итак, синий мягкий переплёт с надписью «New Testament» я мог брать в руки лишь для того, чтоб полистать тончайшие листы:

«In the beginning was the Word».

«В начале было Слово».

Я любил английский язык, и мне не терпелось заполучить эту книгу. О горькой печали было поведано моим сокурсникам по Свято-Тихоновскому. Сорокапятилетний Юрий, директор мясокомбината, причащавшийся, к моему восторгу, Святых Христовых Таин каждое воскресенье, и мой товарищ по алтарю иподиакон Андрей, с которым мы как-то раз пришли к выводу, что правильные карманы подрясника должны быть настолько глубоки, чтоб полностью скрывать по бутылке кагора (сейчас протоиерей Андрей служит в Томске), выслушав меня, возмутились духом. Твёрдо решив утешить меня, а заодно пополнить запасы духовной литературы (в том магазинчике помимо Священного Писания и протестантских книг продавались творения Святых Отцов и ещё много чего полезного), они посадили меня в машину.

— Показывай дорогу, — сказали они, и я показал.

— Сиди тут, мы сами разберёмся, — сказали они, и я сидел, а они действительно разобрались.

Первым в магазин зашёл Юрий. Он был в малиновом пиджаке, коротко стриженный, на его пальцах красовались золотые печатки, на запястье имелся увесистый браслет. Тоже золотой.

— Брат, — проникновенно обратился Юрий к продавцу, — мне нужно что-нибудь для души!

Брат, широко раскрыв глаза на обращение Савла, указал ему на подарочную Библию издания Российского библейского общества.

Юрий взял фолиант с золотым обрезом, полистал и покачал головой:

— Вот это точно для души, брат! Угодил ты мне, брат!

И стал набирать книжки про Антония Великого и о тринитарных спорах четвёртого века.

Широко распахнулась дверь. На пороге в золотых лучах солнца появился Андрей, бывший у казаков подхорунжим. Роста великого, косая сажень в плечах, светловолосый, что твой былинный богатырь. И возопил будущий отец Андрей гласом великим, басом утробным и весьма громогласным:

— Аллилуйя, братья! Есть ли в сердцах ваших живая вера?

— Аминь, брат! — воскликнул Юрий.

— Аллилуйя! — отозвался ошарашенный продавец.

На его глазах делалась дневная выручка. Жадные до учебной литературы студенты-богословы скупали всё, что годилось для подготовки к экзаменам, написанию контрольных и сочинений.

А затем внимательный Андрей заметил синий корешок.

— А это что?

И Новый Завет, украшенный рисунком масляной лампы «Гедеоновых братьев» — организации, бесплатно распространяющей Библию, оказался в его широкой ладони.

— Это для иностранцев! — очнулся продавец.

— Для каких таких? — ласково осведомился Андрей.

— Ну, для англичан, например...

— Да английский — мой второй язык! — рыкнул рязанской внешности отец подхорунжий, как я его всегда называл. — Я на нём думаю время от времени!

После чего сунул книгу под мышку. Так она и дошла до меня, сидевшего в машине, изнывающего от жары, нетерпения и волнения...

— In the beginning was the Word, — мучаю я своим произношением прихожан на Пасху, поскольку мой нынешний настоятель, отец Геннадий, соблюдает традицию чтения Евангелия на разных языках в ознаменование апостольского благовестия. Прихожане вроде бы не ропщут. Снисходят к поповским причудам.

Диакон

Моя хиротония во диакона состоялась на Великий Четверг 1999 года, и я ужасно волновался всю службу, боясь не туда встать, не в ту сторону поклониться. В конце мне дали потребить большую Чашу. Мне показалось тогда, что в ней было литров сто. Но я справился. И, вернувшись домой абсолютно сытым, проспал часа четыре. Вечерняя служба была посвящена событиям Страстной Пятницы, и я обнаружил, что все мои уставные знания улетучились, подобно дыму над водой Женевского озера. Каждую секунду я подозревал, что мне нужно говорить ектению или прокимен или делать что-то ещё. Поэтому я крепко держал в руке служебник и внимательно следил за соборными диаконами, дабы не пропустить подсказку. Потому-то я и попал впросак.

Владыка Софроний, стоя на кафедре, задумался и пропустил момент, когда он должен был повернуться на сто восемьдесят градусов и благословить молящихся с возгласом «Мир всем!», из-за чего в службе возникла заминка. Хор молчал. Молчали все соборные священнослужители. Я боялся.

Тут отец Виталий начал пробиваться к архиерею сквозь сонм иподиаконов и шёпотом подсказывать ему: «Мир всем, мир всем». Так вышло, что при этом он толкал меня в плечо. Не одного меня, конечно, но я этого не знал.

«Да ну, не может быть», — подумал я, но семя беспокойства надёжно легло на плодородную почву моего страха. К тому же другой диакон, отец Сергей, завязывая шнурок на ботинке, громко зашипел такое же «Мир всем!», при этом глядя на меня. Не специально, нет. У него привычка такая была. Говорит в одну сторону, а посмотреть может в другую. И я об этой привычке знал. Но в тот момент я струхнул. К тому же взоры всех попов были обращены в нашу сторону. Мне же казалось, что смотрят все на меня. Смотрят и ждут, когда я уже наконец скажу: «Мир всем» и положу конец остановке в службе. А иначе с меня снимут стихарь с орарём, покачают головой и определят обратно в продавцы свечек и церковных книг. За профнепригодностью.

И тогда я, убедившись, что никто этот возглас говорить не собирается, воздел правую руку, держа конец ораря, и на весь Знаменский собор раздался архиерейский возглас в моём исполнении. Отец Сергей от неожиданности покачнулся и чуть не упал, хор, прекрасно отличавший голос архиерея от моего, бывшего пономаря, запнулся и выдал крайне неуверенное «И духови твоему». Все замерли, ожидая архиерейского гнева, но владыка заулыбался и промолвил:

— Быть ему священником.

И наступили всеобщее счастье и радость. Один лишь отец Владимир, настоятель, не разделял веселья, поскольку привык, что за каждый промах его подопечных отвечать перед архиереем приходится ему. Ну а я чувствовал себя идиотом, само собой.

— Это было феаско, — говорил я потом, делая акцент на букве «е», — потому как на обычное фиаско я оказался неспособен.

Хористы же при всякой встрече со мной приветственно махали мне и говорили:

— И духови твоему, отец диакон!

Быть диаконом в соборе, пусть даже и временно, непросто. Я ещё не умел управляться с голосом и возглашал ектении тенором, хотя отец Виталий уверял, что у меня баритон. В большом соборе акустика была скверной (хотя отцу Сергию она была абсолютно нипочём, и его «Утверди, Боже» всегда звучало настолько мощно, что заполняло даже укромные уголки пономарки и притвора), но я заметил, что настоятель для произнесения проповеди становится у самых Царских врат, и его всегда было хорошо слышно. Я стал повторять его приём, и (о чудо!) мой голос перестал теряться под величественными сводами. Теперь его слышали как прихожане, так и клирос.

Пока шёл «сорокоуст», так называемая ставленническая практика, я старался как следует запомнить всё то, что знали и умели старшие диакона, надеясь прибыть на место, определённое мне архиереем, хорошо подготовленным.

Урожай

Один человек был самый настоящий агроном. И задумал он как-то раз собрать урожай пшеницы. Чтоб хлеб был на столе. Да не какой-нибудь, а свой собственный. Без этих ваших генных модификаций, будь они неладны. Для этой цели он выбрал большой участок земли. Вспахал его, как водится. И засеял чертополохом.

Сеял как следует: раза на три. Вдоль и поперёк. Потом ещё наискосок. Пугало установил настолько страшное, что сам боялся лишней раз появляться на поле. Впрочем, чертополох рос отменно. Не на страх, а на совесть старался. Рос густо, словно вьетнамские джунгли.

Наступила осень. Пора было и урожай собирать, ведь хлеб на столе сам собой не появится. Помолясь, агроном-человек поехал на комбайне за пшеницей. Глядь на поле — а там вместо тяжёлых колосьев, налившихся золотом... чертополох... почему-то. Вылез из комбайна человек, обошёл ниву дважды, стараясь не смотреть на пугало. Всё равно чертополох.

— Господи, ведь я же хотел, чтоб пшеница выросла! Даже молитвы читал специальные. Как же так? — крикнул он, почтительно глядя на облака.

Ответа не было. Долго, до самого вечера думал человек, почему у него вместо пшеницы вырос чертополох.

— Смиряет меня Господь! — догадался он. — Крест, видимо, такой у меня — остаться без урожая. Вон на соседних полях — сплошь угобзилось как надо, хотя их владельцы и безбожники. Не было, значит, Божьей воли на то, чтоб я хлебушка поел своего.

И, облегчённо вздохнув, сел в комбайн и поехал домой.

Прокопьевск

Диаконом, оказалось, служить очень здорово. Тем более что меня послали служить в Прокопьевск. Шахтёрский город, где на площади немногим меньшей, чем в Кемерове, проживало двести сорок тысяч населения. На этом учёба моей супруги (жён духовенства в народе принято звать матушками) автоматически закончилась, к сожалению. Разыскивать место в общежитии и оканчивать третий курс Кемеровской медакадемии (оставался месяц) она не стала и уехала за мной.

Итак, в Прокопьевске я служил в храме у благочинного, от которого узнал, что диакон должен быть в курсе всего: почему хор спел не тот прокимен, почему опоздал на службу отец Борис, где в данный момент находится выходной священник, почему идёт дождь — и многого другого. Это тонизировало не хуже женьшеня с гуараной вкупе. Я понял, что функция диакона намного обширнее, чем возглашение ектений на службе.

Внезапно оказалось, что на клиросе некому петь на буднях. В течение месяца, кроме субботних вечеров и воскресных литургий, я пел и читал, на ходу постигая, так сказать, внеалтарную сторону Устава.

Прокопчане (верующие и неверующие) оказались простыми, сердечными и отзывчивыми людьми, что меня очень радовало все последующие шесть с половиной лет, а с настоятелем и благочинным отцом Владимиром Колесниковым, оказавшимся одного с моей мамой возраста, служить и общаться было интересно и легко. Ещё юношей он выразил желание учиться в семинарии, за что был отправлен в психиатрическую клинику. Однако, несмотря на предполагаемый позор, который должен был отбить всякую охоту идти в попы,

выпускник сельскохозяйственного института своего желания так и не оставил. Его лексикон был чист от любых жаргонных выражений, а самое страшное ругательство, которое он позволял себе произнести в чей-то адрес, было «дубина». Правда, чтобы заслужить это слово, нужно было постараться совершить что-то совсем уж вредное и феерически глупое. Он не только давал наставления по службе, но и рассказывал много о малоизвестных мне на тот момент сторонах пастырской и приходской практики.

Также отец Владимир брал меня с собой, куда бы ни ездил по приходским делам: в администрацию, в налоговую инспекцию, на подсобное хозяйство, обеспечивающее храмовую трапезную продуктами, а бездомных — работой и жильём, в учебные заведения, в детские приюты, в дом престарелых, в храмы благочиния, на предприятия города, да вообще по всему Прокопьевску, а я старался из всего извлекать пользу для ума и, сколько можно, для души.

Полтора года я нёс диаконское служение, а затем, когда четвёртый священник уехал в другую епархию, меня хиротонисали в сан пресвитера (для обезгреченного слуха это слово непонятно: не то просвирня, не то свитер).

Первая же исповедь, на которую я вышел двадцатитрёхлетним юнцом, показала, что практически никто из постоянных прихожанок-бабушек не читает молитвенного правила ко Причастию. То есть вместо положенных четырёх канонов и молитв они, как сговорившись, прочитывали одну молитву «Отче наш». Об утреннем и вечернем правиле речь вообще не шла.

— Чего выдумываете тут? — возмущались они. — Уж сколько лет сюда ходим, а ни разу ни от кого не слышали ничего подобного!

Зайдя в алтарь, я попросил у других священников поддержки, а конкретно, чтоб и они справлялись во время исповеди о молитвенном правиле. Надо сказать, каждый из них был немало удивлён, поскольку на дежурный вопрос «Ко причастию готовились?» всегда получал утвердительный ответ.

— Так мне тоже так отвечали, а я возьми, да и уточни: как именно, мол, готовились? Ну, вот и результат, — смущённо сообщил я, ощущая себя эдаким Павликом Морозовым.

Я окунулся с головой в священнослужение совершенно нового для меня характера. Плюс к самостоятельному совершению служб я крестил, отпевал, освящал квартиры, школы, детсады, проводил беседы и лекции со школьниками и студентами. Помню, отец Игорь Рыжков начал вести свой собственный поминальник, куда стал записывать имена всех, кого он окрестил. Такой подвиг показался мне не по плечу, и я только держал в уме цифры. Но когда количество совершённых мною таинств Крещения перевалило за пять тысяч, я сбился со счёта и оставил это занятие.

Я общался с очень многими людьми, впитывая всё это богатство разнообразия душ и сердец, стараясь научиться от каждого хоть чему-нибудь. Особенно дороги исповеди. Думается мне, что внимательный священник, будь он даже не семи пядей во лбу, уже богат вот этим самым опытом. опытом тысяч человек, а в некоторых случаях — десятков тысяч. Это ли не богатство?

Помимо прямых священнических обязанностей я писал квартальные и годовые отчеты в епархиальное управление, собирая информацию по всем храмам (компьютер с выходом в интернет был малодоступной роскошью для сельских и небольших городских приходов), и это было интересно, так как подразумевало общение со всеми настоятелями. Ежемесячно я выпускал приходскую газету и вёл православную страничку в городской газете. Подготовка и компоновка материалов, оформление, подборка иллюстраций и фотографий, предварительная вёрстка — всё это отнимало уйму времени, но было чрезвычайно интересным досугом.

Многое связывает меня с Прокопьевском, в том числе и рождение двоих сыновей и дочери. А покинул я этот замечательный город, расстроив своего викарного архиерея. Я должен был выпустить в срок «Иоанно-Предтеченский вестник», страничку «Дорога к храму» и номер молодежной газеты «Встреча». Все материалы были готовы, но я переусердствовал с ночной работой на компьютере. Проснулся утром — а глаз открыть не могу из-за головной боли. Стоять, сидеть не могу: позвоночник не позволяет. Пока «Скорая помощь» везла меня в больницу, каждая неровность дороги отзывалась в спинном мозгу долотом, сверлом, зубилом и всем, чем угодно. Выписали потом меня на амбулаторное

лечение: мол, сиди дома ещё неделю, пей таблетки, уколы делай, к компьютеру близко пока не подходи.

А тут владыка вернулся из поездки с Патриархом, а газет нет. Где отец Сергей? Дома сидит, лечится. Видимо, решил викарий, что симулянтский поп от работы отлынивает (да и сам бы так подумал сгоряча), осерчал, что в его отсутствие дело не делается, да и привёз мне на следующий день от правящего архиерея, владыки Софрония, указ о переводе в Междуреченск. А чтоб порядок был в бумагах, пришлось мне после вручения указа прошение писать о переводе, мол, очень хочу послужить там, где родители мои живут.

Но попадьё мою едва хватило на год пребывания в климате предгорья Саян. Неполно смыкавшийся её сердечный клапан, реагируя на скачки атмосферного давления, давал о себе знать практически ежедневно.

«Эдак и овдовеет недолго», — испугался я и решился попроситься у нового архиерея, владыки Аристарха, в Кемерово. Ходатайствовали за меня настоятель Никольского храма и благочинный, хотя и не хотели почему-то меня отпускать. Владыка, хотя и не любил, когда священники с места на место бегают, всё же разрешил перевод в порядке исключения. Так я попал в сестричество к своему давнему другу, отцу Геннадию Князеву, и стал больничным попом. Но об этом чуть позже.

Беспокойство

Под окнами многоэтажных домов на пустыре стоял небольшой храм. Кому-то он был нужен, кому-то нет. Всё, как всегда. Колоколов храм не имел, и потому особых проблем никому не доставлял. До тех пор, пока рядом с храмом, ближе к проспекту, не разрыли большой котлован.

Вид пустыря моментально преобразился. После каждого дождя там появлялись лужи и оказывалось много грязи. Ни взглянуть, ни прогуляться. Этим дело, конечно же, не кончилось, рядом с котлованом ежедневно стали появляться люди, похожие на строителей, а потом и вовсе привезли сваи. Которые начали забивать прямо в землю. На глазах у всех жителей многоэтажных домов. Торчали сваи очень некрасиво, даже оскорбительно. И ещё этот звук:

— Бум! Бум!

С утра до вечера только и было слышно:

— Бум! Бум!

— Большой, видать, храм тут будет, — сказал кто-то из знающих людей.

Всё бы ничего, да жалко было маленьких детей, которым этот грохот за окном не давал спать после обеда. Да и взрослый человек после ночной смены тоже должен иметь право на сон. Посовещались жильцы, да и вышли с плакатами к стройке, мол, нет строительству храма под нашими окнами!

Прихожане же, опустив головы, молча проходили мимо, спеша на службу. Настоятель и вовсе носу не показывал из алтаря. Только два юных пономаря в коротких стихарях стояли, разинув рты, и глазели на митинг протеста.

Приехала съёмочная группа городского телеканала, снимали, взяли интервью. Мэр ел свой хлеб не зря. Не успело уехать телевидение, как он уже подъехал к стройплощадке. Спустя две минуты он уже стоял перед камерами и рассказывал, что торговый центр, который будет готов буквально к следующему лету, обеспечит не менее сотни рабочих мест, а удобная парковка рядом с ним позволит приезжать за покупками прямо на личных автомобилях. Как в больших городах.

— А, так это не церковь тут строят! — сказали люди и разошлись по квартирам.

Иван Купала

Был праздник Рождества Иоанна Предтечи, и я, диакон, после литургии пригласил в гости отца Александра для совместного распития пива. Когда я это пиво покупал в дворовом магазинчике, там, на стульчике возле холодильника с мороженым, спал покупатель. Когда я озвучил продавщице свою просьбу, мужчина открыл один глаз и сказал мне, одетому в гражданское:

— А вам же нельзя пиво пить.

Лицо продавщицы выражало полное согласие с ним. Пока я подбирал очень остроумные слова, покупатель добавил:

— И жениться вам тоже нельзя.

После чего закрыл глаз и снова уснул. С обвиняющим взглядом продавщица выдала мне моё пиво, и я, съёжившись, выскользнул на свежий воздух.

Надо сказать, что пиво быстро закончилось в силу его прохлады и уличной жары, проникающей в церковную квартиру, расположенную через дорогу от храма. Тогда отец Александр решил, что мы купим ещё пива, но магазинчик на этот раз будет возле его дома и увлекательную возвышенно-богословскую беседу мы продолжим у него в гостях.

Трезвым уверенным шагом, излучая спокойствие, безмятежность и уверенность, мы двигались по мостику через лог в сторону шестого микрорайона, когда нам повстречались дети. Дети наставили на нас брызгалки, чтобы облить водой во славу солнечного лета, детства, чумазных лиц, бантиков, фантиков и уж точно вряд ли во славу никогда не существовавшего божества Купалы. Слово «Купала», являясь устаревшим синонимом слову «Креститель», обозначало именно Предтечу Христова Иоанна, но об этом мало кто знал.

— Нас обливать нельзя, — строго произнёс мой старший товарищ.

— Почему? — удивилась девчушка лет шести.

— Потому что мы священники, — объяснил он.

— А тогда почему вы пьяные? — резонно спросила девочка. Остальные дети лишь смотрели молча. Мне сильно хотелось провалиться под мостик и добираться в гости под лопухами и кустиками облепихи.

— Потому что у нас сегодня праздник, — терпеливо разъяснил отец Александр.

— У нас тоже праздник! — обрадованно выпалила кроха и снова наставила на нас брызгалку. Остальные, всё так же безмолвно, повторили её жест.

— Наш праздник православный, а этот — языческий! — назидательно сказал батюшка.

Что значит «языческий», девчушка не знала, но звучало это слово как-то не очень. Высунув язык, она опасливо скосила на него глаза и дала нам пройти.

Бодрым поспешным шагом мы миновали опасность. С того дня я уяснил себе, что, употребив спиртное даже в самых малых количествах, лучше из дома никуда не выходить.

Впоследствии я стеснялся находиться на улице в рясе в том случае, если я направляюсь к ресторану (как это было в случае архиерейского обеда по случаю престольного праздника) или к кинотеатру (когда был закрыт просмотр кинофильма «Поп»). Те люди, которым не посчастливилось в тот день оказаться у кинотеатра «Космос», с превеликим изумлением наблюдали, как две сотни бородатых попов деловито направляются на киносеанс. Ну ладно бы еще на афишах был «Поп». Но показ был закрытым, и афиши зазывали на ужастики, триллеры и прочее кино для взрослых. Люди останавливались, смотрели на нас, на «Космос» и пытались угадать, какой из фильмов вызвал сей поповский ажиотаж.

Каюсь: на просмотр я пошёл в джинсах и пиджаке и был единственным, кто сидел в кинозале с колой и карамельным попкорном. На недоумённые взгляды собратьев я отвечал, что попам положен поп-корм, а общепринятые правила киноприличия непременно обязывают пить колу через трубочку. Потом я специально заходил туда за сладким попкорном, так как у них он получался отменным.

Поп всегда на виду. Порой даже сплунуть на безлюдной улице боишься, понимая, что именно в этот момент хотя бы один человек смотрит сейчас в окно, видит тебя и узнаёт в лицо. Именно в этот момент для него всё, ради чего потрудился апостол Павел, к сожалению, может оказаться перечёркнутым всего лишь одним неловким движением священнослужителя.

Игольные уши

«Господи, покажи мне игольные уши! Неужто они настолько узки, что мне, не обременённому богатством, будет сложно пройти сквозь них в обещанную обитель мира, в селения безопасные и в покоища блаженные?» — так молился я.

И вот под ногами моими безлюдное побережье. Слева и справа зыбкими стенами, словно два гигантских аквариума, колыхалось разделённое море, едва удерживаемое жутким ветром. Он совершенно обнажил вязкое дно, полное камней и каких-то обломков.

Мои волосы растрепались, на зубах скрипел песок, сердце гулко стучало, отзываясь в висках.

«Пройди же!» — приглашало море.

Проход был достаточно широким, но тысячи тонн воды нависали так высоко, что, казалось, ступи я в него, и неизбежно задену натянувшуюся, как кожу, поверхность пучины. И тогда, я точно это знал, тогда невидимая завеса будет прорвана, и я погибну в тот же миг. Нет, не утону, меня просто раздавит в кашу, вода сомнёт мои кости и превратит в кровавую суспензию. Но это лишь на секунду, потому что воды во мне намного больше, чем кажется. А прах (ведь я прах) в следующий миг разнесётся на сотни километров вокруг. Ещё один миг — и от меня не останется ничего.

«Пройди же!» — нетерпеливо взывал ветер.

Он устал удерживать для меня этот проход. Я вгляделся вперёд в надежде увидеть дворы Господни, но холодные стены сходились в единую точку прямой линейной перспективой.

Как же пройду я, если и цель не видна мне? Кто будет со мною в пути этом? Как же дерзну войти я в дом Отца моего?

«Пройди же!» — сказал мой Господь.

И вот я стоял у игольных ушей, жизнью богатый настолько, что втиснуться в эти врата всё не мог. Стоял и смотрел на великие волны, что вздыбились хищно, — и Бога не видел. Я с трепетом слушал дыхание хриплого ветра — и Бога не слышал. Ощупывал тело своё в лихорадке, страшась обнаружить доспех фараонов.

Стоял недвижимо.

Секунды и годы.

И двинуться с места не смел, одержимый богатством и страхом.

Как я был угрозой своему Отечеству

— Отец Сергей, на тебя тут казаки жалобу написали, — сообщил мне благочинный, стоило мне войти в храм перед вечерней службой.

Мой вид выражал полнейшее недоумение, так как с прокопьевскими казаками (да и вообще с казаками) я не пересекался. Тогда отец Владимир пояснил, что днём раньше, на экстренном собрании в числе пятидесяти человек, они во главе со своим атаманом постановили, что иерей Сергей Адодин представляет собой угрозу России и Православию. Официальную бумагу с печатью они собирались повезти владыке Софронию и, на моё счастье, уведомили благочинного. Тот в свою очередь сказал им, что бумага в обход благочинного ставит его самого в рискованное положение человека, не контролирующего текущее положение дел. Так я остался с крестом на шее.

— Пишут, что ты учишь в армии не служить и Родину не защищать, — сказал отец Владимир.

— Да вы сами-то в это верите? — спросил я.

— Нет, не верю, — ответил он, — поэтому я назначил очную ставку.

Днём раньше я служил воскресную литургию в одном посёлке вместо уехавшего на сессию настоятеля. Отвозил-привозил меня один казак — духовное чадо батюшки. День был особенный: США снова ввели свои войска в Ирак, и я посвятил время проповеди призывам молиться за мирное население, которое пострадает в этой войне, а также затронул иеговистов, которые учат своих последователей не служить в армии и не защищать свою страну в случае войны. Призвал воспитывать своих детей в православной вере и любить своё Отечество. После литургии меня и пономаря, которого отец Владимир отправил вместе со мной, покормили в трапезной.

— Молодой человек, — обратился к пономарю Вадиму казак, — а вы служили?

Тот смутился. Будучи инвалидом с детства по бронхиальной астме, он всегда стеснялся об этом говорить, а тут предстояло объяснять причины, по которым он не служил в рядах Российской армии. Комплекция у него была такая, что слово «инвалид» подходило к нему почти также, как к Бывалому из «Операции "Ы"». В общем, я решил не становиться свидетелем унижения Вадима и попытался разрядить обстановку:

— Скажи, что ты в армии никого не знаешь, потому и решил не ходить.

Вадим был счастлив, а казак нет. Потому что повариха, услышав про армию, принялась бранить казака, президента, армию и всех, кто имеет к ней отношение. У неё в армии убили сына. Не враги на границе, не диверсанты. Убил офицер, его командир. А руководство воинской части это убийство покрыло.

Разгорелся большой скандал, где казак отрицал наличие в армии каких бы то ни было неуставных отношений, а тем паче убийств, а несчастная женщина была близка к тому, чтобы дать ему по голове черпаком. Я понял, что разрядить обстановку мне не удалось, и вмешался, заявив, что не стоит рассказывать про то, что дедовщины в армии нет, в присутствии попа, который не раз отпевал молодых ребят, убитых сослуживцами и командирами.

— Служить в армии надо, но проблема дедовщины есть, и её надо решать, чтобы матери не боялись отдавать своих сыновей, — сказал я, как мне тогда показалось, вполне мудро. Казак согласился со мной и в тот же день явился инициатором созыва срочного сбора всех казаков города.

На очной ставке кроме того казака присутствовал и атаман, который вёл себя агрессивно и то и дело затыкал мне рот. Поначалу мне вменялась в вину измена Родине, а уже в конце лишь неудачная шутка про армию, в которой Вадим никого не знал. Смирение, к сожалению, никогда не было моей отличительной чертой, зато вспыльчивости во мне полно, как пороха в патроне. Здравый смысл и инстинкт самосохранения? Нет, не слышал. Быть добрым и безмятежным, словно лотос, качающийся на глади пруда? Мне более свойственно быть очень противным и вредным. Вообще непонятно, как терпят меня близкие. Призвав на помощь доставшиеся мне от бабушки ехидство и яд, формально оставаясь вежливым и корректным, я довёл казака до истерики, а атамана — до угроз убийства. Понятно дело, поправ при этом все свои понятия об уважении к старшим.

Отец Владимир, будучи не в силах с самого начала сдерживать улыбку, махом перестал веселиться, тут же остановил наше небольшое собрание и открытым текстом дал атаману понять, что он наговорил на целое уголовное дело для прокуратуры. Тот стал заверять, что его слова о предполагаемой лёгкости моего убийства казаками нужно расценивать не в буквальном смысле, но образно. Возник благоприятный момент для того, чтобы объявить мировую. На том и сошлись. Стало ли это для меня уроком? Нет, к сожалению. Всё также говорю то, что думаю. Ну разве что стараюсь яснее выразаться во избежание кривотолков.

Злой рок

Был зимний день, смеркалось рано. Автомобиль вёз по улицам города двоих — водителя и священника с остывающим после отпевания кадилом. Чтобы разорвать затянувшееся молчание, водитель слегка кашлянул и сказал:

— Уже двое умерли за последний год из нашей родни. Бабушка сначала, а теперь вот и дедушка. Люди говорят, надо третьего покойника ждать. Что скажете, батюшка?

— Да и не только третьего, — задумчиво изрёк священник.

Водитель поперхнулся и в ужасе посмотрел на собеседника. Тот продолжал загадочно смотреть куда-то вдаль. Казалось, он прислушивался к неизведанным высотам, которые прямо в эту минуту вещали ему о неотвратимой злой судьбе несчастных людей, которых ему довелось посетить.

— И четвёртого, — добавил он к ужасу водителя, который ощутил, как мокнет его спина, — и пятого.

«Кто же будут остальные трое? А не бросить ли руль прямо сейчас? Чтоб сразу и наверняка», — мелькнула шальная мысль.

Священник повернул голову, в его холодных глазах тускло отразился мертвенный свет придорожных фонарей:

— Вечно ведь жить никто из нас не будет. Все мы рано или поздно умрём.

Как потом часто рассказывал водитель, большего облегчения за всю свою жизнь он никогда не испытывал.

Школьники

Была у меня в Прокопьевске как-то встреча с девятиклассниками из школы неподалёку. Они поглазели на молодого попа, перестали опасаться, а поскольку я решительно удалил

их классную руководительницу за пределы помещения воскресной школы, беседа протекала непринуждённо.

— Есть ли оправдание воровству, кто как думает? — поинтересовался я.

Класс зашумел, как знатоки на передаче «Что? Где? Когда?». Затем одна девочка сказала:

— Ну вот, к примеру, если деньги срочно нужны на операцию маме, а у неё болезнь смертельная.

— Вот приходишь ты из школы домой, — сказал я, — видишь, что дверь открыта, в квартире всё вверх дном, деньги украдены, мамины драгоценности тоже, телевизор, компьютер, музыкальный центр, одежда вынесены кем-то в неизвестном направлении. Войдя в свою комнату, ты понимаешь, что и в твоих шкафах рылись, и в письменном столе, чего-то своего ты также недосчиталась, личного дневника например... А на столе записка: мол, не обессудьте, я маме на операцию. Что скажешь?

Девочка замялась:

— Что-то мне это как-то не очень нравится... Почему он не пришёл и не попросил так?

— И ты бы вору отдала ровно столько, сколько он взял? Или дала бы ему сто рублей? — продолжал я.

В ответ было всеобщее напряжённое молчание.

— Думаю, стоит повторить вопрос, — предложил я. — Есть ли оправдание воровству?

На этот раз я услышал всеобщее:

— Нет!

Поговорив о том, что такое хорошо и что такое плохо, выяснив в процессе обсуждения, кто может быть мерилом этих понятий, мы стали касаться тем, которые задавали ребята. Порой они спорили друг с другом и горячились. Уже в конце нашей встречи они поинтересовались моим, православного попа, личным отношением к современной музыке. Поговорили и о ней.

— А Земфира? — спросил кто-то из девятиклассников.

Земфире я решительно предпочитал Ингви Мальмстина и Дэвида Боуи и слушал её лишь вынужденно — в маршрутках и автомобилях, но счёл необходимым отнестись к вопросу серьёзно:

— Знаете, что любопытно? Вот она поёт:

*А у тебя СПИД,
И значит, мы умрём.*

Не «иди-ка ты куда подальше», а «умрём». Лично я вижу в этих строчках готовность разделить судьбу с любимым человеком. Вспомните жён декабристов. Все испытания, включая смерть, лишь бы жизнь была совместной. А вместе и боль легче переносить. Слушайте внимательно, что утверждает тот или иной певец, и рассуждайте, прав он или заблуждается.

Об обидах

Жил-был один человек. Хороший, но обидчивый. Однако он знал, что держать обиду на ближнего не полезно для здоровья. Да и батюшка на воскресной проповеди не раз говорил, что это вовсе грех, призывая всех прощать друг друга.

Человек крепко задумался. Плохим христианином ему быть не хотелось.

Общаться с обидчиками — тоже.

Большого труда стоило ему преодолеть неприязнь к тем, кто его обманывал, предавал, не уважал... В результате он таки научился скрывать раздражение, возникавшее всякий раз, когда приходилось сталкиваться с обидчиками. Он даже ставил в церкви свечи за их здоровье и молился об их вразумлении. Только ему по-прежнему не хотелось с ними общаться. Поэтому он избегал каждого, кого только мог, из их числа.

Говорил так: «Я простил согрешивших предо мной. Но ведь не обязан же я улыбаться им, приводить их в свой дом, общаться с ними? Некоторых я и вовсе видеть не хочу».

Дома же, обращаясь к Отцу Небесному, молился так:

— ...И прощай мне так же, как и я прощаю своих должников...

Пришло время, и человек умер, отравившись рыбными консервами. Ангелы отнесли его душу к Богу. Стоя перед Престолом Божиим, он трепетал перед Тем, Кто пролил за него Свою кровь на Кресте. Все молитвы, выученные наизусть, от волнения забылись.

Кроме одной.

Её-то человек и повторял про себя:

— Отче наш, Сущий на небесах...

Когда же ангелы зачитали список его поступков, несчастный ужаснулся чудовищному количеству своих грехов.

— Господи, прости меня! — вырвалось у него.

Господь же сказал:

— Прощаю и освобождаю тебя от всех грехов твоих. Но видеть тебя Я не хочу.

Свидетели Иеговы

Они часто ходят по улицам и квартирам, звонят по телефону, представляются сотрудниками социологической службы, предлагают к прочтению журналы «Сторожевая башня», «Пробудись!» и другие печатные издания.

Думаю, каждый человек сталкивался с ними хотя бы однажды. Сам я имел неоднократный опыт бесед с этими людьми, но конструктивного диалога никогда, к сожалению, не получалось в силу моего характера. Всякий раз меня не покидало стойкое ощущение того, что оппонент не слушает моих аргументов. Именно не слушает, не реагирует на них, а просто переходит к следующему пункту заранее спланированной бомбардировки вопросами. Когда спор ведётся без взаимной цели поиска истины, продуктивность такой беседы бывает только нулевой.

Одна из первых моих встреч со свидетелями Иеговы была, наверное, курьёзной. Мне, студенту-медику, было восемнадцать. Вместе с моим другом Василием мы снимали комнату гостиничного типа в семейном общежитии. Шла прекрасная пора летних каникул, но к родителям я не уезжал, поскольку работал в больнице. Придя домой после утренней смены, я валялся на кровати и слушал любимую музыку. Настроение у меня было прекрасное, поэтому, когда я, открыв дверь на звонок, обнаружил в коридоре двух проповедниц, то решил пообщаться с ними.

Женщинам было лет под пятьдесят или около того. Одна из них быстро окинула взглядом открывшуюся обстановку моего жилища. Представьте себе, вся небольшая прихожая была полностью увешана плакатами различных рок-музыкантов, причём большинство из них — в татуировках и пирсинге. Залихватское звучание магнитофонных колонок как нельзя лучше дополняло впечатление. На месте женщин я бы решил, что попал в обитель разврата и наркомании. Меня срочно нужно было спасти — вот что прочитал я на их лицах.

Вступление было недолгим. Созерцанием задней обложки журнала «Сторожевая башня», где на пятнадцати языках мира было написано «Иегова», я не вдохновился. Вернее, мне было интересно, но совсем недолго. Выяснив мою принадлежность к Православию, мои гости перешли в наступление:

— А вот вы знаете, нам одна женщина рассказывала, что один поп прямо в церкви одну бабушку на три буквы послал!

Честно говоря, в тот момент меня так и подмывало спросить, что это за буквы такие, но я сдержался. С большим трудом, правда. Ехидство всегда было моей второй натурой.

— Один поп? Одну бабушку? Одна женщина? — озадачился я, стараясь не улыбаться. Не со зла. Просто в этот самый момент магнитофон воспроизводил песню группы Queen «One Vision»:

— One flash, one goal, one true religion¹, — пел Фредди Меркьюри, к моему удовольствию.

Тогда мои собеседницы предприняли ещё одну попытку:

— А вы знаете, что настоятель Знаменского собора, куда вы, кстати, молиться ходите, в этом году ездил в Иерусалим на наши деньги?

— На ваши деньги? — абсолютно искренне изумился я, почесав затылок.

¹ «Один проблеск, одна цель, одна истинная религия» (англ.).

— Ну, то есть на ваши деньги, — смутились миссионеры.

— На мои деньги? Хм, да-да, припоминаю, в позапрошлом воскресеньи я сто рублей бросил в церковную кружку. Так это на эти деньги он поехал? Да ради Бога, жалко, что ли?

В общем, мы тогда распрощались, а женщинам пришлось вычеркнуть номер моей «гостинки» из своей тетрадки.

Другой случай произошёл через несколько лет на автовокзале. Подсели ко мне две бабушки, спросив, согласен ли я, что в нашем мире много зла и боли, а именно войн, катастроф, нищеты, наркомании, преступности и так далее. Я согласился. Спорить было не с чем. Разговор, как обычно, подошёл к тому, что, по мнению бабушек, имя Бога — Иегова. На это мне пришлось сказать, что я не только это имя знаю, но и много других: Бог Саваоф, Адонаи, Вседержитель, Творец, Всевышний и так далее.

— Это не настоящие имена, а прилагательные, — был ответ.

— Разве? — успел было усомниться я.

— А имя Божье одно, и это имя существительное — Иегова! — строго сказали бабушки.

Тогда я предложил им перевести это слово на русский язык. Обычно на этом месте нормальный разговор прекращался и начиналась ссора, но в этот раз было иначе.

— Иегова — значит, иметь жизнь в Самом Себе! — не растерялись бабушки.

Уважительно посмотрев на собеседниц, я хотел было поговорить о том, чьё имя апостол Павел считает самым главным — Иеговы или Иисуса, но присущий мне «грамматический нацизм», о котором до сих пор не иссякают шутки в интернете, перевесил:

— Так ведь это же глагол!

— Нет, это существительное! — стояли проповедницы на своём.

— Иметь? Ну уж нет, это глагол. Что делать? Иметь, — упрямо ответил я.

И тогда началась ссора. Я апеллировал к словарю Ожегова, а бабушки ругались, постепенно повышая голос, что ни Ожегов, ни моя философия меня не спасут и читать нужно не Ожегова, а Библию.

— Да я и не надеюсь на Ожегова, — защищался я, — но русский-то язык надо знать. Ведь живём-то мы в России.

Это моё занудство привело лишь к тому, что бабушки вышли из себя и громко, завладев вниманием всего зала ожидания, возгласили:

— Не надо нам вашего русского языка! Мы только Библию признаём!

С нарочитой робостью в голосе я поинтересовался, не будут ли мои собеседницы против, если я позову милицию. На этом разговор закончился, и я осознал, что полемист из меня никудышный.

Но кульминацией моего общения со свидетелями Иеговы стала сцена около торгового центра, где мы с двоюродной сестрой сидели на лавочке и уплетали салат из морской капусты с клюквой, только что купленный на развес. Салат был в удобных пластиковых контейнерах, да ещё и с одноразовыми вилками.

Двух пожилых женщин с сумками в руках, направлявшихся к нам, первой заметила сестра:

— Сергей, это случайно не сектанты какие-нибудь?

— Иеговисты, — со знанием дела промычал я с полунабитым ртом.

Тем временем женщины приблизились.

— Здравствуйте, молодые люди! — поприветствовали они нас. — Вы такие красивые, мы хотим вас поздравить с праздником Троицы!

Я перестал жевать и в полном изумлении уставился на них. Дело в том, что вероучение свидетелей Иеговы начисто отвергает Святую Троицу. Их основная проповедь сводится к тому, что Христос — простой человек. Святому Духу они также отказывают в Божественном достоинстве. И вдруг они поздравляют нас с праздником (очень давно прошедшим, кстати) Троицы — днём рождения отвергаемой ими христианской Церкви! Я не знал, что и думать по этому поводу.

Тут слово взяла сестра:

— Женщины, мы вообще-то отдыхаем. Может, вы нас оставите?

— Но молодой семье обязательно нужно знать о Троице! Возьмите, вот, почитайте хороший журнал, — ответили они.

На свет был извлечен журнал «Пробудись!».

— Женщины, — заулыбалась сестра, — мой брат — священник.
— Ну и что! — возразили проповедницы. — Священнику тоже нужно знать про Троицу! Этого я вынести уже не смог. Поперхнувшись клюквой, я указал им вилкой в сторону.
— Ыфымы, афафуффа, офофофэму, афуэфэфэ! — возмущённо сказал я, что должно было означать: «Идите, пожалуйста, по-хорошему, дайте нам поесть».
Женщины, переглянувшись, ушли, оставив меня в полной уверенности, что чревоугодие и гневливость — главные враги желающего преуспеть в сравнительном богословии и сектоведении.

Чудеса

Разные люди по-разному относятся к чудесам. Люди неверующие их попросту не замечают, а, заметив что-либо необъяснимое, стараются придумать ему материальное объяснение. Люди верующие бывают более чуткими, справедливо считая и восход солнца чудом Божиим. Но есть люди, чья вера зависит от чудес. Они выискивают их даже там, где их вовсе нет. Другие же, замечая чудеса, славят Бога, но не удивляются, полагая, что Богу естественно чудотворить. Я отношу себя к последнему типу людей.

Чудеса были в моей жизни всегда. Всего не перечислить. Но одно из них напоминает мне евангельское чудо о статире во рту выловленной апостолом Петром рыбы.

Случилось мне, тогда ещё прокопьевскому диакону, однажды быть в Кемерове на сессии Свято-Тихоновского университета. Был уже последний день, и я собирался домой на последнем рейсе. Расписание междугородних автобусов, вызубренное наизусть, в тот день почему-то позабылось, и я прибыл на автовокзал спустя полтора часа после отправления последнего автобуса. Созерцал информационный стенд, чувствуя себя глупо.

Пребывая в некоей прострации, я проследовал к одной из многочисленных касс, чтобы купить билет на следующий день. Вместо того чтобы встать в конец очереди, я зачем-то подошёл к окошку. Там стояла наша студентка. Она потрясённо смотрела на меня округлившимися глазами. Перед ней стояли два или три человека.

— Э-э-э, привет, — неуверенно сказал я, смущённый такой реакцией на свое появление.

— Батюшка, займите, пожалуйста, десять рублей, — выдохнула она, — мне на билет не хватает.

Выяснилось, что девушка уже на вокзале обнаружила недостачу в своём кошельке. В чужом городе занимать не у кого. Студенты уже все разъехались. Что делать? В общем, она встала в очередь и стала молиться Богу. Мне б такую веру! И когда её очередь была на подходе, появился я.

Чем не чудо? Народу на автовокзале было полным-полно. Я мог бы подойти и к любой другой кассе. Кто-то скажет: совпадение. Мне же думается, что такие совпадения случаются только тогда, когда в ход обыденных событий вмешивается Сам Господь.

Вата и железо

Одному человеку было трудно находиться среди плохих людей. Некоторые из них были злые, некоторые — подлые. Кто-то был хитёр, а кто-то жаден. Иногда попадались и неплохие, но они были глупы, невежливы, необразованны и нечувствительны. Всякий норовил его обидеть, унижить или обмануть. И уж совсем никто не замечал его заслуг, достижений, ума, благородства, богатого внутреннего мира и широты души.

А ведь он никому не мстил, не собирал сплетен, не разглашал чужих тайн. Даже не критиковал никого. Хотя было за что. Ведь все вокруг всё делали неправильно. Словно слепцы без собаки-поводыря, люди ходили по жизни в полном хаосе и постоянно собирали угли на свои головы, умножая грехи.

При встрече с людьми он улыбался, раскланивался и любезно осведомлялся, как они поживают. В ответ он, как и всегда, получал грубости и колкости. Но всё равно прощал всех, понимая, что в Судный День всем им придётся, мягко говоря, нелегко. Каждый день был подобен каторге.

А ночами ему снились кошмары. Как будто он становился одним из них. В одних снах он воровал, в других лгал, в третьих блудил, в четвёртых убивал... Снова и снова. Ночь за

ночью он проживал чужие греховные жизни, просыпаясь под утро в липком поту на залитой слезами подушке.

Однажды он решил не спать, проведя всю ночь в молитве и чтении Псалтири. А наутро, идя на службу, внезапно увидел, как в пустой детской песочнице из ниоткуда появилась чья-то рука. Остолбенев, он смотрел, как рука, прежде чем исчезнуть, вывела пальцем на песке одно-единственное слово: «Гордец».

Весь день прошёл в ожесточённых спорах с самим собой. Одна его половина считала, что увиденное — оптический обман, плод больного воображения. А другая отвергала всякую мысль о душевном нездоровье. Но тогда получалось, что мистическая рука обвиняла его в гордыне. Но разве он гордый? Ведь вся его жизнь — поношение и уничижение, смирение и безмолвие, муки лицезрения чужих грехов.

Ах, если бы не видеть всего этого! Хорошо было Давиду, ведь его грех был пред ним всегда. Всегда перед глазами. Как ладонь, которой можно заслониться от видения чужой грязи. Хотя, может быть, он и гордец. Но этот грех был совсем мал, им своё зоркое око не закроешь. А других грехов не было.

Ночью вместо обычных кошмаров ему привиделся Страшный Суд. Все были там, никто не смог уклониться. Каждый человек восходил на чашу весов для точного замера греховной тяжести. Присмотревшись, человек увидел, что люди выглядели неестественно опухшими, как от укусов пчёл. Но нет. Просто у всех были полные карманы какой-то грязной ваты. Впрочем, она торчала даже из-за пазухи. Ватой была набита и обувь.

— Килограмм! — раз за разом звучал голос ангела, державшего весы.

Судорожно обшарив свою одежду и карманы, человек не обнаружил у себя никакой ваты. Лишь в нагрудном кармане лежал небольшой аккуратный брусок железа.

В следующий миг был взвешен и он.

— Килограмм, — прозвучал бесстрастный голос ангела.

— Как килограмм? — испугался человек.

— Чего больше — ваты или железа? — Этот голос принадлежал Самому Богу и прозвучал в самой глубине человеческого сердца.

— Ваты больше, Господи, — ответил он.

— Что же больше весит: килограмм ваты или килограмм железа? — снова раздалось в сердце.

— Одинаково, Господи, — прошептал человек и проснулся.

Розовая кофточка

Был праздник Всех святых, и я, штатный священник Никольской церкви города Междуреченска, отслужив литургию, отправился в благочиннический храм, чтобы застать окончание престольного праздника. Таким было благословение настоятеля, да и сам я был не прочь пообщаться с собратьями. Народу было битком, даже на балкончике клироса толпились люди — так бывает всегда, когда на приход приезжает архиерей. У владыки в Кемерове есть даже свои «прихожане», которые специально узнают, где он будет служить, и едут на службу именно в этот храм. В пределах города, конечно.

Стоя вместе с остальными священнослужителями на горнем месте, я почувствовал на себе чей-то взгляд. Из храма в алтарь смотрели сотни глаз, но я быстро нашёл нужные. Они принадлежали девушке в розовой кофточке, которая, стоя на клиросном балкончике, искала кого-то в алтаре. Искала и не находила. Девушка была мне незнакома, и я прикинул, кто наверняка не попадает в её поле зрения. Из восьми кандидатов я выбрал одного:

— Отец Евгений, давай местами поменяемся, — прошипел я.

— Ладно, а зачем? — спросил он меня, исполняя мою просьбу.

Девушка наконец увидела его и расслабилась.

— Да вон, — говорю я, выглядывая из-за его плеча, — девушка в розовой кофточке стоит, тебя хотела увидеть.

Отец Евгений смутился:

— Это моя духовная дочь.

— Дочь так дочь, — ответил я.

Через несколько месяцев мне сказали, что отец Евгений снял с себя крест и женился.

— Девушка в розовой кофточке? — спросил я его по телефону.

— Да, отец, в розовой кофточке, — тихо ответил запрещённый в служении отец Евгений.

Он был когда-то женат на дочери уважаемого протоиерея. Вскоре после свадьбы матушка попадая поняла, что её муж, настоятель сельского храма, не способен купить ни автомобиля, ни квартиры, ни норковой шубы и не свозит её летом на море. Тогда она ушла от него, поставив условием своего возвращения к мужу перечисленные мной материальные блага. И молодой священник, которому не было ещё двадцати пяти, жил один.

— Что думаешь делать, бать? — спросил я его когда-то.

— Не знаю, отец. Может быть, когда-нибудь я раздобуду всё это — деньги, шмотки, и она вернётся ко мне, — устало произнёс отец Евгений.

Но чуда не произошло. Доход Казанского храма оставался на положенном ему низком уровне, население посёлка, преимущественно дачного, не увеличилось. Не увеличилось и число прихожан.

Зато в молодого одинокого священника влюбилась юная прихожанка. И ей оказались не нужны ни шубы, ни машины, ни золото, ни шелка. Нашлись те, кто громко сказал своё «фи!», были и те, кто защищал их обоих. Я же призыву своих читателей помолиться за всех участников тех событий и напомним слова апостола Павла: «Кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть».

О смирении

— Смирение — основа духовной жизни, — часто говорил один архимандрит своей братии. — Ежели вас не смирать, не будет толку с вас никакого.

Братия молчала и смирялась, претерпевая многое. Архимандрит был строг. Кого водой холодной обольёт для смирения, кому пинка даст для быстроты выполнения благословения, кого обеда лишит для стройности талии.

Раз приехал в монастырь архиерей со свитой. Послужить на престольный праздник. Вдруг замучила архиерейского протодиакона жажда:

— Батюшка, а где у тебя тут можно водицы испить?

— Обожди, сейчас всё будет, — заверил настоятель и, кликнув проходившего мимо монаха, наказал ему: — Чтоб ровно через пять минут был тут с цистерной воды из родника!

Монах округлил глаза, перекрестился и кинулся со всех ног.

Через четыре с половиной минуты он вернулся с тележкой, в которой стояла фляга с водой. Монах тяжело дышал, его ряса была грязной от падения, а ладони изодраны в кровь. Зачерпнув ковшом, он подал воду своему пастырю, а тот, в свою очередь, предложил её изумлённому протодиакону.

— Брат, прости меня, — поклонился тот в ноги перепуганному монаху, — я не знал, что так будет.

— Да ты чего? — удивился архимандрит. — Я ж смиряю своих чернецов!

— Я читал Библию, и в ней много сказано, как смирать себя. Но о том, чтобы смирать другого, там нет ни слова. И такую воду я пить ни за что не стану, — сказал пожилой протодиакон и пошёл утолять жажду самостоятельно.

Добрый батюшка, злой батюшка

Как-то раз мой друг отец Геннадий за разговором поделился со мной случаем с одной из исповедей. Оговорюсь, что, хотя священники иной раз и делятся друг с другом пастырским опытом, но называть имена или даже косвенно намекать на личность не принято.

Звучит это примерно так:

— Слушай, отец, у меня на днях случай был. Исповедуется одна девушка, помимо прочих грехов кается в аборте. Знаешь, где-то между раздражительностью и сквернословием. Ну, я её и спрашиваю, мол, давно ли был аборт, да знала ли она тогда, что это грех убийства, ходила ли уже в то время в церковь. Смотрю, мнётся, делает вид, что не слышит. Я не отстаю, повторяю вопрос. И что ты думаешь? Оказывается, что аборт она пойдёт делать завтра!

— Да ладно! Как так?

— Да вот так! Я ей говорю: ты что же, родная, делаешь? Кого обмануть-то хотела? Меня-то можно, а Бога ведь не обманешь. Да разве ж это покаяние — перед убийством «прости» говорить? Много с ней тогда разговаривал. И без толку. Куда, говорит, мне второй ребёнок, нищету плодить... Кем, спрашиваю, муж работает?

— Ну, раз речь о нищете, то дьяконом в сельском храме, поди?

— Да нет, начальник отдела продаж где-то там.

— А, ну да...

Но вернёмся к моему другу. Священник он опытный, и я всегда прислушиваюсь к его советам. Однажды к нему на исповедь подошёл «голубой». Сказал, что недавно узнал, что его сексуальная ориентация является серьёзным препятствием на пути к Богу. В Библии он прочитал о Содоме и Гоморре, которые были стёрты с лица земли из-за крайнего развращения их жителей. Впечатлённый, стал читать дальше и наткнулся на прямой Божий запрет мужеложства. Вот и отправился на исповедь, отягощённый думами.

— Я хочу быть православным, хочу исповедоваться, причащаться, молиться в храме вместе со всеми, не чувствуя себя лишним. Но я ничего не могу с собой поделать. От одной только мысли о близости с женщиной я испытываю настоящее отвращение. Я не сплю со всеми подряд, у меня есть постоянный друг, которому я верен. Но завязать с половыми отношениями совсем я не могу. Я же молодой, как мне от этого отказаться? Скажите, пожалуйста, что мне делать?

И тогда батюшка рассудил следующим образом:

— Хорошо, что ты каешься в этом, но сейчас допустить тебя до Причастия я не смогу. Ты сам понимаешь. Духом не падай, будем бороться с этим вместе. Назначу тебе епитимию — определённое молитвенное правило, земные поклоны. Будешь поститься, приходить ко мне на исповедь. Ещё станешь учиться половому воздержанию. Сначала исключи постные и праздничные дни, затем попробуешь выдержать пост многодневный. Я буду за тебя молиться, а ты почаще на исповедь приходи, службы церковные посещай так часто, как сможешь. С Божьей помощью у тебя всё получится.

Молодой человек ушел с исповеди радостным, окрылённый надеждой.

Я был очень впечатлён этой историей и часто пересказывал её другим священникам — вот, дескать, где мудрость.

Прошло несколько лет, и уже в другом городе произошёл другой случай. Молодой священник, которого посвятили в сан совсем недавно, принимал исповедь во время Божественной литургии. После службы он рассказывал, что к нему на исповедь подошёл парень и признался, что он гомосексуалист.

— Я сказал ему, — с гордостью поведал тот батюшка своим братьям, — иди давай отсюда, чтоб я больше тебя здесь не видел! В Церкви нет места извращенцам!

Я был крайне возмущён таким поведением, полагая, что прогнать человека проще всего, а вот принять, выслушать, попытаться помочь — это, видимо, не каждому дано. Около двух месяцев я, вспоминая этот случай, внутренне закипал.

«Да такого попа к исповеди допускать не иначе как через годик-другой, когда созреет!» — думалось мне, якобы зрелому пастырю.

Потом было очередное епархиальное собрание. Доклады, отчёты, налоги, долги... Встретившись с другом, я напомнил ему тот самый случай, о котором он мне некогда рассказывал, а затем поведал о втором. Своё повествование я сопровождал гневными комментариями по поводу грубого и неосмотрительного поведения молодого священника на исповеди.

К величайшему моему удивлению, отец Геннадий не проявил ни малейшего намёка на возмущение. Немного подумав, он сказал:

— А знаешь, отец, может, тот священник и прав. Вот он высказался резко, возможно, даже и грубо, а человек, хотя и обиделся, но зато чётко понял, что Церковь и содомский грех несовместимы. Если он нуждается в Боге, он найдёт в себе силы оставить это и придёт ко Христу.

— Слушай, ну а как же тот, о котором ты мне в тот раз рассказывал? Ведь ты так хорошо всё придумал, договорился с ним обо всём, он согласился, что бороться надо, и всё такое?.. — растерянно спросил я.

Помолчав немного, друг сказал:

— А ты знаешь, ведь он так больше и не пришёл...

Когда глаза подводят

Был солнечный июньский день, где-то около пяти, и я шёл на вечернюю службу. Мой недолгий путь пролегал по асфальтовой дорожке между сосновыми насаждениями, которые плотно окружали ещё недостроенный собор Иоанна Предтечи и крестильный Владимирский храм. Мысли, в беспорядке метавшиеся в голове, постепенно приходили в порядок, настраиваясь на нужный лад.

Впереди, метрах в десяти, шёл немолодой уже мужчина. Покачиваясь время от времени из стороны в сторону, он явно производил впечатление выпившего. Это не было чем-то из ряда вон выходящим, довольно часто люди приходят в церковь «под мухой», переполненные желанием исповедаться. Получив отказ ввиду нетрезвого состояния, такие, как правило, больше в храм не приходили. Как, впрочем, даже если и не получали отказа.

Вскоре я почти догнал этого мужчину и узнал в нём нашего постоянного прихожанина. Мое недоумение было достаточно велико.

«Что ж это он вдруг?» — подумалось мне. Раньше я его пьяным не видал. Мужчина раньше меня достиг церкви и, осенив себя крестным знаменем трижды, предпринял попытку войти внутрь. Предпринял — это значит, что сразу он войти не смог. К большому моему недовольству, его качнуло так сильно, что он устоял на ногах только благодаря тому, что вовремя ухватился за дверную створку. Его развернуло так, что я смог увидеть его тусклые, полузакрытые глаза. Тактично сделав вид, что ничего не заметил, я зашел в ласковую прохладу храма и вскоре уже почти забыл об инциденте, совершая богослужение.

Прошло примерно полгода, и я от кого-то узнал, что осуждённый в моей душе за пьянство прихожанин — сердечник. В тот день у него был небольшой приступ, но это не помешало ему из последних сил пойти в храм молиться. А ещё через два года он умер в кардиологическом отделении.

Странствующий монах

Довелось как-то раз одному инспектору ГИБДД во время патрулирования междугородней трассы остановить подозрительную машину. Впрочем, сам гражданский автомобиль подозрений как будто не вызывал, но вот номера его были эмвэдэшными. А о проезде высоких чинов информации никакой не проходило. Проявив необходимую бдительность, инспектор тотчас взмахнул жезлом. На пассажирском сиденье оказался архиерей. Поскольку водитель правил не нарушал, инспектор очутился в неловком положении.

«Сделаю вид, что хочу задать вопрос духовного характера», — решил инспектор и подошёл к опустившемуся стеклу. Но тут находчивость повернулась к нему спиной, и в голову не пришло ничего лучшего, чем:

— Скажите, а правда, что ад есть?

Архиерей замер, рот открыл от неожиданности, не знает, что и ответить. И тут в заднем окне появляется голова странствующего монаха по имени Иоанн и говорит, усмехаясь сквозь всклокоченную седую бороду:

— Дорогой! Какой ад? Никакого ада давно нет.

На этих словах архиерей ещё больше растерялся. А монах продолжал, к его вящему ужасу:

— Всю смолу из котлов на дороги вылили, а бесов выгнали всех, вручили им палочки и отправили патрулировать улицы!

Инспектор побледнел и на время потерял дар речи. Отпустил гадкую машину и навсегда зарёкся иметь дело с архиереями и монахами.

Жития святых

— Вы знаете, батюшка, а ведь я на вас целый год обижалась, — сказала мне бабушка-прихожанка.

— Да? А за что? — поинтересовался я, удивившись. Всегда полезно знать, чем ты опечалил человека, чтобы, если ты был неправ, исправить свои недостатки.

— Ну, вы как-то на проповеди сказали, что жития святых не надо читать. Я поначалу долго обижалась, а теперь поняла, что обижаться грех, — смиренно ответила она.

Я впал в ступор на несколько мгновений, которые потребовались мне, чтоб вспомнить содержание своей проповеди годичной давности.

— Да вы что, я же не так говорил. Вспомните, сперва я сказал, что православные порой ленятся читать Библию, творения Святых Отцов, того же Иоанна Златоуста взять или Симеона Нового Богослова, не читают ничего о церковных догматах, но зато с увлечением изучают различные пророчества, одно страшней другого. Всем подавай новых старцев, а чтение непременно должно быть остросюжетным, увлекающим ум в сторону бесовских козней, масонских заговоров, антихриста с шестёрками в штрихкодах. А кто прочитал хотя бы катехизис святителя Филарета? И тогда я, вспомните, сказал, что даже жития святых читают лишь из-за того, что там наличествует художественное изложение и некоторая острота сюжета. А то бы и этого не читали.

Бабушка выслушала мою тираду и, немного подумав, согласилась, что она отвлеклась во время проповеди и не так меня поняла. Я же почерпнул для себя великую пользу. Одно неловкое слово, одно перегруженное витиеватостями предложение — и можно неосознанно нанести вред человеку. Ведь от слов своих оправдаемся, от слов и осудимся.

Куча золота

Сорок лет подвизался в монастырских стенах один человек. Много страстей поборол он в себе с помощью Божьей. Наконец, стяжав в сердце своём мир, позабыл вовсе о гневе и гордости. Радость пасхальная в его душе затмевала любые невзгоды.

И вот однажды, во время починки рыбацких сетей, узрел он ясно печаль молодого послушника, не так давно приехавшего в обитель. Юноша, обиженный на свою мать, направлялся к нему в келью, чтобы разрешить свои терзания.

— Ответь мне, чадо, — спросил его авва, упредив вопрос — вот если бы кто дал тебе злата пудов эдак пять или шесть, хорошо ли было сие?

— Да уж куда лучше-то? — отвечало чадо.

— Был бы ты доволен? — продолжал монах.

— А то как же? А один пуд — это шестнадцать килограммов или тридцать два? Так, если тридцать умножить на шесть, то получается...

— Получается предостаточно, — заверил старец.

— Э-э-э, ну да. На всю жизнь хватило бы, — задумался послушник.

— Был бы ты благодарен дарителю? — не прекращая чинить сети, вёл беседу седовласый подвижник.

— Ну ещё бы! Столько золота! — размечтался парень, почесав редкую бородку.

— А если бы потом от того благодетеля ты за всю жизнь ничего не получил бы? Обижался бы? — испытующе глянул геронда из-под косматых бровей.

— А чего обижаться? — удивился юный искатель премудрости. — Да при такой куче золота я бы согласился всю жизнь терпеть от него оскорбления, упреки и унижения! Сто девяносто два килограмма!

— Ну вот тебе и ответ на твой вопрос! — обрадовался хозяин кельи.

— На какой вопрос? — озадачился гость, — Я про мать хотел спросить. Она мне во всю жизнь ни любви не дала, ни внимания. Одни упреки только да требования. То не так, это не так. Сколько можно? Ни ласки, ни понимания.

— Дар жизни не намного ли дороже золота? — уколол палец иголкой, спросил схимник.

— Не давала она мне никакого золота, — озадачился молодой человек, — ни золота, ни внимания. Не любила меня никогда. Читать заставляла, наказывала, а карманных денег я отродясь не видал от матери...

— Она тебе жизнь дала? — остановил его жестом собеседник ангелов.

— Дала. А при чём тут золото? У неё даже сбережений никаких нет. А ещё когда я хотел девочку одну домой привести жить, то моя мать вместо того, чтобы...

— Тьфу! Пошёл вон, болван! — закричал старик и запустил в юношу сетями.

Тот в испуге ретировался из кельи.

Швырнув вслед ему табуретку, которая тяжело стукнулась о захлопнувшуюся дверь, монах опустился на колени перед образом Спасителя, немного помолчал, пытаясь успокоиться, и промолвил виновато:

— Ну вот, теперь всё заново начинать, Господи...

Мир дому сему

Новокузнецк, 1959 год. Вызвали очередного священника в КГБ. А случаи там бывали самые разные. Одному как-то дали расписаться на пустом листке, а уже наутро в газете было напечатана статья об отрёкшемся от Бога священнике. И фотография записки с его подписью. Батюшка в храм — а его приходские старушки не пускают. Уходи, говорят, прочь, отступник. Развёл руками архиерей. Говорит, вот твоё отречение от Бога, собственноручно подписанное, а ты мне тут толкуешь, что ни в чём не виноват. Иди, отец, с Богом, в мир!

А одного молодого диакона было уже так не провести. Ему говорят:

— Распишись-ка здесь.

— Зачем это? — спрашивает.

— Да мы хотим посмотреть, как ты расписываешься, сравнить тут с одним документом, — отвечают ему.

Достал «служитель культа» из кармана дубликат бесценного груза, показывает:

— А вот, у меня в паспорте моя роспись имеется, посмотрите.

Из КГБ можно было выйти стукачом, предателем веры, можно было вообще не своим ходом выйти. Или своим, но совсем не домой. Таких вызовов боялись все.

С тяжёлой душой зашёл батюшка-фронтовик в кабинет, перекрестился:

— Мир дому сему!

В ответ — тишина. Сидят оторопевшие работники госбезопасности, молчат, не знают, что сказать.

Помялся священник с минуту и говорит:

— Ну вот, меня вызвали, а тут никого нет. Пойду я домой.

Перекрестился — и ушёл.

Больше его не вызывали.

Обет

Как-то раз в прокопьевский собор Рождества Иоанна Предтечи пришли три девушки. Судя по всему, им приходилось бывать в храме не чаще, чем на Рождество и на Пасху. Подойдя ко мне, они объяснили, что их начальник попал в больницу и находится в тяжелом состоянии.

— Мы хотим дать обет Богу, — сказала одна из девушек. Остальные согласно закивали.

— Он нам очень дорог, — добавила другая.

— Обет? И как вы себе это представляете? — поинтересовался я. Очень часто люди, употребляя одни и те же слова, при этом говорят на разных языках. Во время каждого разговора желательно убедиться, что собеседник вкладывает в слова такой же смысл, что и ты.

— Ну, мы хотим что-нибудь пообещать Богу в случае, если наш начальник выздоровеет.

— Хорошо. А что вы можете пообещать Богу?

Этот мой вопрос вызвал некоторое замешательство. Потребовалось две-три минуты, чтобы выяснить, что девушки, насмотревшись западных фильмов, полагали, что обет — это что-то вроде ежедневного трехкратного прочтения «Аве Мария».

Тогда я попытался убедить девушек, что обет — это нечто более значимое для человека. Подвиг.

— Важно в ответ на Божью милость ответить благодарностью, а самая лучшая благодарность — это не грешить. Предлагаю дать такой обет: если ваш начальник выздоровеет, никто из вас никогда не сделает аборта. Аборт — это смертный грех. Если решитесь на всю жизнь отказаться от этого греха из благодарности Богу — вот это будет действительно подвиг.

Внутри себя я в тот момент рассуждал, что вряд ли ещё что-то можно предложить Богу, Который не просит от человека никаких других жертв, кроме одной — духовной, говоря: «Сын мой! Отдай сердце твое Мне».

Но моё предложение было встречено всеобщим недоумением, как если бы я предложил им на всю жизнь удалиться в пустыню и стать отшельниками. Не согласились они и на то, чтобы по воскресным дням ходить в церковь, молиться утром и вечером, читать Евангелие, регулярно исповедоваться и причащаться. В общем, на то, что положено и естественно делать каждому православному христианину.

В ту минуту я, должно быть, показался девушкам как минимум Торквемадой — великим инквизитором.

— Ну нет, извините, это нам не подходит, — сказали они и удалились, пребывая в крайнем недовольстве.

Пятый постулат

Один человек имел два высших образования — экономическое и юридическое. Но то было для карьеры, а душа его лежала к математике. Много книг было прочитано, много тетрадей исписано. Кому-то, может быть, покажется необычным, но он любил фрактал Мандельброта и снежинку Коха. Из теоремы о ежике он знал, что как того ёжика ни причёсывай, а хоть одна колючка да останется. Знал и о том, что на отрезках разной длины количество точек одинаковое. Но больше всего он любил Лобачевского с его постоянно отрицательной кривизной плоскости. Вместе с Николаем Ивановичем он считал, что треугольники равны, если углы их равны.

— Длина окружности не пропорциональна радиусу, а растёт быстрее, — порой спорил он за кружкой пива до хрипоты с замшелыми евклидистами.

Те крутили пальцем у виска и рисовали окружности на столешнице мокрыми пальцами, а за число π были готовы драться на шпагах. Правда, шпаг ни у кого не было, двадцать первый век как-никак. Ещё они сильно обижались, когда он называл их мегариками и эристиками, но ведь не стреляться же из-за этого?

Однажды к любителю воображаемой геометрии пришёл в гости племянник, обиженный на попа, который отказался допускать его к Причастию.

— Я ему объясняю, что если с любимой девушкой спать, то это не блуд, а он упёрся и стоит на своём, мол, вне брака не положено, — возмущался парень. — Нас ведь с моей девушкой не дядя Петя какой-то свёл, а что-то свыше!

— Что, жениться тебя заставлял? — заулыбался бунтарь от математики.

— Ну как? Говорит, если хочешь причащаться, либо женись, либо воздерживайся, а у нас не всё так просто же! — пожаловался племянник.

— Ну не причащайся тогда, — предложил дядька, — пока не разберёшься с личной жизнью. Чтоб по-честному.

— Я ему говорю, это что, я типа блудник, что ли? А он, главное, не смутился ничуть, и головой кивает, да, мол. Буквоед! Я лично так понимаю Библию: если без любви — это грех, а если по любви, то никакой не грех это! — вскипал молодой человек. — Вот, дядя, ты должен меня понять, ведь ты сам оспариваешь консервативные положения математики, тот же пятый постулат, к примеру.

Набулькал человек себе ещё пива, отхлебнул и сказал:

— Я же дом себе строю на правом берегу, ты в курсе?

— Конечно, я же сам тебе помогал цемент отвозить, — ответил юноша, не понимая, при чём тут стройка.

Провёл экономист, юрист и любитель математики пальцем по холодной кружке, собрал водяной конденсат и нарисовал пальцем на столешнице домик с трубой:

— Понимаешь, за пивом я могу сколько угодно рассуждать о правоте Лобачевского или даже самого Бернхарда Римана, но вот свой собственный дом я строю и буду строить только согласно евклидовой геометрии. Иначе он рухнет ко всем чертям!

И с размаху стукнул по домику кулаком.

Демократия

В современном обществе считается хорошим тоном утверждать, что демократия является наилучшим политическим режимом. Возьму на себя смелость напомнить общеизвестный факт, что самой первой была демократия афинская. Политологи настаивают, что в ней наличествовал глубокий гуманистический смысл, который заключался в открытости и терпимости к иному мнению.

В общем, демократия — это хорошо, а всякие там монархии и прочие тирании-деспотии — плохо. Все это знают.

Истоки самой афинской демократии восходят к Солону — афинскому же архонту. А уж он, в свою очередь, прежде чем разработать те знаменитые законы, изучал законодательство Эфеса при деревянном храме Артемиды — богини со ста грудями, бывшем центром не только религиозной, но и деловой жизни города. Помнится мне, что когда Герострат предал тот храм огню, его сперва демократично пытали, чтоб выяснить причины оскорбления чувств верующих, затем, согласно единогласному решению всех граждан Эфеса, за тот перфоманс открыто и терпимо казнили.

Ой, забыл сказать. Будучи самым настоящим ретроградом, идею власти народа я никак не поддерживаю и являюсь убеждённым теократом, жаждущим установления над всеми людьми самого что ни на есть крайнего абсолютизма. Без поправок к законодательству и какой-либо полемики.

— Да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя! — произношу я каждый день, обращаясь к Богу.

Казалось бы, при чём тут исповедь?

— Здравствуйте, доктор!

— Здравствуйте. На что жалуетесь?

— На мышей! Они меня всё время объедают и пищат громко по ночам — спать не дают! Житья никакого нет, а тут ещё коммунальные платежи задрали, а подъезд двенадцатый год небеленый стоит. И потолки начинают...

— Так, подождите! Я врач, вы пришли ко мне на приём. Какие мыши с потолками? Давайте по существу.

— Ну так я и говорю...

— Вы что от меня хотите?

— Чтобы вы лечение назначили, лекарство там какое-нибудь, таблетки, уколы.

— Что вас беспокоит? И речь именно о здоровье, а не о глобальном потеплении.

— Ну не знаю, болею я.

— Что конкретно болит?

— Да особо-то и ничего. Я не пью, не курю, уринотерапией занимаюсь всегда.

— Зачем уринотерапией? Что за ерунда?

— И вовсе это не ерунда! Помогает же! Вон, по телевизору говорил этот, как его, язык ещё высывал.

— Ладно, неважно. Если вы здоровы, то для чего вы пришли на приём?

— Почему здоровы? Все болеют же, одни больше, другие меньше. Я ничем не здоровее других.

— Голова болит?

— Нет.

— Руки или ноги?

— Нет.

— Живот, спина, грудь, зубы, глаза, уши?

— Нет.

— Тошнота, затруднённое дыхание, головокружение, слабость?

— Нет, ничего такого.

— Тогда зачем вам я?

— Лекарство дайте.

— Какое?

— Любое.

— Лекарство — для больных. У вас что-то болит?

— Нет. И что, я теперь без лекарства останусь?

- Ну, видимо, так.
- Но другим-то вы прописали лечение.
- Ну так они и болели, у них были жалобы.
- У меня тоже есть жалобы!
- На мышей не считается!
- Что за хамство? Я на вас жаловаться буду! Кто у вас тут главный?
- Заведующая поликлиникой.
- Да вы с ней, поди, повязаны. А кто выше?
- Министр здравоохранения.
- Вот министру и пожалуюсь! Вы больница или кто? Безобразие! А ещё халаты белые надели! Клятву Гиппократы давали! Никакого уважения к людям! До свидания!
- До свидания...

Крестовый поход детей

— Сергеич, — сказал как-то мой друг Денис, — напиши-ка про детский крестовый поход.

— Да об этом кто только не писал, — запротестовал я, перечисляя фамилии, — вон даже японец один потрудились.

Однако этот аргумент Денис решительно отмёл, заметив, что все эти достойные люди не имели чести быть его друзьями. Крыть мне было нечем, тем более что Денис предложил за труд деньги. Сошлись на том, что за повествование любой величины я возьму три миллиона рублей, но не целиком, а небольшими частями по четыре миллиона. Ударили по рукам, и Денис пошёл спасать людей от пульпитов и периодонтитов, а я засучив рукава взялся за работу.

Первым делом я обнаружил, что поход случился давненько — в XIII веке, а видеозапись в те времена велась хоть и в 3D, но по старинке, прямиком на кору головного мозга. Сами носители информации не сохранились, как вы понимаете. Что же до фотографий, те сразу же создавались умелыми мастерами фотошопа в свете их творческой фантазии кистями различных диаметров прямо на конопляных холстах и несли в себе отпечаток внутреннего состояния авторов.

Рассудите сами. Ведь что ни око — то отдельная история. Что ни свидетель или участник событий — сплошь различные кусочки мозаики.

Вот из узкого оконного проёма второго этажа деревянно-каменного здания, украшенного грубым барельефом святого Иакова, выглядывает голорукая служанка лет тридцати. Видя оборванную процессию из детей, подростков, юношей и девушек, она выплёскивает им под ноги содержимое ночного горшка владельца дома. Наслышанная о благочестивых целях их прибытия в Марсель, женщина смотрит вниз со смесью любопытства, восторга и жалости. Святая Земля находится где-то очень далеко за морем, а у юных крестоносцев нет ни одного корабля. Впрочем, поговаривают, что Господь разделит море надвое и проведёт Своё безоружное воинство, как некогда евреев, прямо по сухому дну. Большинство пилигримов не имеют даже деревянных башмаков и бредут по глубокой грязи центральной улицы босиком. Вдохновителя и пророка детского освобождения Гроба Господня от сарацинских орд несут на импровизированных мягких носилках. Его взволнованное лицо как будто списано с иконы его небесного покровителя — архидиакона Стефана, когда того побивали камнями фарисеи. А мальчик-то красавчик... Что ж, пора приступать к уборке спальни.

А вот в толпе зевак, жмущейся к стенам под нависающие эркеры, стоит возмущённый мясник, вытирающий окровавленные руки о грубую холщовую рубаху стоимостью в дойную корову. Его кошелёк, опрометчиво оставленный на поясе, только что срезал какой-то молодчик из числа крестоносцев. А таких воруёг, прибившихся к процессии, было полным-полно. Как и блудниц, продававших своё тело за медную монету сынкам богатых родителей. Те, в свою очередь, примкнули к искателям вечной славы, устав от однообразия орлеанской жизни. Его Святейшество, папа Иннокентий II, узнав о проповеди пастушка Стефана, благословил чудное начинание, провозгласив полную индульгенцию от Господа Иисуса каждому участнику похода.

«Быть может, безоружные дети, несущие Слово Божие, преуспеют там, где потерпели неудачу вооружённые мечами рыцари», — сказал он. Или что-то вроде того. Вот только о воровстве честно заработанных денег у честных марсельских горожан понтифик ничего не говорил. Да чтоб им пусто было, этим детям! Сплюнув от бессильного бешенства на выброшенные в зловонную уличную жижу свиные кишки, мясник удалился в свою лавку, бормоча проклятия.

В своей башенке сидел подеста — пожилой лысеющий мужчина, глава судебной и исполнительной власти свободного Марсея. Глазеть на глупых детей, которые протопали порядка ста семидесяти льё, умирая в дороге сотнями от голода, болезней и насильственной смерти, ему абсолютно не хотелось. Эти дети не имели ни малейшего понятия о том, куда они идут. Многие, видя издали стены очередного города, спрашивали друг друга, не Иерусалим ли это. Больше половины из них даже не знали, что Святая Земля находится далеко за морем! Поначалу пилигримам разрешили остаться в городе на неделю. Но всеобщее недовольство состоятельных горожан заставило подесту изменить прежнее решение.

Теперь у них есть только один день на принятие решения. Здравый смысл говорил, что лучше бы детям вернуться к своим родителям, которых они оставили ради эфемерных идей. А проповеди этого юродивого парнишки и вовсе были опасными, вызывая брожение умов. Нет, пора с этим кончать! Если завтра несчастные пилигримы не уберутся из Марсея, придётся прибегнуть к помощи городской стражи. Отложив перо к дорогой чернильнице из муранского стекла, верховный магистр позвонил в колокольчик, чтобы отдать помощнику соответствующие распоряжения.

А вот заплаканная, рано поседевшая прачка, плетущаяся вслед за поющей псалмы процессией. Её единственный сын Корентин, потрясённый проповедью Стефана, захотел отправиться в этот злополучный поход. Ни уговоры, ни слёзы матери не смогли поколебать его твёрдого решения. Это было проклятие имени! Характер десятилетнего подмастерья-кожевника полностью отражал его имя — ураган. А ведь она отдавала его мастеру почти всё своё жалованье, лелея надежду, что со временем её мальчик сам станет уважаемым мастером. И вот теперь все мечты идут прахом! Вся её жизнь... Что делать? Кому молиться? Что станет с Корентином? В отчаянии заламывая дебелие пальцы, женщина думала о длинном каменном моле, врезавшемся в глубокую, окружённую высокими скалами каланку. Там, в пучине морской, она и окончит свой жизненный путь...

Чуть позже дети, вооружённые самодельными деревянными крестами и верой в свой успех, войдут в море и остановятся лишь тогда, когда мутная от нечистот вода дойдёт им до пояса. Что это? Почему не расступаются воды? До самого вечера, невзирая на насмешки толпы, они будут до хрипоты петь церковные гимны, ожидая чуда, которое так и не произойдёт. Ведь не было с ними Моисея. Не было с ними и благословения Божьего.

А что же Стефан? Разве не был тот монах, назвавшийся Христом и отправивший горевшего верой мальчика в крестовый поход, хотя бы посланником небес? Я, призрачный свидетель свидетелей тех событий, беру на себя смелость утверждать, что имя этой трагедии, забравшей тысячи детских жизней, — Вавилон. Безумная путаница из детской самонадеянности и взрослого равнодушия. Гигантский водоворот, всосавший в себя судьбы детей и их родителей. Не только французских, но и немецких, чью историю я не привожу в своём повествовании. Скажу лишь, что среди многих ужасов, их постигших, был переход через заснеженные Альпы, в котором выжили далеко не все. Ведь не вёл их князь Суворов, генерал-фельдмаршал Священной Римской империи. Не были те дети чудо-богатырями российских сухопутных войск. Непогребённые их тела так и остались лежать в сугробах.

А дальше... Дальше случилось следующее. Два купца, умилившись детским упрямством, предоставили в распоряжение крестоносцев целых семь кораблей. Семь. Благословенное число семи прошений Господней молитвы и книги Откровения Иоанна Богослова. За шесть дней Бог сотворил Вселенную, а седьмой длится до сих пор.

«Не море должно было расступиться перед нами, а человеческие сердца!» — воскликнул юный Стефан. Кружилась ли его голова от бремени славы и безраздельной власти над умами его последователей? Я не знаю. Почти пять тысяч детей отплыли на тех кораблях от облегчённо вздохнувших ответственных властителей морского города, ставшего через семь столетий настоящей Меккой для туристов, дайверов и виндсёрферов

со всех уголков земного шара. Отплыли лишь затем, чтобы привезти детей к карфагенским берегам, где когда-то было принято приносить детей в жертву Ваал-Хаммону — богу Солнца. Принесение невинного ребёнка в жертву искупления считалось в тех краях величайшим актом умилоствления хозяина-жаровика.

«Карфаген должен быть разрушен!» — повторяли древние римляне, обычно толерантные к любым религиям. Чудовищная бронзовая статуя имела длинные руки, достававшие до самой земли. Ребёнок, помещённый на эти руки, затем падал в огненную яму.

Разрушен был Карфаген, уничтожен был страшный идол, но сердца человеческие надёжно спрятали от Творца неба и земли идею принесения в жертву собственному благополучию детских жизней. Сегодня это сотни тысяч абортот. А в том далёком 1212 году умилённые купцы попросту продали тех детей в мусульманское рабство. Сложно представить, чтобы дети, возжелавшие отдать свои жизни за Христа, согласились принять обязательное в таком случае обрезание. Трудно поверить и в добровольное согласие юных христиан стать наложниками своих сарацинских хозяев.

Я вспоминаю житие своего небесного покровителя — пятнадцатилетнего Сергия, преподобномученика Синайского. Когда мусульмане, в нарушение повеления Магомета, напали на христианский монастырь, то перебили там всех монахов, за исключением всего двоих. Один избежал смерти в силу малодушия, спрятавшись на густой верхушке пальмы, а затем, пожелавший было спуститься и принять мученическую кончину, рассудил так, что кому-то нужно будет похоронить тела его собратьев. Так он остался свидетелем того, как, впечатлённые красотой юного послушника, сарацины оставили Сергия в живых. Понимая, что ему грозит гомосексуальное растление, юноша улучил момент, выхватил саблю из ножен своего высокородного хозяина и замахнулся на него. И был зарублен на месте.

Похожим образом, я полагаю, окончились многие жизни тех детей, кто когда-то покинул родительские дома, откликнувшись на зов сказочного гамельнского дудочника, пусть даже и невинного, уверенного в своём высшем предназначении.

Равноангельное пение

Что такое храм? С точки зрения не догматического богословия или религиозной философии, а простых эмоций? Первые ассоциации, которые возникают у меня, — это особенный аромат ладана, тайна невидимой Божией благодати и, конечно же, дивное, сравнимое с ангельским, клиросное пение.

Что такое церковная музыка? У нас, в России... Нет, не так. На Руси с давних времен — это само Божественное творение, переданное через ангелов в откровении пророкам и святым. Вот что это такое. В церковном пении практически, то есть по-настоящему, а не символически, как на Западе, преподаётся человеку целиком всё Евангелие — благая весть о распятом и воскресшем Христе. Настоящее церковное пение — это не концерт, не средство извлечения аплодисментов из слушателей. Это глубокая внутренняя сосредоточенность, это настоящее погружение Царствия Христова в наш мир. Западное пение постоянно стремится взлететь наверх, пока наше, восточное, ищет сосредоточения, чтобы расслышать Бога, сошедшего с небес. Также и храм православный — он как будто пристраивается к нашей жизни, словно весь небосвод сходит наземь, наполняя всё вокруг новым смыслом. Католические же соборы стрелами рвутся в небо, уходя от нас за пределы мироздания.

Хорошему церковному хору всегда присущи стройность и чистота звучания, богатая и разнообразная динамика, виртуозная красота в исполнении порой труднейших распевов. Стоп. Я что-то не то говорю. Забудьте про динамику. А то складывается такое впечатление, что можно окончить хоровую школу, а потом просто прийти в храм и встать у аналоя с нотами. И спеть Богу так же легко, как на репетиции перед зеркалом. Нет-нет. Если ты не проникнешься смыслом богослужения, то не сумеешь передать его молящимся. Не верующий во Христа человек, даже если бы и был лучшим в мире певцом, никогда не сможет по-настоящему хорошо петь на клиросе. Ведь в исполнении даже самого простого тропаря, помимо правильности технической, должно быть разумное и сердечное понимание того, о чём поётся, чтобы в нём была та самая искра жизни, которая могла бы зажечь молитву верующего.

В красоте церковного пения есть ещё одна важная особенность. Это благоговение, страх Божий. Подобно тому, как студент волнуется перед сдачей экзамена, испытывает чувство страха. Но именно этот страх и даёт возможность подготовки, ведь без ощущения трепета трудно относиться к делу ответственно и добросовестно. Так и в церковном пении: если ты сознаёшь, что Сам Господь присутствует здесь и сейчас, то и поёшь по-другому, и готовишься к каждой службе, как к экзамену перед Богом.

Больничный поп

В православном сестричестве Святых жен-мироносиц города Кемерово (города, в котором я родился, крестился и был рукоположен) я служу уже десять лет. На момент написания этих строк, конечно. До этого были Прокопьевск (в котором, как я уже говорил, Господь подарил мне троих детей) и Междуреченск (в котором когда-то прошли все мои школьные годы). Могу сказать, что разница ощутима, поскольку к обычному священническому служению в основном храме в честь святого великомученика и целителя Пантелеимона добавляется служение совершенно уникальное — «больничное».

Значительную часть времени я провожу у постели больного. Несмотря на то, что к моему приходу его готовила сестра милосердия, никогда нельзя быть просто «преподавателем» Таинств. Каждый человек нуждается в слове разъяснительном, в слове утешения. Он часто многого не знает, у него почти всегда есть вопросы. Так получилось, что подавляющее большинство обратившихся к Церкви за духовной помощью никогда раньше не исповедовались и не имеют никаких представлений о духовной жизни. Ещё приходится учитывать, что после выписки этот человек уедет в свой город или село. Таким образом, эта моя встреча с больным человеком — единственная, и я должен подвести человека к тому, чтобы он был готов посещать свой храм. Обратной связи, к сожалению, нет. И никак не получается выяснить дальнейшую судьбу человека. Не удаётся измерить «качество» своей пастырской работы, как это бывает на приходе, чтобы корректировать её.

Не только пациенты, но и медработники тоже имеют духовные проблемы и нуждаются в помощи священника. Изнуряющая работа, низкая зарплата, большая бумажная волокита, отнимающая драгоценное время, бесконечные недовольства и жалобы больных — всё это и многое другое порой приводит к очерствению сердца.

Думаю, стоит сказать, что в больничном служении мне ощутимо помогают базовые медицинские знания, небольшой опыт работы в больнице и даже опыт частого пребывания в стационаре в качестве пациента. Ведь это позволяет понимать и больного и доктора, ориентироваться в правилах и распорядке больничных учреждений, учитывать степень тяжести состояния больного, особенности его заболевания и специфику психологии. Всё это помогает находить индивидуальный подход к каждому человеку для совместного поиска путей решения духовных проблем.

Сестры милосердия — особый контингент. Нельзя выпускать из виду и их духовные проблемы. С каждой нужно проводить регулярные беседы, корректируя их профессиональную деятельность, отвечая на духовные вопросы, и даже просто жалея и успокаивая. Часто сестра замыкается на личных проблемах и проблемах вверенного ей больничного учреждения, выпадая из общей жизни сестричества. Я же вижу свой долг в том, чтобы не только совершать богослужения и преподавать Таинства, но и в том, чтобы откликаться на проблемы каждого, кто просит помощи, и помогать ему решать их.

Хотя, если уж говорить честно, видеть-то я вижу, а вот что до дела, тут, конечно, не всё так радужно.

Ёлочка

— Напиши сказку! — попросил как-то мой средний сын.

Я вздохнул, посмотрел на часы, ведь было уже поздно, кое-как поборол лень и написал следующее.

В одном далёком лесу жила-была маленькая ёлочка. Под её ветвями частенько прятались от лютых волков зайчишки и щёлкали найденные орехи белки, укрываясь от дождя. Все любили ёлочку и радовались ей, называя её «наша лесная красавица». Так продолжалось до тех пор, пока огромные вековые сосны, стремительно тянущиеся ввысь,

не заметили, что на их полянке растёт ёлочка, пользующаяся куда большей популярностью среди лесных зверей, нежели они сами.

Тогда они обратились к ней со словами:

— Мы стоим здесь вот уже двести с лишним лет, повидали многое на своем веку, выросли высокими и стройными, возвышаемся над всем лесом и видим на много километров вокруг. Но никогда мы не видели, чтобы от дерева была хоть какая-то польза, кроме того, чтоб его пустили на бумагу для скучных взрослых журналов или, в лучшем случае, на дрова. Сгоришь в банной печи, и вся жизнь твоя останется бессмысленной.

Опечалилась ёлочка. Уж очень не хотелось ей прожить жизнь бесславно и послужить кому-то всего лишь дровами на несколько минут. И опустились её ветви, осыпались иголки. Негде стало зайцам прятаться и белкам скрывать свои запасы.

Но однажды утром проснулась ёлочка от разговора двух барсуков:

— Как жаль, что негде теперь переждать дождь или от хищника спрятаться. Вот вокруг много деревьев, но они все большие, их кроны расположены настолько высоко, что совсем не защищают от невзгод, — говорили они.

И тогда ёлочка поняла, что она уже счастлива, что её слава и радость в том, чтобы помогать слабым и обездоленным зверям, чтобы быть нужной и полезной уже сейчас.

«Неважно, стану ли я дровами в печи, — решила ёлочка, — важно, исполню ли я свое предназначение сегодня».

Прошло сто лет, ёлочка стала могучей елью, но и по сей день в её развесистой кроне обитает множество птиц и маленьких зверей. Она никогда не скучает и не унывает. Вы даже можете пойти в тот самый далёкий лес и убедиться в этом.

Дилемма

Однажды Танечка и Ванечка подошли к родителям и, нахмурившись, сообщили им, что они (то есть Ванечка с Танечкой) уже взрослые и сами должны решать, как им жить. Доколе родители будут диктовать им, до скольких гулять, на какие оценки учиться в школе, сколько играть в компьютерные игры и когда ложиться спать?

На возможные родительские возражения у них уже были заготовлены контраргументы и брошюрка из школы, где заботливая Совунья и встревоженный Крош убеждают детей не терпеть наказаний ремнём и притеснений детской свободы, но непременно звонить в социальную службу по указанному телефону. Если что.

К удивлению Танечки и Ванечки, родители не только не разозлились, но даже обрадовались.

— Слава милосердному Богу! — воскликнул папа, подскочив с кухонной табуретки так, что чуть чай не разлил. — Наконец-то настал этот день!

Мама оживилась, перестала перебирать гречку, смахнув её обратно в контейнер, и убежала в комнату. Вернулась с газетой и, сверившись с часами, стала просматривать рубрику «Афиша».

— Что там есть? — заинтересовался папа, потеряв всякий интерес к детям.

— М-м-м... Вот, смотри, — ткнула мама в газету авторучкой.

— Так это же мелодрама, — запротестовал папа. — Да ещё и с тем слащавым типом!

— Ничего он не слащавый, — возразила мама. — Ну тогда давай на этот сходим.

Папа почесал щетинистый подбородок и одобрительно хмыкнул.

— На двадцать один пятьдесят можно, — сказала мама, — у меня пятисотка отложена. Ну и у тебя же там ещё осталось — возьмём тот большой карамельный попкорн и на пепси останется.

Танечка и Ванечка переглянулись, ничего не понимая. Получается, что родители через полчаса уйдут в кинотеатр и вернутся лишь к полуночи.

— Ма-ам? — протянула Танечка. — А кашу с мясом ты, что ли, варить не будешь?

— А крепление на лыжах? — вторил ей Ванечка. — Пап, ты ведь обещал поменять, завтра же физра!

— А лямку у сарафана подшивать ещё!

— А брюки гладить? Я стрелки не умею!

Родители посмотрели на детей счастливыми глазами и заулыбались.

— Мы так рады, что вы стали взрослыми! — восторженно сказал папа.

— Теперь у нас с папой начинается новая жизнь! — подхватила мама. — Нам больше не нужно о вас заботиться, вы ведь теперь взрослые.

— Кашу себе на завтра сами сварите, а у нас с мамой есть щи, которые вы не любите, — продолжил папа.

— Крепление, сынок, сам поменяешь, взрослый уже, да и стрелки дело такое: сегодня не получают — получатся завтра, — обнадежила мама.

— А взрослая тётя вроде тебя, Татьяна, с ляжкой справляться должна на раз-два, — подытожил папа, — а нам собираться пора, а то хорошие места все разберут.

Танечка и Ванечка не верили своим ушам. Родители собирались веселиться, а им, значит, тут погибать? Завтра же понедельник! Что значит — кашу сами сварите? Как это — сам крепление меняй да подшивай? Они тут что — рабы какие-то? Гувернантки? Или нет, гувернанты... или как там правильно говорить? Не Золушки, в общем.

— Что ж, Иван и Татьяна, — посерьёзnel папа, — слушайте меня внимательно и запоминайте. Есть два возможных варианта. Быть взрослыми или не быть ими. Но у каждого варианта есть свои минусы и плюсы. В плюсы первого входит всё то, что вы перечислили. То есть абсолютная свобода действий. Хочу — учусь, не хочу — не учусь. Ну и так далее. Минусы — это автономность. Взрослые самостоятельны. Сами себе пищу готовят, сами себе стирают одежду, гладят, деньги зараба... Хотя нет, на работу пока что не возьмут, придётся вас обеспечивать до восемнадцатилетия. Впрочем, осталось не так уж и долго. На чём это я остановился? Ах да. Автономность. Это в вашем случае явный минус. Зато вот детьми быть проще. Минусы, конечно, тоже есть. Приходится исполнять волю родителей и ремня получать за неисполнение. Зато плюсы неплохие. Накормят, напоят, обстирают, сопли подотрут, оденут, обуят и лёгкого пинка для нужного направления дадут. Но только чтоб всё по-честному. Либо так, либо эдак. Срок всё обдумать даю вам сутки. Двадцать четыре часа будете взрослыми. Мы вас не касаемся. Живите это время, как хотите. А завтра вечером скажете нам, кем предпочитаете быть. Ну всё, нам пора, а то опоздаем.

И родители, поспору собравшись, удрали смотреть кино, есть сладкий попкорн и запивать его вредной газировкой. А хмурые Танечка и Ванечка остались дома наедине с взрослыми проблемами и нарисованными Смешариками.

И снова о больницах и попах

Аще какой поп брезглив, или имеет боязнь крови (ну а вдруг?), или нрав впечатлительный, да не перешагнёт он порога больничного со Святыми Таинствами вовек!

А если серьёзно, то пациент больницы, желающий креститься, исповедаться, причаститься или пособороваться, может оказаться плохо пахнущим (тут вам и гной, нестираная одежда, кровь, пот, опрелости и т.п.). Он может быть похожим на мумию, весь в бинтах и ожогах, источающих сукровицу. Он может лежать с эмалированной уткой, у него может быть калоприёмник или мочеприёмник. Он может оказаться полностью раздетым, едва прикрытым простынёй, если это реанимация. У него может недоставать черепной пластины, рук, ног, а из разреза в животе может вываливаться петля кишечника. В конце концов, у него, как правило, повышенная раздражительность из-за болезни и стресса. И тут главное не ответить человеку в таком же тоне.

Я знал одного попа, который в ожоговое отделение без надушенной маски даже войти не мог. Ему было очень трудно совершать духовное окормление больниц. Как можно скорее он добился перевода на обычный приход.

За десять лет больничного служения я выслушал множество различных жизненных историй. На исповедях и в беседах. Такого количества я не встречал даже во всех прочитанных мною книгах. Столько судеб! Столько счастья и страданий! Столько роковых ошибок!

Однажды я крестил в палате женщину лет пятидесяти. У неё был обширный ожог керосином по неосторожности. Пока я на тумбочке раскладывал всё необходимое, она рассказала историю, произошедшую с ней четверть века тому назад.

Ранним утром она шла на работу по безлюдной улице и остановилась поговорить со знакомой дворничихой, чей рабочий день начался ещё раньше. После краткого, но эмоционального обсуждения новостей они разошлись.

Женщина начала переходить дорогу, находясь под впечатлением от общения, и не посмотрела ни налево, ни направо, как учили её ещё в школе. Шагнула под колёса грузовика, заметив его в самый последний момент, будучи не в силах остановиться. Кто-то сзади схватил её за одежду и с силой отшвырнул обратно на тротуар. Грузовик промчался мимо, а женщина, оглядевшись вокруг, стала благодарить знакомую за спасение своей жизни. Та решительно отреклась, заявив, что с расстояния десяти метров она только и могла что наблюдать, оцепенев от ужаса. Больше на улице никого не было.

— Я поняла тогда, что Бог существует и Он хотел, чтоб я осталась жива, — добавила женщина, приподнявшись с кровати.

— Однако вам не хватило и двадцати пяти лет, чтобы креститься, — заметил я, — и только вновь оказавшись между жизнью и смертью, вы послали за священником.

А сколько человек, даже крестившись, навсегда забывают о Боге! А сколько тех, кто, даже оказавшись на больничной койке, Бога и знать не хотят!

— Смотри, вон поп идёт! — Это я следую за сестрой милосердия по коридору геронтологического отделения мимо трёх незнакомых мне стариков, сидящих на кушетке под дверями процедурной.

— Прошёл и даже не поздоровался! Гордый какой!

Ох, мой ядовитый язык! Каких усилий мне стоило не повернуться и не ответить:

— Простите, не узнал.

Но так, к сожалению, бывает не всегда, и я потом переживаю, что явился для кого-то соблазном.

Сёстры милосердия тоже люди, и тоже могут допускать ошибки. Некоторые из таких ошибок способны увести людей от Христа. Даже если каждая из них имеет основы духовного образования и регулярно повышает свою квалификацию, стоит быть в курсе того, что сестра рассказывает больным во время катехизации. Порой бывает достаточно прочесть одну из многочисленных книг про ИНН, штрихкоды, отрока Вячеслава, Пелагею Рязанскую, очередного таинственного древлеправославного старца или Шарбея Махлуфа, чтобы позабыть решительно всё. От Библии и Вселенских Соборов до Святых Отцов и Символа веры. Не подумайте только, что всё, что я тут понаписал, хоть как-то намекает на непогрешимость моей пастырской практики. Мне частенько случалось и говорить и делать что попало по скудоумию и поспешности, да простит меня Господь.

О песке и камне

«Всяк человек ложь», — утверждает Давид. Как это? Уж мой-то сын не ложь. Я всегда могу на него положиться. Не знаю, могут ли на него положиться его жена и дети, боевые товарищи в окопе, умирающий от голода сосед. Какое мне до них дело, в конце концов? Но вот я точно могу опереться на единственного сына, на кровиночку свою, как на монолитный фундамент.

Лейте, лейте, ливни злые, не рухнет дом моего счастья вовеки! Стойте, а что это за старики кругом? Где я? Почему дом престарелых? Какой ещё Наф-Наф? Камень, егоже небрегоша зиждуции, сей бысть во главу угла? Что, вот прямо всю жизнь надо было строить на Христе? Не на Пасху и Крещение только, не «Отче наш» дважды по субботам, а вообще всю жизнь целиком? И сына так воспитать? Что за дикость? Правда, Ильинична? Тьфу, глухая тетеря! Нашли кого мне в комнату подселить!

Ну не бывает такого, чтобы всяк человек был подобен песку, так что и дома на нём не воздвигнуть. Ведь несвойственно людям болеть, умирать, сходить с ума. Не может тот, на кого я надеюсь, разлюбить меня и оставить одну со своими проблемами.

О, а вот тут ещё Павел считает, что Иисус Христос вчера, сегодня и вовеки Тот же. Скукотища какая, правда, Ильинична? Скучно, говорю! Вот же глухомань подселили ко мне...

Детская реанимация

Детский реаниматолог был человеком неверующим, и его сильно раздражали сёстры милосердия. Вездесущие, они часто норовили проникнуть в блок, где на маленьких кроватках лежали малыши. Побольше, поменьше. Им всем оказывался должный уход и самая лучшая врачебная помощь. Причём над каждым ребёнком трудилась целая бригада

докторов, приходя поочередно. И болезнь либо отступала, либо нет. В зависимости от тяжести случая, правильности предыдущего лечения и своевременности попадания сюда, в Кемеровскую областную больницу.

А тут эти церковные тётки мешаются. Разрешите, мол, окрестить ребёнка. А чего его крестить, если он в любом случае умрёт? Пришлось даже тайну врачебную огласить. Медицина в данном случае бессильна, он как врач сделал всё, что мог. Крести ребёнка, не крести, молись, не молись, а жить ему оставалось от силы день.

А тётки всё зудели, что к ним обратилась мама ребёнка, что батюшка-де наденет любой халат, любую маску, шапочку, да хоть скафандр, лишь бы пустили его.

— Ну почему вы так уверены, что Бог не может исцелить ребёночка? — повторяла самая мелкая из них.

Сдался врач, слегка вспылив:

— Ладно, крестите. Если ребёнок не умрёт, то я сам окрещусь и начну верить в вашего Бога.

Но недооценил доктор возможностей детского организма и силы современной реаниматологии. После крещения малыш пошёл на поправку и вскоре был выписан домой, к неопишуемой радости матери. Тут снова появилась та приставучая сестра милосердия со смешным платком на голове. Мол, вы обещали в Бога поверить и крещение принять. Ну вот ещё! При чём тут Бог? Трудился я, а вся заслуга Богу? Ну уж нет! Так он ей и сказал. Улыбнулась юродивая тётка:

— Просто Вы ещё не готовы.

Но с тех пор врач старался не препятствовать сёстрам и попам приходить в реанимацию. Правда, под надзором и в строго оговоренное время.

Музыка

Удивительное дело: музыка всегда была способна вызывать во мне совершенно разные эмоции — от резкого неприятия до наслаждения. И никогда не оставляла равнодушным. Словно что-то внутри, услышав пароль, отзывается. Если условный сигнал верный, проходи, тебя здесь ждут, а если нет — тревога, враги, нарушители!

Похоже на то, как устроен иммунитет человека. Антитела в организме человека распознают чужака и не пускают его дальше. Вот так и мой мозг реагирует на «чуждые» звуки и заставляет меня зажимать уши или же просто морщиться. Тогда я говорю, что эта музыка дурна, некачественна. Хотя на самом деле она просто диссонирует с моей душой, раздражая её. Может быть, она сама по себе вовсе неплоха. Да, скорее всего, именно так. Каждый из нас сам определяет, как охарактеризовать те звуки, что он слышит.

Что я могу сказать о той музыке, что я люблю? Одни музыкальные произведения могут успокаивать, другие — веселить, третьи — умягчать сердце. Когда царь Саул бесновался, то его успокаивала игра Давида на десятиструнной псалтири.

Зеркало мира

Константин Никольский, замечательный музыкант, считает, что от взора поэта не может укрыться сущность явлений. Само собой, куда ж ей, родимой, деться? Взглянул Адам на животных, уведал, то есть постиг, их суть и нарёк всем имена. Итак, Адам — второй поэт. Почему поэт? А что же такое поэзия? В переводе с греческого — это сотворение, творчество.

Истинным Поэтом является, конечно же, Господь Бог, сочинивший и сотворивший весь мир. Что же творит человек? Ведь уже готова Вселенная и всё, что её наполняет. Мне кажется, что поэт-человек, будь он музыкантом или художником, скульптором или стихотворцем, не только видит жизни секреты, но и является преподавателем сути вещей, которые отражаются в его душе — в зеркале мира. Чем бережнее обращаешься с этим хрупким инструментом, тем более точно оно передаёт «изображение». Бог как бы берёт в соавторы поэта, которому открывается особенная красота и значение каждого из творений и их взаимодействий.

Это чудесное и в то же время страшное служение — быть соавтором Поэзии Творца! Ведь если твоё зеркало криво и заляпано грязью, то грязь и преподашь, выдавая её за красоту, смешав беспорядочно все краски на палитре. Тогда ты обманщик и лжепророк. Что

возвестишь ты людям? Чему научишь? Какие чувства пробудишь? И что ответишь ты потом, стоя у Престола Всевышнего?

Существование каждого поэтического опуса (читай — каждого произведения искусства), в моём скромном понимании, оправдано той пользой, которое он может принести хотя бы одному человеку. Под пользой я имею в виду спасение души. Поэт поднимает целину. Он, если хотите, пахарь человеческих сердец, куда затем семя евангельское падает.

Лично я, когда прикасаюсь к любимым произведениям искусства, уверен, что без влияния Святого Духа они быть никак не могли. Хотя почему это только я? Ведь Константин Николаевич так и поёт, что всё это происходит в миг вдохновенья. Коснулся Дух зеркала мира — оно задрожало в волнении и озарило, отразило нечто очень важное. Нет, конечно, я не считаю, что лишь красота имеет право отражаться в душе поэта. Там и маски врагов, и неправда человеческая видна.

Главное — не исказить, показать всё как есть. И рассказать, что ты, поэт, чувствуешь, глядя на красоту Божию и на грязь грехов человеческих. Так, чтобы поверили тебе. Так, чтобы ещё одна борозда на сердечной грядке пролегла.

Да, в качестве постскрипума, я вот тут как-то подумал, что, не торгуясь, променял бы авторство всех своих неловких стихов, песен, мелодий и всей своей шероховатой прозы на авторство одной-единственной песни. Эта композиция называется *Brothers In Arms*, а написал её Mark Knopfler, лидер британской группы *Dire Straits*.

Поповские кошмары

Большинству людей время от времени снятся кошмары. Как правило, это переиначенные подсознанием дневные переживания. Или бессознательное стремление к чему-то нехорошему (в силу повреждённости человеческой природы грехом), которое надёжно блокируется цензурой сознания (в силу воспитания).

— Батюшка, мне сон давеча приснился. К чему бы это? — иногда спрашивают меня люди, желая получить некое мистическое истолкование.

— Так это не ко мне, — отвечаю я, — это к Пифийскому оракулу. С другой стороны, думаю, если человек во сне увидел, что он делает нечто греховное, пусть даже, как ему кажется, он на такое не способен, стоит задуматься о том, чтобы перепроверить свою духовную жизнь, приведя её к должному состоянию.

Но я отвлекся. Какие же кошмары могут сниться священнослужителю, который не верит в бабаек из чулана и прочих монстров? Когда мне было семь лет, я напугался увиденную во сне семихвостую кошку-оборотня. Она не спеша двигалась ко мне (идут ли слонopotамы на свист, и если идут, то ЗАЧЕМ?) с неясными намерениями. Я же, не желая вступать с неправильной кошкой в диалог, убежал от неё. Понятно, что убежал я крайне медленно, как будто двигался в густом киселе. Благодаря цензуре подсознания я проснулся прежде, чем это порождение детской фантазии меня нагнало.

Были также всякие упыри и вурдалаки (спасибо вам, русские народные сказки под редакцией Афанасьева!) и прочая нечисть. К слову сказать, иногда православным свойственно недолюбливать зарубежные сказки за их мистические сюжеты, противопоставляя им сказки русские, лишённые всякой бесовской магии. Но как раз этого-то добра в них навалом. А ещё убийств, мошенничества, воровства, причём совершённых положительными героями. Кто не верит — перечитайте, сломайте шаблон.

Но вот я вырос, получил духовное образование, стал священником. Перестали ли мне сниться кошмары? А вот и нет. Но что может напугать русского православного попа?

Я обнаружил себя в алтаре, стоящим перед жертвенником в джинсах и футболке. С клироса доносилось чтение. Шестой час. Кроме меня в алтаре не было ни души. Что? Шестой час уже??? Ведь я должен был совершить проскомидию, а на Жертвеннике пусто! Где просфоры? Где сосуды? Пономарей нет, но я успешно справляюсь и без них. Пора совершать каждение алтаря и всего храма. А подрясник-то, подрясник где? Так он же дома, постиранный, но не поглаженный! А без подрясника никак. Подрясник на майку не надевают. И тут я понимаю, что вот-вот прибудет архиерей, а у меня конь не валялся. А шестой час постепенно подходит к концу...

Думаете, это было не страшно? Если так, то ошибаетесь. Такого ужаса я не испытывал даже при встрече с семихвостой кошкой. Какие уж там бабайки! Проснувшись в холодном поту, я возблагодарил Бога за данный Им механизм, прекращающий нежелательное сновидение в момент угрозы психическому здоровью человека.

А мой друг, отец Геннадий, в ночь перед рукоположением увидел себя на амвоне кафедрального собора. Архиерей сидел на специальном сиденье кафедры и ожидал кандидата для совершения над ним хиротонии — Таинства посвящения в священный сан. Подрясника на молодом выпускнике медицинской академии тоже не было. Да что там подрясника! Брюки, и те отсутствовали! Вокруг суетились иподиаконы, ведь им точно влетит от владыки за то, что в службе серьёзная заминка, но и они не могли отыскать, чем прикрыть такой неуместный для храма наряд.

«Это всё мои духовные недостатки», — понимал друг, но ничего не мог с этим поделать. Пять-шесть сотен прихожан недоумённо взирали на это бесчиние, но молчали, поглядывая на архиерея. А тот терпеливо ждал. Ужас происходящего был весьма велик. Наконец владыка махнул рукой:

— Ладно, давайте его сюда таким, какой есть.

И если бы «Божественная благодать, всегда немощное врачующая и оскудевающее восполняющая», не покрывала бы наши немощи и не очищала от грехов, то Святой Дух не пребывал бы в людях, потому что «всяк человек ложь».

Заповеди

Они очень трудны и придуманы исключительно с одной целью — максимально усложнить жизнь человека. Так, чтобы он никогда ничему не радовался. Что? Откуда я это взял? Да все это знают! Скажу больше: надёжные люди по секрету говорят, что вроде как их даже и не Бог придумал. Наверняка хитрые попы сидели и переписывали Библию раз за разом. Лишь бы нормальным людям досадить.

А то, что в притче о милосердном самарянине эти хитрованы забыли заменить немилосердного священника (помните, он же мимо прошёл того человека, которого разбойники избили до полусмерти?) на, скажем, немилосердного атеиста, так то мелочи. Всем ясно, что заповеди условны, и можно не так уж и сильно их соблюдать.

Рассудите сами: вознамерился я попасть в Царствие Христово. Нет, так неинтересно. В плавательный бассейн. Из своей квартиры. Карта ни к чему. Ведь маршрут-то изведан вдоль и поперёк. От печи до Царст... то есть до бассейна.

А заповеди — это, скажем, правила дорожного движения. И знаки ещё. Дорожные. Хотя, да кому они нужны? Захочу — и на красный свет пройду. Или проеду. И без ПДД и зебр до цели доберусь. Моя жизнь — мои правила.

Идти днём необязательно. Можно и ночью в бассейн попасть. Что значит — не круглосуточно? Бред какой-то. Без шапочки и трусов не пускают? Шовинисты, что ли? Двадцать первый век, между прочим!

А кто сказал, что бассейн должен находиться именно за тем поворотом? А я хочу по другой дороге. Нет, не так. Я хочу, чтоб бассейн всегда был в той стороне, куда я пойду. Вчера вот на север, сегодня на юг. По большому счёту, бассейн должен сам ко мне приехать. Чего я плутать буду? Я же клиент, а клиент всегда прав.

Так нет же! Всё против меня! И бассейн-то недвижим, и куча всяких правил существует, без которых я не доберусь до него. Не собьёт машина, так ограбят. Или замёрзну по дороге. Придётся всё же трусы надеть. Да и всё остальное тоже. Закажу, что ли, такси да охрану найму. А ведь плавать уметь ещё надо...

А так ли уж нужно мне в этот басс... в это Царство Христово? Если не очень, то какой смысл брюзжать? Если не очень, то и обижаться на заповеди глупо. Они же для тех, кому нужно к Богу. Кто считает, что Бог у него в душе, тому и видимое, настоящее Царство никакое не требуется. Вполне достаточно и воображаемого. Так ведь?

Кстати, будь моя воля, милосердным в той притче оказался бы никакой не самарянин, а поп, причём русский, из Сибири. И не благочинный, не настоятель крупного храма, а простой штатный поп. Вроде меня. А то — самарянин, самарянин...

Вода

Царила сумятица. Все вокруг готовились к приезду какого-то чудака, который решил удивить местных жителей ни много ни мало — бесплатной цистерной воды. Как будто у нас своей не было. Вон же колонка стоит — через две улицы. Подумаешь, ржавая. Отстоится — становится прозрачной. А про вкус, помнится, уже высказывался один индус.

— Чего все такие оживлённые, а? — спрашивал я односельчан.

Те отмахивались, мол, отстань, молча указывая на плакат на дверях клуба.

Текст гласил, что вода аж с какого-то необитаемого канадского ледника. Заповедная зона, экология и всё такое. Если верить всему, что там было написано, чудодейственная вода разве что мёртвых не поднимала из земли. Вот и хорошо. Пушай себе лежат.

Канада... Ещё бы с ледников Исландии привезли водицу или с островов Фиджи, Модильяни меня разбери! Вода — она и есть вода. Так я и говорил всем, кто проходил мимо. Два дня подряд дежурил.

Кто-то возразил мне, что в столице за бутылку дают аж пятьдесят американских долларов. Вы слышали? Пятьдесят! Половину моей пенсии!

Ещё пару дней эта цифра не выходила из моей головы. Нет, ну конечно, я понимаю, что в городах воду продают в больших пластиковых бутылках. Но так она же человеческих денег стоит! А тут...

В общем, когда тот богачей цистерну-то пригнал, решил я этой аквавиты побольше набрать. Самая вместительная фляга стояла у меня в сарае, всяким хламом заваленная. Ну, я её на тележку — и вперёд.

А на площади народищу — не протолкнуться! Кто с бутылкой, кто с бидоном, а кто и с целой канистрой. Эдак мне не хватит. Поди, с окрестных деревень ещё понапёрлись. Ан нет — свои. Ну всё, не набрать мне золотой воды.

— Пачкуна-то пропустите, — прозвучал в толпе старушечий голос. Люди стали оглядываться, почему-то на меня, и расступаться. Тут я понял, что речь шла обо мне.

«Я те покажу пачкуна!» — хотел было возмутиться я, но благоразумно промолчал и воспользовался возможностью пройти без очереди.

На розливе стоял какой-то пройдоха. Чистенький такой, в белых перчатках, а у самого рожа толще председательской. И глаза такие наглые-наглые.

— Открывай, дед, ёмкость! — хозяйским тоном скомандовал он.

Ругаться времени не было. Разинешь рот — а воду всю и разберут. Скрипнув с досады зубами, я открыл крышку. Блестящий шланг в один миг наполнил флягу. На поверхность всплыла промасленная тряпка. Откуда ж ты взялась, окаянная? Вместе с тряпкой всплыл ещё какой-то мусор.

Пока никто не увидел, пора было делать ноги. Захлопнув крышку с помощью какого-то шалопаю, я резво покотил тележку сквозь толпу.

Но вот же змейство! Фляга оказалась худой, и вода струилась сквозь ржу прямо на растрескавшуюся землю. Я припустил, что было духу. За мной предательски тянулся мокрый след. Деньги буквально утекали в дорожную пыль!

Укоряюще глянул петух, сидя на плетне. Кшу, чертяка!

Немного я довёз в тот день — от силы литров пять будет. Процедил я ту дорожную воду, попробовал, сравнил с нашей, из колонки, а разницы-то и никакой, скажу я вам. Тот же ржавый да пыльный вкус.

Поп и гармонь

Когда я, штатный клирик кемеровского больничного храма, учился на биологическом факультете, многие недоумевали, мол, зачем попу гармонь? Но к тому времени я давно привык, что, согласно общественному мнению, попу вообще всё незначит. Окромья кропила и кадила, само собой. Одни из недоумевающих были верующими, другие — неверующими. На мои попытки возразить, что сам основоположник генетики был аббатом, никто не обращал внимания, так как люди знали наверняка, что Мендель из меня не получится.

Итак, чтоб соответствовать сложившемуся в обществе облику русского православного священнослужителя, я не должен был:

1. Учиться на РФФ (пришлось бросить из-за тяжёлой беременности супруги — ей требовался уход, как я уже говорил).

2. Получать дипломы генетика, педагога и зоолога («Не скрою, удивляют ваши увлечения», — посетовал один мой хороший знакомый. На что я туманно ответил: «Я лично бухаю, а кто-то колется»).

3. Вообще учиться в светских вузах. В принципе («От юности и от науки злы», — сказала мамина подруга, желая спасти меня от зла науки).

4. Писать прозу, стихи и песни (против был один московский игумен и кое-кто из писателей и поэтов).

5. Играть на гитаре (дозволялось лишь иеромонаху Роману, да и тот, как верно баяла одна бабушка, из-за этого ослеп).

6. Заниматься журналистикой (около года я подрабатывал внештатным сотрудником междуреченской газеты, подписываясь именем Сергея Чигракова (да простит меня лидер музыкального коллектива Чиж&С^о), чтоб не ругался благочинный отец Николай: «Ты священник или журналист?»).

7. Слушать какую-либо музыку, кроме церковной (а не всякую бесовщину вроде Пинков с Флойдами, да и Паганини, как поговаривают, тоже, скорее всего, душу диаволу продал, ну а кому ж ещё?).

8. Иметь пищевую аллергию («Аще что и смертное испиют — не вредит их!» — выговаривала мне церковная повариха, и возразить ей было нечего).

9. Пользоваться перед служением литургии противоастматическим ингалятором (два священника как-то раз на полном серьёзе отправляли меня за разрешением к духовнику, но я не пошёл, ибо мало ли что).

10. Жалеть мирных жителей Чечни (пока шла война, среди очень православных было принято желать смерти всем чеченцам, включая детей, женщин и стариков, считая, что «все они там террористы»; мои доводы в защиту жизней ни в чём не повинных людей не принимались во внимание).

11. Сомневаться в старцах людских (все, кого люди именуют старцами, автоматически получают полный духовный карт-бланш, а Православие перестаёт держаться на Соборах и апостолах, поскольку старцы намного надёжнее).

12. Добиваться законности («Вы же набожный человек! Почему вы спорите?», «Служители Церкви должны быть смиренными!»).

13. И многое-многое другое.

Тем не менее я посещал лекции, сдавал зачёты и экзамены, получая удовольствие от учебного процесса. И приставал к научному руководителю с идеей выяснить, какой белок какого гена отвечает за непереносимость алкоголя. Аллергию на спиртное я мечтал с помощью генной инженерии щедрой рукой раздавать всем желающим. Эта достаточно редкая особенность есть у моей супруги, у которой даже небольшой глоток вина или пива вызывает сильный отёк слизистой (а на Причастие аллергии у неё нет), и мне казалось, что на эту тему можно написать дипломную работу.

Как оказалось, для такого научного изыскания следовало бы отыскать во всех крупных городах России тех добровольцев, кто проверит все больничные карты в поликлиниках на наличие аналогичных жалоб. Не говоря уже о том, что нужно собирать образцы ДНК, пересылать их в Кемерово, найти хорошего спонсора (государство-то денег не выделит) и убедить его, что сей научный проект принесёт ему сверхприбыль уже послезавтра.

Так рухнула моя мечта о массовом излечении и профилактике алкогольных аддикций.

Но гармонь гармонью, а рясу-то уж поп должен носить или как? Так и спросил у меня один коммерсант — прихожанин храма, где я служил.

Я шёл домой, и он, поравнявшись со мной, выглянул из машины и посетовал, что никак не может дождаться золотых времён, когда я начну ходить по улице в рясе и в сапогах, как ходили дореволюционные батюшки. После чего спросил, когда же это долгожданное время наступит.

В тот момент мне захотелось сказать, что дореволюционный купец носил окладистую бороду, кафтан с жилеткой и ездил на очень даже лошадной повозке, но удалось сдержаться. Вместо этого я обозначил вполне реальные сроки золотых времён:

— А вот когда вы начнёте десятину платить с доходов, тогда у меня будут деньги на специальную уличную рясу.

Купец пожелал мне доброго здоровья, поднял стекло, хлестнул вожжами сто двадцать лошадей и уехал.

Анестезия

Мы не привыкли терпеть страдания. Чуть что — таблетка, укол, сигарета, стакан водки, телевизор, петля. Что-нибудь. Лишь бы не терпеть. Только б не лицом к лицу со своей болью. Закрывать гроб, не видеть лица покойника. Уволиться, срочно. Уехать. Чтоб не видеть тех, кто ранил, огорчил. Развестись. Сдать проблему в детдом, а дядьку-инвалида в психоинтернат. Вообще запретить инвалидов. Заболел неизлечимо — усыпить. Как собачку.

Кино? Мне — чтоб не думать. Цветные картинки подавайте. Чтоб полегче, без этой вашей чернухи, без драмы. Музыка? Попроще, чтоб текст понятный, позитивный, мелодия чтоб сразу запоминалась. Декаданс под цензуру! Криминальную хронику, кстати, тоже. Попам и врачам раздать розовую униформу. Чёрный — цвет траура, белый — больниц. Так это же напоминание о страданиях! Прочь с глаз!

Главное — обезболить, обесчувстить. Чувства ранят? Прозуим в студию! Тот, что из антиутопии «Эквилибриум». Любовь подразумевает жертвенность? Препарировать, ампутировать, изъять навсегда. Долой трудности, долой печаль, терпение — анахронизм.

«Сегодня подвиг блокадного Ленинграда невозможен, — сказал мне однокурсник Эдуард, — сразу начнём есть друг друга».

Конечно. А куда деваться? Ведь реклама взывает: «Ты сам не свой, когда голоден!» Срочно перекуси! Бьют — беги. Бьют не тебя — ещё быстрее беги, пока за тебя не взялись. За слёзы выдавать больничный лист. Приуныл — на пенсию. Мудрость в старости? Неоткуда. Да и незачем. Кефир, клистир и тёплый кашемир. А если что — всегда под рукой анестетик.

Живём-то в эпоху анестезии.

Поповские недуги

Они существуют, их очень много.

Кто-то из попов, например, не любит исповедовать. Ведь некоторые прихожане привыкли просто перечислять грехи. Без попыток что-либо исправлять в своей жизни. Другие каются «делом, словом, помышлением». Стоит только спросить: каким делом, что за слово и что за помышление такое — и человек может впасть в ступор. Иной скажет, что всеми грехами грешен. Мой друг на это обычно отвечает:

- Ой, тогда вам нельзя причащаться.
- Как это? Почему?
- Ну, вы же от Христа отрекались, людей убивали.
- Я? Да вы что?
- Ну, вы же только что сказали, что всеми грехами согрешили.

С другой стороны, если совсем не слушать, в чём люди каются, можно вообще забот не знать. Знай только накрывай епитрахилью. Пусть другие попы разбираются, если им надо. А моя хата с краю. Бывает и такое, к сожалению.

Кто-то не любит венчать. Приходят, мол, нехристи. Не знают, куда встать, когда крестное знамение на себя наложить. Да и всё одно — аборт будут делать, изменять друг другу, а потом разведутся. А архиерей потом спросит: «А кто венчал? Ах, отец такой-то? А ну-ка, иди сюда». Повенчайте кто-нибудь за меня, а?

Кто-то терпеть не может отпевать. Скорбь, слёзы. Как всегда, над гробом истерика будет. Зеркала занавешены зачем-то, на столе языческий стакан с водой и хлебом, под гробом топор лежит или замок, на поминках водку пить будут, ругаться из-за наследства. Да и запах нехороший опять же.

Кто-то избегает бесед с прихожанами. Ведь это отнимает время, силы, нервы. Да и вопросы зачастую сложные попадают. Надо много читать, следить за церковными (да и светскими) событиями, знать синодальные документы.

Кто-то не любит проповедовать. Ну не знает он своей паствы, не интересуется их духовным состоянием. Нечего ему сказать нелюбимым своим пасынкам и падчерицам. Ведь даже неучёные батюшки радеют о воспитании своих чад, хоть и говорят с амвона порой косноязычно.

Всякие недостатки встречаются в среде духовенства. Ведь они такие же люди. Воспитывали их, мои дорогие читатели, ваши соседи. Ходили будущие пастыри в те же школы. Читали те же книги. А многие из них оканчивали те же вузы. И недостатки у попов и мирян бывают одинаковые в силу того, что все мы слеплены из одного и того же теста. Да и миром мазаны мы во время крещения тоже одним и тем же.

Галина, моя хорошая знакомая (слово «подруга», к сожалению, имеет обыкновение расцениваться в неправильном ключе), попросив подписать ей подаренную мной книгу «Ворваться в рай», сказала:

— Укажи там, что мы с тобой друзья, а то никто не верит, что у врача может быть друг священник.

— Конечно, не верят, — ответил я, — ведь попы сюда прилетают с Марса. Ну разве что тебе придётся сказать, что ты залетала туда по делам и мы там случайно пересеклись.

Но вернёмся к поповским недостаткам. Даже если что-то и не любит делать священник, всё равно это его работа, его призвание. Его жертва перед Богом, которую он обязан принести. Избегать своих обязанностей — грех. Списывать своё нерадение на чужие немощи — нехорошо. Потрудись, пастырь, над собой, и узнаешь, как вынимать чужие соринки. А вынимать надо. На то ты и поставлен Богом — учить, исправлять и вести за собой. А прежде ты сам должен внимательно смотреть, идёшь ли за Христом или в какую-то другую сторону.

В противном же случае, как однажды метко сказал мой друг протодиакон Павел:

— Если батюшка тяготится своим служением, может, ему профессию сменить?

Сам-то я понемногу страдаю всеми перечисленными тут поповскими недугами. Понемногу, оттого со стороны это бывает незаметно. Но мысль о смене своего служения на какое-то другое, слава Богу, всё ещё приводит меня в ужас. Не представляю себе, чем бы я занимался, окажись вдруг лишённым сана.

Однажды епископ Владимир (Агибалов), будучи ещё ключарём Знаменского собора города Кемерово, сказал мне в частной беседе, что не представляет себя вне священного сана:

— Без креста я — никто.

Меня его слова очень поразили, ведь я знал, что у него помимо богословского образования за плечами был исторический факультет госуниверситета. С тех пор я всегда повторяю, оплакивая свои грехи и духовные немощи:

«Помоги мне, Боже, удержаться в сани! Ведь я без креста — никто».

Зависть

Ей завидовали все соседи. А также родственники и друзья соседей. То было немудрено — у неё был красавец муж. Высокий, статный голубоглазый блондин с нордическим характером. А сама она была маленькая, невзрачная, хотя и веселушка.

— Не фигура, а фигуля, — говорила одна соседка.

С ней соглашались. Контраст семейной пары слишком уж резал глаза. Мозолил. Мешал спокойно жить.

— Как есть колдовка, — качала головой другая соседка, — такого мужика только присушить могла!

— И пронырливая ещё, — вставляла её подружка. — Вон какой огород у ей, ровненький, чистенький, а из земли-то всё так и прёт!

Огород действительно был образцовым. Его можно было снимать в глянце. Ни сорняка, ни лишней травинки. Понятия «неурожай», похоже, в этой семье не ведали.

— Вот охота же ей буквой «Г» целыми днями в огороде стоять! — ругались прочие.

— Почему одним и муж красивый, и урожай, и счастья полон дом, а другим — ничего? — гадали все вокруг. И печалились, так как хитрить и колдовать не умели. Да и не пронырлив был никто из них.

Однажды её муж ушёл к другой.

— Прозрел, — заговорили соседи, их близкие и дальние, — нашёл себе не дурнушку, всем же понятно было, что не пара она ему.

И все вокруг понимали, конечно же. А нечего хитрить, колдовать и пронырой быть.

Стала она тихой и молчаливой. Потом пошла как-то в баню мыться, да и умерла там. А огород её вскоре бурьяном порос. На радость соседям.

Скверный поп

Жил да был на свете скверный поп. Скверным его называли вовсе не за прогулки в скверах, а за то, что у него был вредный характер.

Вот, к примеру, позовут его больного причастить, а больной, желая оправдаться в нежелании вести духовную жизнь, возьми, да и скажи, мол, знаю такого-то маститого митрофорного. Так ведь скверный поп на то непременно заметит, что такого-то маститого митрофорного знают все без исключения, а вот ежели такой-то маститый митрофорный сам знал бы больного, так, без всяких сомнений, сам возжелал бы его причастить.

Ещё он любил задавать желающим принять Святое Крещение каверзные вопросы, чем немало смущал даже своих собратьев.

— Веруете ли вы в Бога? — пытал он как-то человека, прежде чем окрестить его.

— Ну, в абстрактного, — не растерялся мужчина.

Скверный же поп заявил, что поскольку он не знаком ни с одним абстрактным человеком, то и абстрактного Бога представить не в силах. И тут же неожиданно стал читать Символ веры, спрашивая после каждой строчки, в этого ли Бога верует ищущий просвещения. А получив отрицательный ответ, не постеснялся в Таинстве отказать.

Ну а если испытуемый отвечал, что в Бога он верует, скверный поп начинал от крещения отговаривать.

— Да зачем это вам? — спрашивал он. — Неужели вы хотите соблюдать посты, ежедневно молиться, читать Библию, ходить каждую неделю в храм и соблюдать заповеди? Неужто вы готовы отказывать себе в том, чтобы выругаться матом, украсть что-то с работы, сходить налево разок-другой? Стоит ли крещение того, чтобы ломать себя, прощая врагов и смиряя свою гордость?

И был весьма доволен, если человек, напуганный средневековостью требований, решал, что креститься пока не готов.

Впрочем, то были ещё цветочки. Кающимся в абортах этот поп предлагал рассмотреть вариант возвращения в тот день на сатанинской машине времени:

— Вы тогда сохранили бы жизнь ребёнку или всё равно убили его?

— Что, всем пятнадцати? Всех рожать, что ли? — однажды попыталась образумить его пожилая женщина.

Тщетно, конечно. Скверный поп отказался даже молитву разрешительную прочитать!

Вот какой он был. На отчитку благословлял лишь тех, кто хрюкал да мяукал у Чаши, не в силах причаститься (то есть никого из горевших желанием пройти обряд экзорцизма, как вы понимаете). С подозрением относился к старцам и пророчествам о последних днях. Не верил в исцеляющую силу молока и мяса во время постов, проповедуя медицину даже в случаях изжоги. Не одобрял новых икон, больше надеясь в этих делах на архиерея, нежели на благодать.

А однажды дошёл до того, что не благословил бабушке лечиться подмором пчёл, сославшись на то, что он, видите ли, в пчёлах не разбирается. Ну ладно бы, запретил. Успокоить мог христианскую совесть. Так нет же! Ответил, что ни запрета, ни одобрения дать не может. Запутал бабушку, одним словом.

Но, несмотря на это, скверного попа любили постоянные прихожане:

— Молодой ещё, горячий, многого не знает, — защищали они его перед обиженными. Так и выезжал тот поп на людской доброте и снисхождении.

О помощи Божьей

Мы часто просим Бога о помощи. Дай нам то, помоги в этом, исправь наши ошибки, сделай так, чтоб круги от того камня, что я бросил в пруд, были квадратными. А тот мой плевок, что сейчас на лице у другого человека, преврати в нечто приятное, ведь я собираюсь у него денег занять. А тот факт, что я усердно пил водочку, пусть ничего не значит для моей печенки. Что? Какой ещё цирроз? За что?!

Господь милосерден. Он всё простит. Он просто должен мне всё простить. Обязан дать всё, о чём бы я ни попросил. А иначе какой Он Бог? Ведь Он когда-то очень сильно

задолжал мне. И теперь я жду от Него расплаты. Приди, Господи, исправь всю мою жизнь. Но только так, чтобы я не менял своей траектории движения в ад. Сделай так, чтоб я продолжал делать всё, что мне нравится, а моя жизнь при этом считалась бы исправленной. Думаете, я утрирую? Ничуть. Именно так мы и «предстоим» перед Богом. Капризно и требовательно. А то и вовсе истерично. Но как ни крути, а без Божьей помощи не обойтись.

Тогда, прося у Бога помощи, стоит рассудить: а готов ли я повести себя правильно в момент Божественного вмешательства в мою жизнь? Хватит ли у меня доверия к Богу? Ведь у меня есть свой собственный план своей жизни, который частенько расходится с тем, что приготовил мне Господь. Я веду себя перед Богом точно так же, как порой ведут себя неблагодарные дети перед родителями. И всё-то им кажется, что их недолюбили. И всё-то они знают о жизни лучше папы и мамы. И всё-то горьки те пилюли, что они получают в дни болезни. А про уколы и вовсе умолчу, ведь нет ничего хуже их. И школа плоха, и домашние обязанности тяжелы. Ропщут дети, обижаются, ленятся и не доверяют ни отцу, ни матери.

И вот я стою перед Богом и говорю:

— Дай мне смирения.

Но, лишь стоило Богу предоставить в моё распоряжение хорошую возможность смириться, как я снова говорю Ему:

— За что, Господи, меня так обидели в маршрутке?

Будь я Богом, я бы сказал, глядя на меня:

— Ну что за дурак?

Но почему-то Бог продолжает меня терпеть. И любить.

Вместо послесловия

Вот и закончилась книга. И вспомнил я, как однажды некоторые люди сказали мне:

— Вот, мы прочитали твои рассказы, прочитали стихи и не нашли в них ничего, что было бы против канонов или догматов Святой Православной Церкви. Это очень хорошо.

А я от такой похвалы расстроился. Но не потому, что мои читатели искали в моём творчестве подвох, а потому, что во время поисков они не получили удовольствия от чтения. Очень надеюсь, мои дорогие читатели, что вам не было со мной скучно. Даже тем, кто ожидал прочесть в этой книге нечто большее, чем все мои наивные глупости. Но, так или иначе, я прошу ваших о себе молитв! Храни вас Бог!